

ЕКАТЕРИНА ОЛЕНЕВА

16+

ПРОСТАЯ
СМЕРТНАЯ

Annotation

Я не мечтала попасть в жестокий мир магии, страстей и драконов, но так случилось, что скромная школьная учительница оказалась в теле принцессы. Теперь мне предстоит выйти замуж за опального принца. Моего будущего мужа страшатся и ненавидят, он красив и жесток, повелевает драконами. Ни в сластолюбии, ни в жестокости, ни в амбициях – он ни в чём не желает знать меры или сдерживать свои аппетиты. Под силу ли простой смертной укротить Зверя, стать мудрой правительницей и обрести счастье?

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)

Автор обложки: neangel

Сток <https://www.pexels.com/>

Глава 1

Отодвинув документы в сторону, я бросила взгляд на часы. Четверть восьмого. Мой рабочий день давно закончился. Можно идти домой с чистой совестью.

Набросив своё уютное пальто на плечики, надвинув шапочку на ушки я побрела по утопающему в тени коридору, безрадостно рассуждая про себя о том, что жизнь сложилась трудно и скучно. Я не стала актрисой, топ-моделью или бизнес-леди. Даже торговым представителем или секретаршей у чиновника средней руки стать не посчастливилось.

Я – ничто. Я серая скучная убогость, которую уважает разве что плесень? Я гроза юности и дурное воспоминание зрелых лет – я учитель. Ага. Истории. В смежной специализации – обществознание. И диплом у меня, к слову, красный. И квалификация – высшая, педагогическая нагрузка – две ставки и классное руководство. Для тех, кто в теме, тот поймёт, что этого вполне достаточно для того, чтобы ни на что другое, кроме работы, сил в жизни просто не оставалось. За все мои усилия по обучению наших юных дарований (и прочих оболтусов) я получаю чистыми аж тридцать пять тысяч в месяц, если грязными, то моя зарплата стандартно вписывается в те самые сорок тысяч, о которых гордо рапортуется в статистических финансовых отчётах.

В глазах большинства моих соплеменников я «серый неудачник». Так изволили охарактеризовать нас с коллегами один из чиновников. И работаю я в обычной «серой» школе, отстроенной ещё при «совке», где-то в начале семидесятых и с тех пор особо ничего кардинально в себе не поменявшей.

День на день не приходится, потому что разные бывают классы. Сегодняшний день был сложным. Ребята в классах, как на подбор – ничем не заинтересуешь. Не интересна им история вместе с её давно ушедшими событиями, историческими лицами. Да и современность с её реальностью тоже не интересна. А что интересно? Секс интересен. Алкоголь интересен. И выяснения отношений – кто круче.

Коротко: шмотки, тусовки, весёлое времяпровождение. И на уроках несчастные мои подопечные отбывают наказание. И я вместе с

ними.

Уже не раз я задумывалась, что неплохо было бы поменять работу. И пару раз даже писала заявления. Но директор чуть ли не со слезами умоляла остаться – основной преподавательский состав люди в основном пенсионного возраста. Им даже отрабатывать две недели ненужно, чтобы покинуть «чудный храм науки». Молодежь в очередь на трудоустройство не то, что не выстраивается, но даже близко к школе не подходит, а случайно залетевшие энтузиасты больше года, как правило, не выдерживают. Так что в школах безработица не ощущается даже в кризис – здесь вечный кадровый голод.

Обычно взывания директора к моей совести вкупе с обещаниями повысить зарплату имели воздействие – я соглашалась остаться ещё на немного. Но вскоре начинало казаться, что никакой добавки к зарплате недостаточно.

Школа и сад – первые ступени, колыбель общества. И именно здесь становится особенным очевидным его болезни, и судя по тому, что творится в последнее время, в нашем государстве онкология. С каждым годом всё явнее и ярче несёт запашком разложения – не столько от детей (дети всё равно чище всего того, что нас окружает на пару-тройку градусов) сколько от родителей. Каждый хочет качать права, никто не желает знать обязанностей. Каждый загнан в угол и крайне зол и ищет, на ком можно сорвать накопившееся зло.

Короче, когда возвращаешься в половине девятого домой, проработав две смены – жизнь боль и вокруг темно. В прямом смысле слова.

– Оять задерживаетесь, Ангелина Владимировна? – поинтересовалась пожилая вахтёрша, Валентина Игоревна.

– Да дела. И дома-то особо делать нечего.

– Ох-ох! – разохалась женщина. – Ты ж молодая, красивая! Мужа бы тебе, деток?

– Ага. Носки, борщи и памперсы. Нет уж, спасибо. И вообще – деток мне и на работе куда-как хватает.

– Эх! Глупая ты. То ж чужие, а свои – совсем другое дело.

– До свидания, Валентина Игоревна, – помахала я рукой на прощание.

– До свидания. До завтра.

– И не говорите. Не успеешь глаза закрыть, как будильник звенит. Может и не стоит домой идти-то.

Разговор о муже и детках повторялся часто. И не только Валентиной Игоревной. На протяжении последних лет особенно старательные доброжелатели старались даже от слов переходить к делу, знакомили «с хорошими парнями». Убеждали.

Но мне такого счастья даром не надо. В первый раз сама по дуруости в капкан сожительства полезла, второй – повелась на уговоры. Но оба раза закономерно завершились одинаково – пришлось исполнять роль мамы-жены и, по-совместительству, кухарки и домработницы. А, да. И ещё выслушивать длинные списки, что должна делать «хорошая женщина, которая, как в старые добрые времена десятерых в поле рожала». Счастья своего я ценить не умела и слилась по-быстрому от такой жизни от моих благоверных в закат. Благо, обошлось без деток и алиментов. Вот у моего брата всё получилось ещё хуже. Жена от него с двумя детьми ушла и теперь он стонет, как осёл, которому не дали морковки, что государство его разоряет на алименты. На двоих сыновей – семь тысяч в месяц. А я, каждый раз слушая его и мамины поддакивания, сгораю от испанского стыда. Но своё ценное мнение держу при себе. Мне мои уши дороги, как и голова.

Короче, свои полномочия по продолжению рода я передала брату. А мне в моей однокомнатной квартирке со всеми удобствами очень хорошо и спокойно. Скуку легко развеивают современные средства коммуникаций, материнский инстинкт реализуй в школе хоть каждый день – свободный доступ. А с возрастом, когда печалью от одиночества накроет и без мужика станет невтерпёж (что обязательно должно было со мной случиться после сорока лет, по предсказанию многомудрых советчиков) заведу себе кота. Может быть даже трёх. Только обязательно кастрированных. Потому что не люблю, когда эти тряпочные морды гадят в тапки и по углам.

По дороге домой по-быстрому я забежала в магазин, купила наггетсов и салат на развес. Готовить разносолы на ночь извращение, совсем не есть после трудового дня – вдвойне. А так дёшево и сердито.

Зайдя в квартиру, переодевшись в домашнее, я потрусилась на кухню. Кушать хотелось сильно. Как утром кофе попила, во рту и маковой росинки не было. Нырнув в холодильник, обнаружила там

оставшуюся со вчерашнего дня картошечку и, не раздумывая долго, отправила её вместе с наггетсами на сковороду. Салатик в мисочку. Вот и ладушки. Ужин почти готов.

Ещё один плюс в пользу свободной жизни – будь семья, муж за такой сиротский ужин сковородку на голову натянет и суд его оправдает. Сама оправдываю. Почти.

Да, ужин холостяцкий, но мне норм. Мне удобно, я довольна – всё очень хорошо.

Доведя ужин до съедобного состояния, прихватив тарелку, я отправилась к любимому ноуту. Тарелка рядом, браузер на весь монитор... рука потянулась к компоту, соскользнула.

Я машинально попыталась поймать, но стакан накренился и с размаху полетел на клавиатуру, нога поскользнулась на мокром полу и поехала в сторону.

Последнее, что я помню, сильный удар по ноге и странное ощущение рядом с сердцем. Будто прямо в грудь вкололи ледакоин, и по тканям разлилось онемение и жжение – одновременно.

Я успела осознать, что происходит что-то страшное, но, откровенно говоря, всё случилось слишком быстро...

Глава 2

Меня привело в себя чувство холода. Холодно было чрезвычайно, но это может быть реакцией на случившееся? А почему я чувствую себя так, будто лежу в снегу? Подо мной словно какая-то липкая куча.

Стоило открыть глаза, как взгляд упёрся в серое небо, с которого сыпалась серая морось.

Между небом и мной вырос рослый мужчина, заслонив собой клубящиеся облака.

– Ваше Высочество, вы в порядке?

Я с удивлением воззрилась на него. Борода, грубая и чёрная, покрывала щёки, а глаза обвело тёмными кругами.

Моё, блин, чё?.. Видимо, не слабо меня током садануло. Вон какие глюки интересные пошли, прямо в кино ходить не надо.

– Ваше Высочество? – кустистые брови сошлись над кривым, словно раньше перебитым, носом. – Вы меня узнаете?

Я попыталась замотать головой, выказывая отрицание, но движение искрами дикой боли отозвалось в затылке. Не сдержав болезненного взгласа, я застонала.

– Вот же гадство!

– Вы что-то сказали, Ваше Высочество?

– Больно!

– Прошу вас, не двигайтесь.

Он легко, словно пушинку, подхватил меня на руки. Перед моими глазами промелькнул небольшой рыцарский отряд в снежно-белых плащах, над чьими головами ветер теребил знамя, где на алом поле стоял на задних лапах золотой змей.

– Ваше Высочество, вам не следовало поступать столь опрометчиво. Вы могли погибнуть.

Не следовало поступать опрометчиво? Я не нашла что возразить.

Я вообще лишилась дара речи от происходящего. Да, я могла погибнуть, потому что пролила на проводку компот и сунула в провода голую ногу... но почему этот странный факт превратил меня в «высочество»? В голове вместе с неприятным звоном стоял тяжёлый туман. А главное, всё происходящее в тот момент я воспринимала как

увлекательный сон, который, отчего-то, правда, содержал в изобилии множества деталей и никак не собирался заканчиваться.

Но, с другой стороны, я ж историк, ё-к-л-м-н! Мало ли какие нюансы содержатся в подвалах подсознания. Успокоив себя таким образом, я расслабилась и стала «смотреть» сон дальше.

Меня отнесли к кибитке (назвать это каретой язык даже мысленно не поворачивался) из тёмного дерева и позолоченного металла. Внутри стояли этажерки с углями (я вспомнила! Это жаровни!), дно повозки устлали подушки. Но толку от них было мало. Трясло нещадно. У-у! Моя голова!

– Куда мы едем?

Мужчина с тревогой всматривался в моё лицо. Опустив ресницы, я уперлась взглядом в пышные лазоревые юбки. Я в них на коне скокала? Не мудрено, что спикировала. Ну, не я, а кем там была эта девица, роль которой мне досталась в этом мне? Может, это воспоминания о моей прошлой жизни?

– Мы направляемся в Розовый Замок, ваше высочество.

– В розовый замок? Это мой дом?

Взгляд лихого воина делался всё тревожней.

– В Розовом замке сейчас находится двор Её Величества.

Так, давай, думай, Ангелина, думай! Сопоставляй информацию, делай выводы...

Чёрт! Информации мало. Ладно, Её Величество – это королева, я – высочество, значит, это моя мать? А может быть, старшая сестра? Или – мачеха, что тоже вероятно.

А где Его Величество? Успели скончаться?

– Вы меня узнаете, принцесса?

Как я могла его узнать, если я его не знала?

– Вы начальник моей охраны? – попыталась догадаться я.

– Сэр Баристан Сторлинг из дома Сатерли, капитан вашей личной охраны.

Ценная информация. Может, её к больной голове приложить? Может, полегчает.

– Голова болит, – снова пожаловалась я.

Настолько жалобно, насколько можно. Сериалы мне в помощь о потерянной памяти. Что ещё остаётся?

– Постарайтесь меньше двигаться, принцесса. Как только вернёмся в замок, вас осмотрит лучший королевский лекарь. – О чём вы только думали, когда пытались сбежать?

Я пыталась сбежать?! И куда это бывшая принцесска решилась ломануться? Ведь ясно же, что поймают? Хотя, может это было демонстрация характера? Или девушку действительно что-то напугало.

– Я ничего не помню, Баристан, – всхлипнула я.

Вполне натурально. Мне делалось... ну, не то, чтобы страшно, но очень не по себе.

Сон был слишком связный, слишком долгий, слишком последовательный для обычного сновидения. Всё – слишком.

И я начала допускать крамольную мысль, что это вовсе и не сон, а чья-то злая реальность. Ну, может для кого-то не злая, но для меня явно неласковая.

Могла ли *эта* реальность быть действительной? Ну, я отлично помнила рой искр от проводов, затем шок, последовавший за ударом тока. Может ли так случиться, что я умерла? Почему – нет? ДА, правда, не было никаких вихрей, тёмных тоннелей с яркой вспышкой света, не было ни Суда, ни ангелов/демонов, ни бога.

Или я всё это забыла.

Если бы я умерла, по-настоящему, я бы это знала, да? Я бы поняла, что со мной что-то не так?

Хотя, я ведь как раз в процессе.

Но, если мне суждено переродиться, разве не должна я была бы прийти в новый мир младенцем, постепенно повзрослеть? Почему я сразу взрослая девица? Кстати, сколько мне лет? Ну, не старше тридцати и не младше шестнадцати – точно.

Я твёрдо помнила, что ещё вчера вечером была учителем истории в городе Мухосранске Задрипанской области средней полосы моей необъятной родины. А сегодня – Принцесса-Её-Высочество? Бред. Но бред не прекращающийся.

Я прижала ладонь к голове, которая на самом деле болела ужасно. Наверное, эта принцесса заработала сотрясение мозга, а нескончаемая тряска никак не способствовала тому, чтобы боль, наконец, унялась.

– Не могу даже своего имени вспомнить, – простонала я.

Может, если очень-очень постараться, удастся, наконец, очнуться из забытья? Но, как я ни старалась, ничего не выходило. Чёртова шкатулка на колёсиках, внутри которой меня нещадно трясло, лошадиное ржание, цокот копыт, завывание ветра за тонкими стенами; переливающиеся угольки внутри металлических конструкций, похожих одновременно на кандалы и на стальной цветок – всё было ужасающе реально.

Я провела ладонью по алой бархатной подушке – тактильно ощутила каждое волокно, каждый рубчик. Движение отдалось болью в руках. Я с удивлением воззрилась на белые тряпки, которыми успели пропитаться кровью.

Это что такое?! Принцесса-Её-Высочество пыталась вены порезать? Они в средневековье так развлекались на досуге? Значит, с лошади она не падала, а сбежала и пыталась покончить с собой? Но – почему? Господи, куда я влипла? А говорят, двумя смертям не бывать, коль одной не миновать?

Лицо мужчины было сурово и серьёзно.

– Боюсь, принцесса, эти игры вам не помогут. Лишь ещё сильнее разозлят королеву.

– Я не притворяюсь. Я действительно ничего не помогу вспомнить.

Чистую же правду говорю. Но стоит сказать правду, тебе, как на зло, отчего-то сразу перестают верить.

– Как меня зовут?

– Анжелика.

Ударение на второй слог, на «е», а не на более привычное для русского слуха «и». Как я вообще понимаю, что он мне говорит? Не на русском же мы общаемся? Ладно, мозг принадлежит бывшей (то бишь настоящей принцессе), он может синхронизировать старые понятия и моё сознание (наверное, может, судя по всему – чисто теоретически можно же выдвинуть такую теорию?).

Раздался неистовый лай собак, визг цепей. Судя по звуку, будто на них кто-то что-то тянул или открывал.

– Вот мы и вернулись. Будьте благоразумны и не перечьте королеве-матери. Она и без того в ярости после вашей последней безумной выходки, – процедил бравый воин сквозь зубы.

А что? С принцессами так можно, да?

Поникшая и с трудом переставляющая ноги я спустилась на землю, опираясь на руку сэра Баристана.

Не успела я выйти из кибитки, в лицо ударил холодный ветер. Это было даже приятно после удушливой духоты. Будто подхваченные ветром к нам подлетели две женщины в тёмных одеяниях, с головой, покрытый причудливыми головными уборами с вуалью, полностью покрывающими волосы.

– Сэр Сторлинг?.. Ваше Величество, вы в порядке? Не представляете, как вы нас напугали.

– Приведите девушку в порядок и подготовьте к встрече с королевой.

– Вы расскажите королеве о том, что я потеряла память?

Даже не знаю, надеялась я на это или страшилась.

– Как вам будет угодно принцесса.

Видимо, все ждали, что я направлюсь в свои покои. Так, кажется. А я стояла, потому что понятия не имела, в какую сторону идти.

А двор был огромный и не то, чтобы очень чистый. Кругом рыцари, кони, кучи конского навоза, снующих туда и сюда людей. Что-то пронзительно визжало – резали что-то или натягивали, не пойму.

– Ваше Величество? – вопросительно взглянула на меня придворная дама.

– Мне что-то не хорошо, – проговорила я. – Помогите мне дойти до моей комнаты.

Суровая леди и не менее суровый воин обменялись взглядами. Что они ими пытались друг друга сказать, я не знаю.

– Конечно, ваша милость.

Обняв даму за талию, я позволила ей увлечь меня за собой.

Глава 3

Меня не покидало чувство, будто я снимаюсь в каком-то сериале сценарий которого мне забыли дать почитать. Моё сознание всё ещё никак не хотело примириться с тем, что всё вокруг не пустая декорация, а новая для меня реальность.

Коридоры и переходы в средневековых замках мне всегда представлялись мрачными, но здесь, несмотря на то, что окна были узкими и длинными, за счёт их огромного количества света хватало даже несмотря на то, что день выдался пасмурным. Вообще, всё было не так уж мрачно. И даже совсем не мрачно. Много различных лесенок и лестниц из дерева, таких ажурных, что случись мне их разглядывать при других обстоятельствах и на здоровую голову, я была бы весьма довольна.

Но сейчас я была рада оказаться на месте.

Комната была богато обставлена. Пол покрывали толстые ворсистые ковры, в обеих углах, справа и слева, стояли ширмы, на которых яркими красками были выписаны экзотические цветы и животные, вроде единорогов. Стены занавесили огромными гобеленами, с изображением какого-то увеселения – бала или праздника, в котором хороводом кружились дамы и кавалеры.

Возле двери, будто сторожа её, стояли бронзовые крылатые сфинкса. Их глаза из алых камней, напоминающих гранат или рубин, мрачно полыхали кровавыми угольками.

Грозная сударыня в тёмном с облегчением сгрузила меня в ближайшее кресло, куда я повалилась, словно куль с мукой, с облегчением вытягиваясь в нём.

– Прикажите позвать фрейлин, ваше величество?

– Я... я не знаю. Мне хотелось бы побыть одной.

– Но вам нужно привести себя в порядок. Не хотите же вы предстать пред королевой в таком виде?

– Ну, если нужно переодеться, тогда лучше позвать служанок...

Хотя, о чём это я? Двойку мне. Фрейлины и есть служанки королевы, именитые горничные, в чьи обязанности помимо того, что

они должны развлекать моё высочество входит и банальное прислуживание.

– Случилось несчастье.

– Да, ваше высочество, – как попугай, кивнула леди с суровым лицом.

– Я не знаю, как оказалась в том месте. Это ведь не была банальная конная прогулка?

– Нет, ваше высочество.

– Что вообще случилось? Я ничего не могу вспомнить, как ни стараюсь. Кто вы, например?

– Ваша статс-дама, ваше высочество.

Судя по тону и уклончивому взгляду, суровая леди своей принцессе не верила. Видимо, считала, что та притворяется.

– Как ваше имя?

– Аделаида Уолиш, ваша милость.

Если она к каждому слову станет прибавлять титулы, меня надолго не хватит. У меня случится нервный срыв.

– Хорошо, леди Уолиш. Распорядитесь принести мне что-нибудь горячего. Чай здесь подают?

Леди вскинула на меня удивлённый взгляд:

– Если желаете, вам подадут подогретого вина с пряностями.

– А просто чего-нибудь горячего с пряностями без вина – никак?

– Как пожелаете, ваше высочество.

– Хорошо, ступай.

Как только леди вышла из комнаты, я бросилась к зеркалу, что заметила ещё у входа, только стояло оно так, что с кресла с него было себя не увидеть. Никак. Ну, да, это, наверное, тщеславно, может и глупо, но мне было очень интересно познакомиться с новой собой.

Если это сон, отражения я не увижу. Я была к этому готова. Но я его увидела – в полный рост.

Ну, что сказать? Я очень даже ничего. Без ложной скромности – просто красавица. Невысокая, ниже, чем в оставленной мной реальности, изящная. Черты лица выразительные и мягкие, удивительно гармоничные: широко распахнутые васильковые глаза, прямой, чуть вздёрнутый носик, пухлые губки. Красотке было на добрых лет десять меньше, чем настоящей мне.

Но самый характерной, броской особенностью нового облика были волосы. Лёгкие, длинные, вьющиеся, боттичеллевского оттенка – цвета опавшей листвы, червонного золота, наполированной меди, они вились, закручивались, летели вокруг классически-овального личика.

Вглядываясь в черты моего нового лица, я пыталась угадать, определить черты бывшей его хозяйки. Но всё, что я смогла понять – она была ангельски-прелестна, а теперь всё это милое наследство достаётся мне. Не то, чтобы я была против, но... принцесса, красавица – и всё это мне? Да мне сроду так не везло. Наверняка и в этом подарке судьбы следует ожидать подвоха.

Дверь отворилась. Я обернулась, ожидая увидеть на пороге отосланную Аделаиду с чем-нибудь согревающим в руках, но на пороге возникла невысокая, очень красивая темноволосая женщина с чёрными, как ночь глазами, ярким алым ртом и смоляными волосами. Тонкие брови её гневно сошлись на переносице, а губы было плотно, упрямо сжаты. Весь облик женщины выражал гнев и недовольство.

Она только вошла в дверь, но даже и не подумала запирать их за собой. За ней, как тени, верно следовали стражники.

– Оставьте нас, – тихим, но непреклонным голосом повелела властная незнакомка.

Стражники беззвучными тенями испарились за её спиной, а створки тяжёлых дверей закрылись словно под дуновением магии.

Я молча стояла в ожидании дальнейшего развития событий. А что ещё я могла сделать.

Признаться, я могла ожидать чего угодно, но не того, что, подскочив ко мне с проворством змеи темноволосая ведьма отвесит мне такую пощечину, что искры из глаз пошли едва ли не в прямом смысле слова. Не знаю, как я сдержалась и не ударила в ответ. Терпеть подобного рода обращения совсем не в моём характере. Ну, ладно, я же не знаю, за что огребают прекрасная девушка оплеухи и кем приходится ей разгневанная дама. Может быть – мать? Может, за дело?

– Что ты себе позволяешь, Анжелика Валери? – даже в её голосе было что-то змеиное. Она не говорила, а шипела, тихо и гневно. – Что за нелепые выходки? Ты хоть понимаешь, *что* стоит на кону? Или ты хочешь, чтобы нас всех тут спалили живьём?

Мне уже и самой искренне интересно, что же такого натворила моя предшественница.

– Так и будешь стоять и молчать?

Судя по взыскательному и суровому взгляду, ответа моя гневливая собеседница собиралась дожидаться в любом случае. Так что пришлось отозваться:

– Что вы хотите, чтобы я сказала?

– Ты всерьёз предполагала, что у тебя получится сбежать?

– Почему вы думаете, что я сбегала? – пожалала я плечами.

Лицо собеседницы застыло властной и жестокой маской. Явно пребывая в ярости, она сделала несколько решительных шагов, застывая передо мной карающей статуей. Руки сложены в замок, словно она силилась удержать кипящей в ней гнев, подбородок властно вздёрнут и взгляд острый, как лезвие, словно кожу с лица срезал.

Нет, я что – действительно так сильно накосячила?

– Я слышала, что ты теперь прикидываешься сумасшедшей, Анжелика? Можешь делать, что угодно, но поверь, тебе это не поможет. Тебе придётся выйти замуж за Эйвила Санистора и никакие жалкие увертки тебя не спасут.

– Вы считаете, меня нужно спасать? – с лёгким сарказмом поинтересовалась я.

– Ты смеешь мне дерзить?

– Я всего лишь спрашиваю ваше мнение.

– Я отучу тебя от этой дрянной привычки. Стража! – крикнула королева. – Введите Турхан Бэш!

Два стражника втащили упирающуюся девушку. При взгляде на её лицо я едва сдержала крик возмущения – оно всё было сплошной синяк и кровоподтёк. Правый глаз почти полностью закрылся от опухоли, а губа спеклась от кровавой корки.

– Что вы с нею сделали?! – я даже и не думала изгонять из своего голоса возмущения. – Что вы себе позволяете?!

– Что я себе позволяю? Что я с ней сделала? Это ты втянула её в свои авантюры и то, что я сейчас сниму с твоей служанки шкуру живьём – целиком и полностью твоя вина.

Судя по тому, как испуганно забились в руках удерживающих её солдат, девушка, угроза была отнюдь не пустой.

– Стоит отдать твоим слугам должное, Анжелика. Они верны. Но твоя Турхан поплатится за свою несговорчивость. Эсений!

В дверях помимо стражников и несчастной служанки собралась приличная толпа, в которой мне было знакомо лишь два лица: леди Аделаида и капитан Баристан.

– Принесите щипцы.

– Нет, госпожа! – взывала несчастная избитая девушка, с дикой мольбой глядя на меня. – Пожалуйста! Пощадите!

– О! Да у тебя язык развязался, – язвительно прошипела злая ведьма в зелёном платье. – Поздновато, милочка. Придётся с ней расстаться.

Один из стражников, уже не знаю, рыцарь он там он был или простой солдат, вошёл в комнату, наперевес держа огромные щипцы.

– Довольно! – не выдержала я. – Прекратите это немедленно!

– Что ты сказала? – обернулась на меня дама в зелёном, и её гневливые брови ещё сильнее изломались, сходясь на переносице почти в единую линию. – Как ты смеешь перечить мне, девчонка?

Я испытывала к этой особе, что видела перед собой впервые, глухую ненависть и глухую убежденность, что моя предшественница к ней тоже далеко не благоволила.

– Я осмеливаюсь перечить по одной простой причине – вы пытаетесь искалечить ни в чём неповинную девушку.

– Она потворствовала твоей дикой затее и покрывала тебя.

– Выходит, верно мне служила? И я буду плохой госпожой, если позволю в моём присутствии вырывать языки у людей, повинных лишь в исполнении своего долга. Считаете, что я не права? Попробуйте вырвать язык у меня.

Атмосфера в комнате накалялась. Кроме меня и моей противницы никто не осмелился произнести и слова, но я сердцем, кожей – шестым чувством чувствовала, – симпатии на моей стороне. Как и надежда, что девушку в итоге пощадят.

Господи, как же тяжело вести переговоры, когда понятия не имеешь во что играешь, каковы правила, козыри и расклад.

Я повернулась к стражникам и проговорила со всей решимостью, какую смогла из себя выдавить.

– Отпустите девушку немедленно.

Стражники не спешили подчиняться, вопросительно глядя на даму в зелёном.

– Если вы вынудите меня повторять приказ, боюсь, мне придётся запомнить ваши лица и имена, господа. И в дальнейшем проявить к вам злопамятность.

Красавица в зелёном платье подскочила ко мне. Лицо её было искажено такой ненавистью и яростью, что я даже испугалась – в моей прошлой жизни я таких проявлений эмоций у людей попросту не встречала.

– Думаешь, твоя дерзость и наглость, принцесса, поможет тебе? Вместо того, чтобы просить прощения...

– Я не помню ничего из случившегося. Не уверена, что просить прощения должна я.

– Ах, ты не помнишь?! В таком случае я напомню! – язвительно проговорила дама, явно не поверив не единому сказанному мною слову. – Ты сбежала! Подло сбежала из столицы, поставив под угрозу нас всех!

– Сбежала? – я была искренне удивлена.

Замок, в котором мы находились, как-то не ассоциировался с королевскими дворцами. Обычный замок феодала, но королевские дворца окружали города, а не леса.

– Почему я сбежала?

– Хватит прикидываться! Ты сбежала накануне свадьбы! Прекрасно понимая, что твой отец придёт в ярость и его гнев, в первую очередь, падёт на меня!

Ничего подобного я, по естественным причинам, не понимала. Но мой мозг начал набрасывать варианты. Судя по всему, стоявшая передо мной дама – королева-мачеха, вторая жена моего отца, отсюда небольшая разница в возрасте между нами – незнакомке было никак не больше тридцати, скорее всего лет двадцать шесть-двадцать восемь. И именно ей поручили заботу обо мне. Как бы не любили короли своих вторых молодых жён, дочерей со счетов сбрасывать не стоит. Мой статус, как королевской дочери, явно выше, чем статус второй королевы. Особенно теперь, когда я ещё и невеста.

Именно этим объяснялось то, что несчастной служанки всё ещё не отрезали язык.

– Отпустите девушку немедленно, – спокойно и властно приказала я, сама себе удивляясь.

Хотя, ученикам, вставшим на голову от проказ, чтобы угомонить, каким только тоном говорить не приходилось.

– Это мой дом, моя земля, – продолжила я идти ва-банк (ну не побежит же принцесса к соседу? Скорее всего, она пыталась скрыться в месте, что считала для себя наиболее безопасным). – И распоряжения здесь отдаю тоже я. Если хоть один волос упадёт с головы моей любимой служанки, я велю моим рыцарям обнажить мечи, и тогда сложившийся скандал вряд ли удастся замять?

Дама в зелёном тяжело дышала, сжимая маленькие изящные пальчики в кулаки. Её душила ярость, но, судя по тому, что выхода она ей давать не спешила, я была на верном пути.

– Пришлите лекаря, чтобы помочь несчастной девушке. Пусть промоет раны на её лице.

– Лекаря в замке нет, миледи, – отозвался сэр Батистан.

– Можем прислать травницу-знахарку, – подала голос Аделаида.

– Хорошо, – согласилась я. – Пусть будет травница.

– Я не давала приказа. Только я могу приказать *своим* людям отпустить *твою* служанку.

Я в свой черёд шагнула к даме в зелёном, продолжая и поддерживая противостояние, которое явно началось до моего появления в этой истории.

– Чего вы добиваетесь?

Расстояние между нами оставалось не больше метра, и атмосфера уплотнилась так, что ещё немного и молнии засверкают.

– Зачем вы здесь?

– Вам прекрасно известно, зачем, принцесса Анжелика. Вы должны вернуться во дворец, в столицу как можно скорее. До того, как шпионы успеют доложить о вашем бегстве нашим врагам.

– Если я скажу, что согласна, это упростит дело?

Судя по тому, как невольнo зашевелились все вокруг, такого поворота никто не ожидал. Ни друзья, ни враги.

– Ты готова вернуться? – недоверчиво взглянула на меня противница.

– Готова. При условии, что никого из моих людей не будут больше мучить и пытаться.

– Нет, миледи! – вскричала несчастная избитая девушка с таким отчаянием, что я даже засомневалась.

Блин, на что я только что подписалась?

– Даёшь мне слово, Анжелика? – довольно проговорила красивая и злая дама в зелёном и гневливые морщинки на её лбу почти разгладились.

– Да.

– Опустите девушку. Сегодня можешь отдохнуть, – милостиво кивнула она мне. – Возвращаемся завтра утром. С вашего позволения мы оставим вас, принцесса?

Я молча кивнула.

Во взгляде Аделаиды я читала жалость и сомнения в правильности моего решения, но сэр Баристан покивал своей седовласой, уже начавшей плешиветь, головой:

– Вы приняли абсолютно правильное решение, ваше высочество.

– Правильное? – всхлипнула женщина. – Это решение может обратить её жизнь в ад.

– Если принцесса не выйдет на принца-отщепенца замуж, это может стоить жизни половины подданных в нашем королевстве. Я видел, что этот изверг творит с теми, кто ему не подчиняется. Пустых угроз он на ветер не бросает.

Я молча выслушала их обмен любезностями.

– Леди Уолиш, позаботьтесь о том, чтобы моё горячительное питьё было, наконец, подано. Как мы с вами и договаривались.

– Да, ваша милость.

– А вы, сэр, задержитесь. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– Конечно, моя госпожа.

На самом деле вопросов было не несколько, а много. Я твёрдо была намерена разобраться в том, кто в этой истории кто, чего хочет и что, в итоге, потребует от меня.

Идти вперёд вслепую не лучшая стратегия. Всегда предпочитала ясность.

Глава 4

Бравый вояка был уже в годах, а сегодняшний день, судя по всему, выдался утомительным. Он осунулся и было заметно, что оставаться на ногах ему тяжело. Да и приятнее вести беседу, когда глаза собеседника находятся на одном уровне твоего взгляда, а не выше.

– Сделайте одолжение, мой старый друг, – проговорила я, – поставьте ваше кресло ближе к огню и присядьте.

– Я не смею, ваша милость...

– Сядьте, – боюсь это прозвучало жёстче, чем мне самой того хотелось. – Прошу вас. Я хочу побеседовать с вами как со старым другом, которому я могу доверять. А ведь я могу доверять начальнику моей личной охраны, правда?

– О чём речь, ваше высочество? Если вы мне не доверяете, то зачем мне занимать мой пост?

– Логично. А теперь выполните мою просьбу.

Не говоря ни слова, сэр Баристан подчинился.

– Что вы хотите, принцесса Анжелика? Я люблю вас всем сердцем, ведь служу вам с тех пор, как вас, совсем ещё маленькой девочкой, поручили моим заботам. Но я человек чести и не пойду против долга...

– Я часто просила вас сделать что-то такое, что противоречит тому или другому? – холодно взглянула я на него.

– Нет, ваша милость.

– Всё, что мне нужно – это ответы.

– Какие ответы? – обескуражено взглянул он на меня, нервно расстёгивая несколько верхних пуговиц на своём акетоне – стёганном доспехе, который, если память мне не изменяет, раньше набивали конским волосом или паклей.

– Я не лгала, утверждая, что память мне изменила. Не знаю, что я пыталась сделать, куда и зачем бежала, но результат печален.

– Это было predeterminedено с самого начала, ваше высочество, но вы же всегда поступаете по своему разумению, не желая слушать добрый совет.

– Кто была эта женщина?

– Какая женщина? – в его глазах паника сменялась подозрительностью и обратно. – Вы же не про Её Высочество спрашиваете? Не могли же вы забыть её?!

– Может, и не могла. Такое забудешь! Но я справилась. Как её зовут?

– Олиера.

– Она моя мачеха?

– Леди Олиера Висконти четвёртая по счёту супруга вашего достопочтенного батюшки.

Леди Олиера? Не припомню в прошлом никого с таким именем.

– А как зовут моего достопочтенного батюшку?

– Ваш батюшка, король Зигмунд III, божьей милостью.

Зигмунд? Зигмунды были королями в Германии и Польше, но ни у одного из тех, что приходили на ум, не было жены Олиеры и дочери Анжелики. Если только я окончательно не сошла с ума. Судя по всему, меня не просто в прошлое занесло, меня занесло в прошлое неизвестного мира. Что б его!

– Мой батюшка был женат четыре раза? У него есть дети кроме меня?

– Да. От брака с леди Олиерой у него есть дочка, ваша единокровная сестра принцесса Терезита.

Классно. Брата нет.

– А моей матушкой была первая королева?

– Да, ваша милость, ваша матушка, упокой господь её душу, была замечательной королевой. Но, к великому горю вашего отца и его несчастных подданных, она скончалась, производя на свет вашего младшего брата.

– Значит, у меня есть брат?

– Нет, госпожа, – судя по голосу, в котором удивление мешалось с возмущением и страхом, мой несчастный капитан не знал, что и думать о таких расспросах. – Ваш брат умер совсем ребёнком, подхватив драконью оспу.

Картинка вырисовывалась. Судя по всему, я, по праву первенства рождения, должна была наследовать трон вслед за папенькой. Если только злая Зелёная королева не настрогает ему отпрысков-принцев.

Так, стоп! О чём это я думаю. Я не я. Трон не мой. И думать об этом глупо, поскольку перспектива дальняя и туманная.

– Не трудно понять, что с леди-королевой мы в контрах.
– Что, простите? Я не слишком хорошо понял вас, принцесса?
– Лучше расскажите мне, что там за история со свадьбой? Вроде бы все монаршие особы выходят замуж, поздно, но чаще всего – рано. С чего бы мне убежать?

– Наконец-то я слышу речь, достойную моей госпожи!
– Лучше не слушай, а ответь, пожалуйста, на мой вопрос. Представь, то перед тобой не твоя принцесса, а какая-нибудь девушка-иномирная, которая во всё вашем винегрете разбирается очень плохо...

– В винегрете?.. Каком винегрете, ваша милость.
– Забей!
– Кого? – с энтузиазмом откликнулся старый воин к моему величайшему отчаянию.

К нашему общему облегчению дверь в очередной раз распахнулась и вошла та девушка, Турхан. Она уже успела переодеться и что-то сделать со своим лицом, что оно теперь выглядело гораздо лучше. Как это у неё получилось? Даже со всеми современными маслами-притираниями-бадягами в современном мне мире ушло бы недели две, чтобы свести те фиолетовые подтёки и отёки, что были на её лице.

В руках девушка держала поднос, на котором стоял кувшин и два серебряных кувшина.

– Разрешите войти? – тихим голосом поинтересовалась девушка.
– Входи, Турхан. Поставь поднос и можешь быть свободна, – кивнул старый солдат, наверняка «не знающий слов любви».

Девушка выполняла его распоряжение, но не ушла, а остановилась передо мной, глядя на меня огромными, полными печали и тревоги глазами.

– Ваше Высочество, не уделите ли вы мне совсем немного времени?

– Что ты себе позволяешь, девчонка? – буркнул сэр Барристан. – Тебе мало неприятностей?

Но я остановила начало его гневной речи, вскинув руку. Кажется, видела этот жест в каком-то сериале? Или это просто физическая память тела.

– Всё в порядке, мой верный рыцарь (я сама с некоторым удивлением слушала собственные слова. Ещё одна память?). – Нам

действительно нужно поговорить. Оставьте нас.

Ну, да. Я последовательно. То останьтесь, то оставьте. А чего вы хотите от травмированной женщины?

Турхан метнулась за ним стрелой, и с кошачьим проворством заложила дверь огромным засовом. Чтобы отпереть такой, потребовался бы небольшой отряд рыцарей. Да и то не факт.

Потом с такой же поспешностью девушка вернулась назад, опасливо заглядывая мне в глаза.

– Моя госпожа, вы в порядке?

В следующее мгновение она опустилась передо мной на колени, схватила край моего платья и прижалась к нему губами.

– Что ты делаешь? – изумилась я.

– Благодарю вас за спасение моей жизни и за ту великую жертву, что вы принесли ради недостойной служанки.

Бедняжка! Она понятия не имела о том, что никакие жертвы мной не подразумевались.

– Ты знала, куда я направляюсь, Турхан?

Девушка непонимающе на меня взглянула.

– Я не лгала, когда говорила, что потеряла память. Ты знаешь, зачем я пошла на то место?

– Вы пошли на встречу с ведьмой Чёрного Леса, госпожа. Она заверила вас, что поможет вам сбежать от Порочного принца в далёкие-далёкие края, откуда никто, и даже ваш отец, не смогут вас достать.

– Что ты сказала?.. Ведьма? Ты это всерьёз?

Изумление и испуг. Почти такие же, как в глазах капитана.

Ноги сделались словно ватными, тело будто превратилось в воду, и я бессильно осела обратно в кресло, из которого поднялась за минуту до этого.

– Вы заплатите старой мошеннице полновесной монетой, миледи, вызвали гнев королевы, и в результате... я же предупреждала вас, не стоит доверять ей! Но вы меня не послушались.

Старая мошенница как раз никого не обманула. Похоже, её задумка удалась, и настоящая Анжелика получила, что желала. Хотя, конечно, не совсем то. В моём мире её ждёт не меньший шок, чем меня в – её. У меня впереди свадьба с каким-то Порочным Принцем, а у ней

– аккредитация и ОГЭ с ЕГЭ в девятом и одиннадцатом классе. Если подумать, то у меня лучше – в конце концов свадьба – это весело.

Наверное.

– Что за Порочной Принц? Рассказывай.

В течении следующих пару часов я пыталась несчастную девушку вопросами и терпеливо выслушивала рассказы и ответы. В итоге мне удалось составить общую, весьма приблизительную картину мира, куда я попала.

Средневековье – это феодализм. Феодализм – это бесконечная борьба за власть и престол, интриги и заговоры. Не видя перед собой даже плохонькой карты, трудно сказать, сколь велики были земли моего отца, но судя по всему, королевство, что должно было отойти мне в наследство, было средних размеров. Определённо, не Россия и не США, может, и на Германию с Францией не потянет, но нечто вроде Испании или Италии. Приличный такой кусик для человека средних амбиций. Хотя, если вспомнить, чем в своё время была католическая Испания, перед которой дрожали и Англия, и Франция, то тут вопрос спорный.

Короче, у папеньки королевство средних размеров. В своё время оно было частью чего-то большего, входило в состав Общего королевства Оруэл, будучи лишь его частью, как любая федерация в Российском государстве, только вместо губернаторов на местах правили князь-лорды.

Как это обычно бывает, пока у центра железный кулак и стальные яйца, всё идёт хорошо. Но, исторически так часто случается, что, когда всё долго идёт хорошо, кулак слабеет, мышечная масса теряется, властители вырождаются, делаются ни на что не способны. И вместо того, чтобы действовать в одних, общих интересах, каждый желает оторвать кусок пирога побольше лишь для себя.

Вызрел заговор. Законных представителей когда-то сильной династии вырезали почти всех под ноль. Общее тело государство нарезали на отдельные пироги-ломтики, бывшие князьки натянули на головы королевские короны и после небольшой революционной смуты и потрясений наступило относительное благополучие на следующие пятьдесят-шестьдесят лет.

А потом прилетел кармический бумеранг. Вроде всех представителей королевской династии Санисторов извели под корень,

но проявили халатность и кого-то там в младенчестве не дорезали и вот результат – Порочный Принц явился из-за какого-то дальнего моря-океана, названного в одних источниках Чёрным, в другом Отравленном (я так поняла, на дне этих морей не стихает вулканическая деятельность и выделяются серные газы). И этот самый принц желал немного-немало – вернуть себе корону и собрать девять маленьких королевств в одно большое.

Поначалу никто всерьёз его притязаний не воспринял. У опального, как его называли, принца, не было регулярной армии. Всё, что у него было это друг-чернокнижник и два дракона. Вернее, дракон и драконица.

На первое послание принца один из королей «Вольных городов» ответил насмешкой. И горько поплатился. Как только драконы поднялись в воздух, стало ясно, что армия принцу не нужна. Столицу он обратил в пепел, не моргнув глазом и без лишних угрызений совести перебил кучу народа. Напуганные жители сами спеленали своих знатных лордов (откровенно говоря сомневаюсь, чтобы простонародье так уж сильно было к ним привязано) и передало в руки узурпатора. Хотя, если подумать, какой же Порочный принц узурпатор? Как раз законный правитель. Беру своё – неважно какой ценой.

Знатных лордов скормили драконам живьём. Говорят, это было прям ужас-ужас. Драконы их не спалили, а именно что рвали живьём. Исходя из этого, полагаю, что в те времена они были не так уж велики.

Но «те времена» случились лет шесть-семь назад. С тех пор принц присоединял к своему королевству то одно бывшее княжество, то другое. Поначалу всё-таки приходилось устраивать показательные бойни, но чем дальше, тем легче – так уж утроены люди, идти на верную смерть мало кто хочет. Да и зачем это людям?

Пресытившись завоеваниями, Принц стал жениться, приживляя территории через династические браки. Только вот ведь незадача – он уже трижды был женат, и все его жёны не могли прожить дольше года. И все умирали при странных обстоятельствах – несчастные случаи. И все были связаны кровными узами с теми, кто некогда убивал Санисторов.

В своё время дедуля Анжелики, будучи молодым и красивым, изнасиловал и лично убил одно из принцесс династии, когда девушка

наотрез отказалась выходить за убийцу отца и братьев замуж.

Предложение руки и сердца, что получил мой отец от Порочного Принца, было сделано весьма в демонстративной форме – либо отец отдаёт ему дочь, либо принц силой берёт столицу, и всё королевство в придачу.

Ну, а дальше помните, как в старой доброй русской классике:

«Ну и какая же мать

Согласиться отдать

Своего дорого ребёнка –

Медвежонка, слонёнка, зайчонка?

Чтоб ненасытное чучело

Бедную крошку замучило?

**

Плачут они, убиваются

Но с малышами прощаются».

Отец попытался заручиться хоть чей-нибудь поддержкой, но желающих выступить единым фронтом за прекрасную принцессу против жуткого дракона не нашлось.

И милая Анжелика Ванхелия, дочь короля Зигмунда III была обречена повторить судьбу троих своих предшественниц. Ну, и драпанула к ведьме за помощью, прихватив мешочек с драгоценностями, которыми щедро расплатилась за услуги.

Турхан считала, что зря. А я понимала, что план великолепный. Анхелика действительно сбежала с гарантией, что никто не будет её искать, а мне теперь расхлёбывай эту кашу.

Что я там говорила насчёт «свадьба интересней аттестации»? Я ошибалась. Верните меня обратно.

Кстати, о «верните меня обратно», раз я в своём мире не умирала, может быть, не всё ещё потеряно и всё можно переиграть? На мгновение я почувствовала дикое воодушевление, но потом поняла, что, ведьма-то явно не дура и понимает, что рано или поздно её вновь притащат во дворец с просьбой всё переиграть. Согласится – столкнётся с гневом подлинной Анжелики, не согласится – я ничем не хуже.

Скорее всего её и след простыл.

Турхан подтвердила правильность моих сомнений, сказав, что сама она ведьмы никогда и в глаза не видела, и кто отвёл принцессу к старой карге – тоже не ведает.

Короче, всё не айс. Кажется, придётся идти замуж. Я всегда так надеялась этого избежать, и в страшном сне не видела, что вот так придётся, под угрозой стать барбекю на драконьем пламени.

Ну, будет надеяться, жених хоть симпатичный. Хотя полюбуюсь перед смертью.

На самом деле ощущение, что всё не всерьёз, не на самом деле, что я попала в увлекательную сказку, да ещё на главную роль туманило мой мозг словно дым конопли. А с другой стороны, может быть, это и к лучшему. Потому что объективно, изменить ситуацию я не могла, но новизна и сказочность всего происходящего сластили пиллюлю и наполняли голову несвойственной мне легкостью, не хуже алкогольных паров.

Глава 5

Утром, не успело солнце взойти, обоз тронулся в путь.

Мне подвели серую, в яблоках, лошадку, с тонкими, как струна, ногами и мягкой длинной гривой. Она была очаровательно и откликалась на кличку Ромашка, и у неё были чудесные длинные реснички на глазах, правда, заметить их можно было лишь подойдя очень близко.

Её Высочество королева Олиера уверенно двинулась в сторону вчерашней повозки.

– Почему я не могу поехать в возке? – нервно спросила я.

– Миледи, – поклонился мне конюший, державший лошадь в поводу, – вы в полном праве путешествовать так, как вам угодно. Но, поскольку раньше вы всегда предпочитали верховую езду...

– Помогите мне подняться в седло, – холодно прервала я его, пылко молясь про себя о том, чтобы не опозориться и не свалиться неуклюжем мешком на землю, к ногам угрюмого юноши.

Волнуясь, я подобрала узду и вставила ноги в стремяна.

К моему удивлению, сесть в седло оказалось не так уж и сложно. Это тело явно было куда тренированней моего и мышцы помнили, как действовать, даже под управлением чужого сознания. Вот ещё одно доказательство того, что наш мозг во многом похож на компьютер, он выполняет некоторые программы сам, по умолчанию и является хранилищем памяти. Сознание способно пользоваться базовыми установками, но само оно существует словно над мозгом.

Моя лошадка взяла с места плавно да гладко, рядом со мной, чуть придерживая своих рысаков, двинулись два других рыцаря. Я обнаружила, что несусь быстрее, чем предполагала, но, вопреки собственным опасениями, эта скорость не пугала, а веселила. Я словно летела и ветер свежей струёй бил в лицо. Лошадь была отлично выезжена. Малейшего касания ногами или движения удилами было достаточным, чтобы перейти с рыси в галоп и обратно.

Но то, что началось подобно сказке к вечеру обернулось мукой и страданиями. Мне казалось, я умру. Я вообще не думала, что можно до такой степени стереть свою пятую точку. Седло натёрло на ягодицах

кровавые мозоли. Бёдра и руки были стёрты в кровавые пузыри, мышцы на спине, руках и ногах ныли невероятно.

Но в такой усталости были и свои плюсы – пламенеющая болью попа отвлекает от всякой навязчивой или горькой мысли. Я не могла думать ни о чём другом, кроме как ванне и мягкой кровати.

Но в комнате меня уже поджидал король-отец. Никем другим, кроме как королём Зигмундом III этот человек быть не мог.

Кстати, видимо, другие Зигмунды были из другой династии. Или всех мужчин в этом роду по мужской линии звали Зигмундами, что, конечно не исключено.

Мужчина был невысок, коренаст и представительен. Большой крючковатый нос выдавал в нём властную натуру, склонную к анализу и умозаключениям, чётко очерченный рот говорил о решительности, а скорбно опущенные уголки губ и бровей о том, что пережил он в своей жизни немало. Судя по остаточной памяти и симпатии к этому человеку, Анжелика отца любила.

Он выглядел скорее расстроенным, чем рассерженным нашим отсутствием.

– Анжелика, – шагнул он ко мне и обнял прежде, чем я успела растеряться или задуматься о том, что принцессам полагается сделать по этикету, встретив отца-короля на пороге своей спальни. – Как вы напугали нас, дочь моя! Чего вы хотели достичь столь опрометчивыми действиями?

– Не сердитесь, государь. Я всего лишь хотела проститься с родными краями, ведь у меня мало шансов увидеть их вновь.

– Не говори так. Тырываешь моё сердце. Посланники принца Санистора заверяли меня, что тебе не причинят вреда.

– Думаю, что другим своим невестам он обещал тоже самое.

– Он получит корону моих земель только тогда, когда станет отцом моих внуков! И если хоть волосок упадёт с твоей головы, даже его драконы не смогут его спасти!

– Уверена, если бы вы могли остановить этого человека, вы постарались бы избежать этой свадьбы, отец?

– Но почему же? Девушки должны выходить замуж. Такова божья воля. А чем плох Эвил Санистор? Он молод, хорош собой...

– И уже успел похоронить трёх жён. У меня есть все шансы пойти той же дорогой.

Я отметила, что король не назвал моего жениха принцем. По идее и правильно, какой же он принц, если уже успел поработить три части из девяти от своего давешнего королевства? Он не принц, он король Санистор.

– Дорогое моё дитя! Ты радость моя, моя красавица, дочь моя. Ты должна понять, всё что я делаю, я делаю ради будущего. Твоего, твоей сестры – нашей династии. И будущего нашего многострадального народа. Ради всеобщего блага ты должна выйти замуж за Порочного принца Эвила Санистора, сына наших заклятых врагов, ненавидящих нас и жаждущего мести.

«Ты белая овца на заклание, смирись и гордись», – слышала я подтекстом.

– Что вы такое говорите? – сказала я вслух. – Ведь это ужасно! Вам легко говорить – ради всеобщего блага! А какого мне? Я вовсе не испытываю желание принести себя в жертву, отец и, полагаю, никто подобной жертвы даже не оценит! Неужели вы меня совсем не любите, что добровольно отдаёте на смерть?!

На мгновение лицо короля дрогнуло, но в следующую секунду он словно надел маску, под которой скрыл все свои чувства.

– Анжелика, успокойся! – властно потребовал он. – Всё уже решено и ничего не изменить. Против армии нечисти и двух драконов, чьё пламя воистину бесконечно, что сумели ощутить жители двух соседних королевств на своей шкуре, нашей армии не выстоять. Твоя свадьба с принцем наш единственный шанс.

– Ваш, возможно. Но не мой, – отрезала я.

– Может быть, тебе удастся...

– Что? Что, отец, мне удастся? Выжить?

– Привязать этого человека к себе.

– Вы сами не верите тому, что говорите, – с презрением скривилась я.

Мужчины такие мужчины! В любом мире думают только о себе и готовы пожертвовать своими детьми ради собственной жизни, разменять своё дитя на похоть. Мой родной отец именно так в своё время и сделал. Бросил и меня, и мать, и брата. А потом, получив коленом под зад, приполз, а мать его приняла. Всем сказала – ради детей. Но дети тут не при чём. Ради себя она его приняла, ради того, чтобы штаны на диване лежали. И никому от этого хорошо не стало.

Ну, ладно! Спасение отечества от злого врага на драконе несёт оттенок жертвенности.

– Если бы я могу выйти за него замуж вместо тебя, я бы сделал это, но ты ведь понимаешь, что это невозможно.

Может, пока не поздно, навести тут законы толерантности? И пусть мужчины любят друг друга во имя спасения государственности и во славу монархии? А я так, рядом у трона постою. Но вездесущая интуиция подсказывала – номер не прокатит.

– Ты же понимаешь, что это вовсе не моё желание, Анжелика? – нахмурился король-отец.

– Но мне от этого не легче! – на повышенных тонах отозвалась я.

– Анжелика! – король крепко схватил меня за руки, цепким взглядом нацелившись мне в лицо и от его взгляда мне было никак не укрыться. Он приковывал к себе внимание, держал, не давая отвести глаз. – Дочь, неужели ты думаешь, что я могу желать тебе зла?

А чего нет? Всё, что угодно могло быть. Я, вообще-то первый раз видела перед собой этого дяденьку. Но ведь если начну истерично голосить что я не я, только хуже станет. Даже если сочтут сумасшедшей, всё равно замуж выдадут. Даже с более лёгким сердцем.

– Больше всего на свете я хочу, чтобы ты была счастлива.

Слова-слова!

– Хотите, чтобы я была счастлива? Тогда спасите меня от этой участи! Вы же король и отец! Разве это не ваш долг как моего повелителя, покровителя. Разве мужчина не должен защищать своих женщин?!

– Ради всего святого, не выдавайте меня за этого человека! Вы же понимаете, что эта свадьба всё равно что смертный приговор!

И снова лицо короля дрогнуло, но в следующее мгновение уже вновь затвердело:

– Даже если мы решимся выступить, это ничего не решит. Никто не в силах противостоять Проклятому и его Чернокнижнику. Мы наверняка потерпим поражение и после этого ни у кого из нашей семьи не останется шанса на спасение. Санистор не берёт пленных. Ты ведь не хочешь смотреть как твоих сестёр пожирают драконы? Не хочешь сама стать кормом для этих чудовищ?

Пусть лучше сожрут одну меня, чем всю семейку? Ну, в этом есть определённая логика, правда, для меня неутешительная.

– Будь уверена, дочка, я всё сделаю для того, чтобы обезопасить твою жизнь.

Хорошо бы этого было достаточно.

– Дочка, не отчаивайся. Может быть в итоге всё сложится к лучшему для всех. Даже для тебя самой. Когда порочный принц подчинит себе все земли, что когда-то принадлежали династии Санистор, ты будешь королевой, а не одной из княгинь. Ведь здесь, при дворе, у тебя слишком много врагов. Но когда твоим мужем станем Порочный Принц кто посмеет даже помыслить о том, чтобы причинить тебе вред.

– Порочный принц. Уверена, он посмеет. Думаете, он забыл, как ваш батюшка собственноручно отрубил голову его бабке? Я бы на это не рассчитывала. В такой сложной ситуации он вряд ли станет нашим другом, отец. Им движет жажда мести и ничего более. Вы говорите, что ему ничего не стоит завоевать нас? Так с какой стати он должен проявлять милосердие?

– Если бы он просто хотел нас убить, то не делал бы тебе предложение.

– Порочный принц ведёт себя как безумец.

– Санисторы всегда были безумными. Но тот, кто умеет подчинять себе огонь, владеет миром. Подумай, Анжелика, у него блестящее будущее. И у тебя есть шанс его с ним разделить.

– Эта свадьба для меня всё равно, что похороны. И не делайте вид, что не понимаете этого! – я почти сорвалась на крик.

Какое-то время король-отец с горечью смотрел на меня, потом, не говоря ни слова, развернулся и вышел. Он даже не открыл дверь, лишь ударил три раза и те распахнулись перед ним.

Спала я плохо. Меня мучили кошмары.

Я стояла в открытом поле, и вокруг дул сильный ветер. Точка, пикирующая на меня с небес, выростала на глазах, превращаясь в огромное чудовище – дракона. И он действительно ужасал. Огромный, едва ли не с пятиэтажный дом, с широко раскинутыми перепончатыми крыльями, которые то сжимались, как на пружинах, то разжимались, раскидываясь в сторону от мускулистого, покрытого жёсткой чёрной чешуей, тела.

Дракон приземлился на расстоянии, но его было слишком мало, чтобы спастись, и я понимала, что неминуемо погибну. Перемещаясь

на двух лапах, словно какой-нибудь хищный ящер, дракон направился в мою сторону, и земля содрогалась под его тяжёлой поступью.

Прятаться было бессмысленно, бежать – некуда. И парализованная ужасом я стояла и смотрела, как он приближается, опираясь на жёсткие, костистые наросты на крыльях, как на костыли, подтягивая огромное тело с текучей, угрожающей пластикой смертельно-опасного хищника.

Три больших шага и огромная пасть, полная острых зубов, распахнулась над моей головой и дико заревела.

От ужаса я проснулась. И не сразу поняла – где я. Это была не моя квартира. Потом вспомнила – чёрт, я теперь принцесса и невеста. И жить мне возможно осталось всего ничего. Ладно, без паники. Пережила удар током, может, и вторую смерть переживу. Вдруг в третий раз перемещусь куда-нибудь... где немного спокойней.

В дверь постучали.

– Кто там?

Ответа не последовало.

– Войдите.

В мою комнату ввалилась целая делегация. Мужчина и незнакомые женщины. Группа придворных, надо полагать.

С подобострастной улыбкой мужчина, что стоял впереди, начал усиленно кланяться:

– Госпожа моя, простите за раннее вторжение. Но король повелел срочно передать эти великолепные ткани специально для вас. Скажите только, какие вам нравятся и портные немедленно начнут работу.

Я ни черта не понимала в парче, атласе и шелках. Мне бы кеды да джинсы. Ну, не принцесса я, не принцесса. Хотя...

– Мне всё равно. Пусть портные сами решат, что будет лучше, – холодно отрезала я.

Всем понятно, что энтузиазма предстоящее свадебное заклание у меня не вызывает и это естественно.

– Госпожа, но это ведь не дело? Портные не осмелятся. Вы бы посмотрели сначала? Такая красота!

– Ты что? Не понял? – в притворном гневе я даже ногой притопнула. – Мне эти тряпки не нужны. Они меня не интересуют. Убирайтесь! Вон из моей комнаты.

Видимо, я взяла слишком круто. На лицах слуг был написан откровенный шок.

– Можете идти, – уже гораздо мягче и вежливее сказала я. – Оставьте меня.

– Как прикажете, госпожа! – поклонился мужчина и вся свита под тюками материй, топтавшаяся за ним, пяясь и кланяясь, удалилась.

Но моё нежелание наряжать на свадьбу мало кого остановило. Уже к полудню фрейлины принесли мне яркое синее платье, расшитое сияющим жемчугом.

Они приготовили мне ванну. Потом долго расчёсывали волосы щётками из конского волоса, пока те не засверкали, словно полированные. А потом, слой за слоем, закутали моё новое тело в шелка, такого тонкого и нежного, что я чувствовала себя в нём Венерой, окружённой волнами. Голову мою увенчали тиарой из тонкого золота, с которого поверх волос до самой земли спадала тончайшая вуаль-фата.

Итак, я – Анжелика Ванхелия, дочь Зигмунда III, короля Оруэла. Если верить придворным льстецам, унаследовавшая силу характер своего отца и деда и страстность и ум моей матери, происходящей от древней оруэльской крови.

Приходя в мир дочери королей приносят с собой печаль, потому что они – не мужчины, не сыновья, не принцы. Закон средневековья суров к женщинам, особенно к женщинам королевских кровей – если у тебя нет сына, то не будет и власти. Никто не считается с королевой, у которой нет сыновей.

Мать Анжелики была сослана в дальний дворец её отцом, тот самый, с которого началось моё знакомство с этим миром. Там, во Дворце Печали, она жила тихо, как мышь, никто с ней не считался. Она зачахла и покинула этот мир, возможно, кто-то ускорил её кончину ядом. А отец продолжал жениться в надежде, что одна из жён подарит ему принца, наследника, сына.

Сына он так и не получил. А я, старшая дочь, Анжелика Ванхелия, принцесса и наследница, чьи приказы исполняются незамедлительно, стала самой влиятельной принцессой за всю недолгую историю Оруэла.

Роскошная свадьба станет церемонией моих похорон. Мне придётся на это пойти ради спасения множества людей. Какая ирония!

Все эта знать печалилась, что я в своё время не родилась принцем, а теперь я нужна им, чтобы продать меня в обмен на свои жалкие жизни и крохи власти, что, возможно, будущий властитель решит им оставить.

Все собрались на главной площади столицы в ожидании прибытия моего проклятого жениха.

Несмотря на то, что сердце моё замирало, всё же я сторала от любопытства. Были интересно взглянуть на Проклятого принца, но ещё больше – на живого дракона. И понять, насколько чудовище из моего сна похоже на реальность.

Глава 6

К месту встречи с женихом меня доставили в паланкине, что несли восемь рыцарей в белых плащах, расшитых золотом. Занавеси в паланкине тоже были золотые. Если уж быть совсем точной – жёлтыми и из такого тонкого шёлка, что, если смотреть на мир изнутри, мир казался золотым.

Площадь для встречи царственных особ была выстроена из павильонов специально для встречи наших монарших особ. Простой люд стёкся со всех сторон тысячами, чтобы посмотреть на это знаменательное событие. Это, понятное дело, требовало особого внимания со стороны стражей порядка и обеспечивающей нашу безопасность охраны. Со всех сторон теснились рыцари, сверкали доспехи, били копытами кони, трепетали знамёна. И надо всем этим, как гул над ульем, звенели невнятные выкрики толпы, пока веселые, но несущие в себе нечто грозное.

Я не знаю, не могу сказать, что поменялось, но всё разом стихло, будто в воздухе разлилось нечто, невидимой чертой отделяющей обычную спокойную человеческую жизнь от присутствия в ней *Иного*. Именно так, с большой буквы, но это нельзя передать, *это* нужно ощутить.

Так стихаем мир перед грозой, когда вот-вот рванёт.

Я трижды постучала в перегородку, подавая знак носильщиком, чтобы они остановились. И когда ступила на твердую землю увидела, что все люди на площади, от последнего нищего до знатнейшего дворянина, задрав головы, смотря в синее небо где ничего не было, даже белых облаков. Лишь ярко светило солнца.

В этот момент мне показалось, что солнце сделалось нестерпимо ярким и обжигает лицо. Потом ударил резкий порыв ветра и от пронзительного резкого звука из ушей едва ли не кровь хлынула.

Протяжный и угрожающий, он звучал как соединённый орлиный клёкот с львиным рычанием. Звук был до такой степени инородным и жутким, что всех на площади в первый миг парализовало ужасом. Все замерли, не издавая ни звука, не сводя глаз с небес.

Он камнем падал вниз – весь словно состоящий из резких росчерков, острый, как стрелы – узкая морда, длинное тело, ноги и хвост, сливающийся в одну чёрную линию и два широко раскинутых крыла. Поначалу издалека, пока был в вышине, он казался просто птицей. Только приближался на скорости, птицам не доступной.

Снова раздался этот выжигающий страхом внутренности звук.

Я машинально отметила про себя, что драконье крыло состоит из трёх частей-сегментов, каждое полукружие которого заканчивает острой треугольной вершиной. Он бил ими по воздуху с силой, словно отталкиваясь от него, а потом какое-то время плавно парил.

Когда зверь приблизился, стали заметны мощные и сильные задний конечности-лапы, как у тираннозавра, а за ногами по воздуху струился длинный шипастый хвост.

Тень росла, приближалась и казалось вокруг от ужаса мелко тряслись даже камни, воздух, вода и стены, не говоря уже о людях. Такое же впечатление, должно быть, производят несущиеся по полю бою танки – смертельная мощная угроза, но тут танк шёл по облакам и спасения практически не было. Ни для кого.

Дракон ловко и маневренно наклонился, проносясь между двумя башнями над охранной стеной. Он черкнул когтями на лапах по черепичной крыше и те каменными искрами просыпались вниз, сорванные легко, будто клочок бумаги.

Народ начал орать. Накатила паника.

– Госпожа! Немедленно садитесь в паланкин. Здесь становится опасно! – испуганно завертелся Баристан.

– Не сяду я в паланкин. Стоит запутаться в этих чёртовых тряпках, и меня даже чудо не спасёт.

– Что же делать?

– Мне нужна лошадь. И охрана.

– Вы не можете ехать верхом! Вы же невеста!

– Будет лучше, если моему жениху меня подадут бесчувственным трупом?

Видимо, сочтя мои аргументы весомыми, капитан моей личной охраны разжился лошадью. Уж не знаю, у кого он её позаимствовал, а сами рыцари старались держать строй вокруг меня, чтобы обезумевшая от страха, мечущаяся толпа не навредила их принцессе.

Ударив лошадь пятками, я послала её в галоп, рассчитывая, что люди успеют уйти с моего пути и сама ужасаясь своему поведению. Если бы я была там, среди толпы, я бы себя боялась и осуждала. Но мне не терпелось оказаться на месте. Нельзя было допустить, чтобы жених явился раньше. Вдруг он счёл бы это оскорблением и основанием для того, чтобы начать поливать город огнём.

Пока я неслась по улицам города, в голове неслись обрывки мыслей. Дракон – это и есть мой жених? Или управляет зверем – драконий всадник?

Так получилось, что на Площадь Встреч мы прибыли фактически одновременно, появившись с двух её противоположных концов. Моя взмыленная лошадка резко остановилась, подчиняясь натянутым поводьям, дрожа всем телом перед огромным чудовищем напротив. Хоть нас и разделялось расстояние приблизительно с сотню метров, не было никаких сомнений в том, что при желании на то, чтобы откусить голову и лошади, и её всадницы у дракона на этой уйдёт не более минуты.

Как и в моём сне, стоило мощным лапам Зверя удариться о мощённую мостовую, земля дрогнула.

Дракон вытянул вперёд шипастую голову, украшенную двумя рогами, словно у дьявола. Его тело покрыто было толстыми пластинами, плотно налегающими одну на другую, как металлическая броня. По голове и по хвосту шёл гребень из когтистых наростов, между которыми было натянуто нечто вроде перепонки. Видимо, это предавало ему какие-то особенные аэродинамические характеристики, но я не инженер и тут точно с уверенностью сказать ничего не могу.

Через мгновение я испытала нечто вроде разочарования. Мой муж не был Зверем и оборотнем. Забавно, что я вообще могла поверить в такую возможность, но после того, через что пришлось пройти в последние дни, я уже готова была поверить, что стала невестой Дракона.

Я не видела, как драконий всадник спешил, сделал он это с обезьяньей ловкостью и быстротой.

Мой будущий муж был высок, длинноног и сухопар, чёрно-алые одежды весьма шли к нему, под ними угадывалось тело закалённого воина, привыкшего к физическим нагрузкам и упражнениям. Костюм

скорее подчёркивал, чем скрывал широкие плечи и узкие бёдра, рослую и мускулистую фигуру.

Двигался драконий всадник стремительно и уверенно, как всякий хищник, в каждом его движении чувствовалась скрытая сила. Резкие острые черты лица, большие глаза, чёрные и блестящие, были полны надменности, подрагивающие губы говорили о затаённой страстности. Густые чёрные волосы падали назад от мыса на лбу, острого, как его нос.

Что могу сказать? Ни по каким меркам приближающийся ко мне мужчина записным красавцем не был, но в нём определённо была мощная мужская харизма. Сила, как физическая, так и ментальная, будет востребована во все времена и понятна на любом языке. Сила – это то, что больше всего покоряет нас в других людях. Нравственно это или нет, но так устроена наша Вселенная – она принадлежит сильным.

На площади было тихо. Очень тихо. Кажется, упади иголка и это услышали бы в дальних рядах собравшейся толпы. Даже дракон молчал, будто прислушиваясь и приглядываясь к происходящему.

Не сбавляя шага, Порочный Принц подошёл ко мне и только когда он протянул мне руку, предлагая опереться на неё и сойти вниз, до меня дошло, что я по-прежнему в седле.

Без особых церемоний, обвив уверенной рукой мою талию, он опустил меня на землю, а другой поднял, практически сорвал вуаль с моего лица. Чёрные, жгучие глаза уставились на меня дерзко и вопросительно, смущая и одновременно с тем возмущая своей пристальностью.

– Принцесса Анжелика, – голос у него был глубокий и вкрадчивый, как и положено заправскому злодею и соблазнителю. – В кое-то веки молва и портреты не обманули – ты действительно редкостная красавица.

Я растерялась, не зная, что отвечать. Просто стояла и смотрела на моего предполагаемого жениха, без пяти минут мужа.

– Идёмте, сударыня, – учтиво сказал он мне, протягивая руку, на которую мне предполагалось опереться, – поприветствуем вашего отца.

Я уже, наверное, полностью вжилась в роль принцессы-Анжелики, потому что как-то очень органично чувствовала себя, шагая

рядом с красавцем-воином и королём рука об руку, под десятками тысяч глаз добрых подданных.

Король Зигмунд III и его супруга сидели на возвышении, в павильоне, украшенной королевскими знамёнами, гербами и штандартами. Выражение Лицо у королевы Олиеры было такое, будто она сосала лимон без сахара.

Солнце светило так ярко, что обжигало глаза.

– Приветствуем вас, король Перийла, Закирских хребтов, Виорона и Семи Морей, – приветливо проговорил мой царственный родитель. – Мы рады видеть вас.

В ответ на это Зигмунд III получил лишь саркастическую ухмылку, явственно показывающую, что Порочный Принц отлично знает цену этим льстивым и лживым речам.

– Настолько рады, что приветствуете меня как вассала, не поднимаясь с места? Что ж, учитывая, ваши преклонные годы, я готов смотреть на это сквозь пальцы. Преклонные годы и... –сжав мою руку в мозолистых пальцах, принц Эвил поднёс их к своим горячим губам и страстно прижался к моим тонким пальцам, обжигая их поцелуем, как моё лицо – горящим взглядом, сулящим пламенную ночь. – ... красоту вашей дочери, столь желанной для меня в этот миг. Ну и? – обернулся он в поисках священнослужителя, – где тот кудесник богов, что соединит нас законными узами священного брака?

Речь его тоже была быстрой и страстной, столь же стремительной и неровной, как всё в этом человеке, и всё за каждым его словом словно прятался сарказм.

– Мы надеялись, что бракосочетание состоится завтра. А сегодня планировались турнир и пиры в вашу честь.

– Моя честь в этом совершенно не нуждается. Я хочу, чтобы бракосочетание состоялось немедленно, – непреклонным тоном заявил мой будущий супруг.

– Но так нельзя, милорд, – подалась вперёд ведьма Олиера, пытаясь изобразить улыбку, вместо которой в очередной раз сверкнул змеиный оскал. – По нашим обычаям полагается проводить невесту как должно. Как вам – встретить её.

– Моя жена будет жить по моим правилам. А вашим обычаям не больше жалких ста лет, которыми пренебречь не грешно. Так здесь есть священник, способный провести обряд – или нет?

Одной рукой жених крепко держал меня за руку, а вторую выразительно положил на кинжал в ножнах у пояса.

– Если нет, мы сможем отыскать его по дороге к Хребту, но было бы приятней провести обряд здесь, чтобы в дальнейшем ни у кого не возникало сомнений в законном рождении грядущего наследника Девятицарствия.

– Вы планируете покинуть нас так скоро? Но, сударь, мы готовились к празднествам, желая угодить как вам, так и нашим подданным.

– Ваши подданные смогут продолжить веселиться по этому поводу столько, сколько душе угодно. Моё отсутствие им в этом помешать не может. У меня же нет ни времени, не желания задерживаться.

Слова принца зазвучали резко и отрывисто. Отец выглядел оскорблённым, подданные, окружавшие нас плотным кольцом – тоже.

– Вы прибыли на свадьбу в одиночестве, ваше величество? – протянула моя прекрасная мачеха, вновь воинственно задирая подбородок в тщетной попытке выглядеть горделиво.

– Что вы, королева? Я не один. Со мной мой дракон.

То ли услышав о том, что его упомянули, то ли получив какой-то магический импульс-приказ, чудовище отозвалось утробным рёвом, от которого содрогнулась вся площадь.

– И вы полагаете увести от нас вашу невесту на драконе?

Вот тут мне поплохело.

Я? На драконе?! Верхом?...

Нет-нет-нет-нет и нет.

– Да, – коротко отрезал мой будущий муж.

И чего мне замуж в моём мире не выходило? В наше время мужик, конечно, зверь, но хомячков и кроликов редко кто по-настоящему боится. Да, уход дополнительный требуется и сор по всюду, и кормёшка три раза в день, но перед той перспективой, что открывалась сейчас все тяготы прошлой жизни казались мне на уровне детского сада.

Мама! Я домой хочу!

Глава 7

Как сон, словно сквозь воду, я видела человека в белом и двух других, в серебристых одеждах, спускающихся к нам по лестнице. Кто-то чуть в стороне затаил странную, дикую, печальную мелодию, сопровождая себя на каком-то неизвестном мне струнном инструменте, издавая по форме напоминающем лютню.

Девы с распущенными волосами, все в белом, босые и с золотыми подносами в руках, окружили нас и стали забрасывать цветочными белыми лепестками, наполняющими воздух вокруг сладким, удушливым запахом.

Голос тянул заунывную песню, а девы бесшумно кружились вокруг нас в странном причудливом танце, время от времени посыпая нас лепестками. Те застревали в чёрных волосах моего жениха, скользили по шёлку моей фаты, западая и задерживаясь в её складках.

Потом девы застыли, держа подносы перед собой, образуя первый «белый» круг.

На очередной куплет бесконечного песнопения вниз скользнули девы в алых одеждах, на их подносах возвышались толстые свечи из пчелиного воска. Девы в танце кружились не только по кругу, но и вращались вокруг себя.

Песня всё тянулась и тянулась, бесконечно.

Девы в красном застыли вслед за белыми своими предшественницами. Священнослужители в серебристых, будто иней, одеждах, шагнули к нам и, развернув наши ладони вверх, стали чертить на коже палочками какие-то знаки, обмакивая их в резко пахнущий травами и пряностями состав. Потом, приложив мою ладонь к ладоням принца Эвила, переплели их алыми гирляндами с белоснежными цветами.

Для меня все эти действия не значили ровным счётом ничего, но по-своему даже мне, непосвящённой, ритуал казался красивым. Я вообще-то не очень сентиментальна и в загсах на свадьбах никогда не плакала и даже не хотелось. В святость марша Мендельсона и торжественной поступи никогда не верилось. По мне, так все эти свадьбы такой же атавизм, как хвост – пережиток отжившего

прошлого. Кому жить вместе, так и без этих танцев с бубном обойдутся, а уж коль не ужиться, никакие песнопения, свечи и ароматные лепестки от беды не уберегут.

Но когда ты принцесса в чужом мире былие убеждения и даже принципы уходят на второй план. Отказаться от участия в этом дорогом спектакле шанса не было. Тысячи глаз на площади уставились на меня, в том числе и обжигающий взгляд жених с моего лица не сводил. Так что терплю дальше без возражений. Проблемы мне не нужны.

А тоскливый слёзо-давивый голос всё тянул что-то вроде «о-ла я-холла», чтобы бы там это не значило.

Когда песня стихла и воцарилась тишина, мой жених (или теперь уже муж?) улыбнулся мне, оскалив в наглой, откровенной улыбке, ровные белые зубы, проворковав:

– Анжелика, принцесса Оруэла, наследница вашего отца и будущая королева Девятицарствия, сокровище моё, примите от меня в дар корону, достойную моей королевы.

Он полуобернулся и из толпы к нам шагнуло два человека. Стражники скрестили перед ними копья, но, повинуясь знаку, данному отцом Анжелики, тут же освободили проход. В руках неизвестного была дорогая шкатулка, а на ней необычно красивая диадема и снежного серебра, сверкающих росой алмазов и неизвестных, несуществующий на земле, чёрных, словно горящих огнём изнутри, драгоценных камней.

Взяв диадему обеими руками, принц, прозванный Порочным, осторожно воздвиг мне эту красоту небесную наголову, предварительно сняв ту, что на меня нацепили слуги батюшки.

Осторожно коснувшись моего подбородка, принц нежно, горячо заглянул мне в глаза и проговорил голосом соблазнительным, обещающим все наслаждения мира:

– Редко встречаешь глаза, подобные двум звёздам; подобные двум глубоким омутам, где отражается сияние утренних небес и бездонное бурное синее море. Невозможно не проникнуться восхищением таким творением Всевышнего Бога и не чувствовать к нему благодарность за столь совершенное творение.

Это было толсто, да. В смысле такая лесть слишком искусственная, чтобы в неё поверить. Или мы, женщины, в своём

потребительском и комфортабельном 21 веке успели забыть какого это, слышать от мужчины связную и красивую речь? Нет, я конечно не верила не единому сказанному слову, но звучало-то красиво. И к месту.

Хотя, может быть, это тоже часть ритуала и на свадьбах тут всегда такое толкают, а я-то уши развесила. Надеюсь, хоть от меня комплементов не ждут. Ладно, на всякий случай изобразю скромность и оторопь. Мол, от волнения всё забыла. Если нужно, стоящие рядом подскажут ведь, что делать дальше?

Но всё молчали.

Склонившись, принц коснулся губами моих губ, мягко, нежно – в первый момент. А в следующий поцелуй стал жёстким и горячим настолько, что я задохнулась и, наверное, пошатнулась бы, когда он отодвинулся, не держи он меня сам так крепко.

Речетативом зазвучал над нами голос священнослужителя:

– Отдаёте ли вы, король Зигмунд III, повелитель Оруэла, эту женщину по воле Бога Всевышнего и Всемогущего, по Древнему Священному Закону, по решению Верховного Совета и в присутствии свидетелей, в жёны принцу Эвилу, сыну Анахтарона Санистору, законному принцу Священной Династии, как было решено между вами?

– Отдаю, – обречённо прозвучал голос короля Зигмунда с верхних трибун.

– Принц Эвил, сын Анахтарона, из Священной Династии Санисторов, берёшь ли ты в жёны принцессу Анжелику Ванхелию, дочь короля Зигмунда, правящего Оруэлом третьим в своей династии; принцессу, наследующему своему королю-отцу и приносящей в качестве своего приданного возможность претендовать на корону данного королевства, как было договорено между вами?

У меня мозг в трубочку скатался где-то не середине витиеватых речей преподобного, или как тут священников величают. Но от того, что я речь услышу не до конца, брак ведь незаконным не признают?

– Беру, – уверенно заявил мой жених.

Ещё бы! Кто ж от королевства-то в качестве приданного откажется? На таких условиях кто угодно женится на ком угодно.

– В присутствии свидетелей я объявляю этот брак совершённым!

И снова зазвучала музыка. Только на этот раз не струнные страдали, а загудели рожки на все голоса, кто выше, кто ниже, едва ли

не какофонией, но какофонией торжественной.

То ли от радости за хозяина, то ли имея тонкий музыкальный слух, которому такая музыкальная партия не пришлась по вкусу, но дракон вплёл свой могучий голос в общий хор и земля содрогнулась от его рёва. Народ от испуга завопил.

В общем, на площади царила веселуха и оживление.

Один из советников короля Зигмунда скользнул к нам змеёй, как только девушки и священнослужители отошли в сторону.

– Ваше Величество, – льстивым голосом проговорил он. – Прошу вас проследовать за мной. Вас проводят к праздничному столу.

– Благодарю за щедрое предложение, лорд Торлэнд, но я не стану задерживаться на вашем пиру.

– Но, простите, как же так? Это не совсем...

Принц обернулся, выразительно приподняв брови, как бы подначивая собеседника закончить мысль и в то же время предостерегая его от столь опрометчивого поступка.

– Не совсем учтиво с вашей стороны, милорд...

Одной рукой по-прежнему не отпуская меня, второй принц выразительно схватился за меч, делая шаг по направлению к собеседнику:

– Я вам не милорд – я король. Ваш, в скором времени, надеюсь, поскольку в ближайшее время жду вашего суверена в своей Тёмной Цитадели с вассальной клятвой.

– Да, конечно, конечно, – китайским болванчиком закивал испуганный герцог, из которого дипломат как из моей шапки тапочки. – Я всего лишь оговорился, прошу меня простить, ваше величество.

– В следующий раз оговоришься, останешься без языка, – холодно сверкнул огненными глазами принц.

– Этого больше не случится, ваше величество. Но всё же, согласитесь, что будет странным, если жених с невестой станут отсутствовать на празднике, устроенным в честь их церемонии.

– Мне плевать на церемонии, и я не люблю праздники.

– Наши слуги приготовили опочивальню, достойную вас и вашей королевы...

– Мои слуги тоже приготовили опочивальню. И место моей королевы рядом с её королём. А теперь уйдите с дороги и дайте мне

пройти к моему дракону, если не желаете, чтобы мой дракон подошёл ко мне сам.

Лорд Торлэнд явно не желал и вынужденно отступил, не находя нужных слов.

– Идёмте, сударыня, – проговорил принц Эвил и потащил меня в сторону дракона.

Чем ближе мы подходили к этому чудовищу, тем больше оно становилось, хотя и издалека выглядела огромным.

Я не верила своему счастью. Приблизиться к дракону, в чью пасть можно было войти, не сгибаясь, как в дверной проём? А зубов в этой пасти, острых, треугольных, жадных и кажется, голодных, было не сосчитать. Да уж, что в жизни может быть замечательней.

– Сударь, вы хотите увезти меня? – срывающимся от испуга и быстрого шага, голосом, проблеяла я так, что самой стало противно.

Ну, чистая овца.

– Вы весьма наблюдательны, – с саркастичным смешком отозвался мой без пяти минут, супруг.

– И вы хотите сделать это на драконе?

– Вам сегодня везёт с догадками.

– Но я...

Он так резко остановился, что я врезалась в его плечо.

– Что? – резко спросил он.

– Я не умею летать на драконах! – выдохнула я, упираясь, не желая приближаться к ревущему монстру, чьей глаз с длинным острым зрачком был теперь на расстоянии вытянутой руки от меня.

Я чувствовала, что сейчас начну отбиваться, визжать и предприму попытку к бегству.

– Никто не умеет, пока не попробует, – весело прилетело мне в ответ.

Под его испытующим взглядом я чувствовала себя отвратительно. Мне хотелось быть прекрасной и храброй, но я чувствовала, что никакая я не взрослая, рассудительная женщина, а тряпка.

Ну не могу я верхом на драконе! Не хочу.

Чешуйчатое крыло, словно трап, опустилось в нашу сторону и принц легко (явно сказывалась сноровка) поднялся на спину этого небесного громилы на крыльях.

– Прошу вас, сударыня.

– Я...

Крыло, поднявшее принца вверх, теперь «прилетело» за мной.

На мгновение я представила, как с диким визгом я бегу через всю площадь, придерживая длинные юбки, пытаюсь скрыться в толпе. Представила и как я лезу на эту стену бронированных чешуёй мускулов, смешно и неуклюже.

Ладно, назад дороги нет. Вперёд, Ангелина-Анжелика, как её там? Ванхелия, а теперь примкнувшая к священной династии Санистаров.

Я осторожно ступила на крыло и оно, словно гигантская платформа двинулась вверх. Я с ужасом поняла, что сейчас упаду и разобьюсь, но крепкая рука принца ловко ухватила меня под локоть и дёрнула вверх. Слово мешок с картошкой я приземлилась за его спиной, в первый момент испытывая облегчения.

Слава тебе господи, я на месте. Но взглянув вверх, испытала желание мерзко визгнуть. Площадь и люди колыхались под нами где-то на уровне третьего этажа, а опора была сомнительной. Кое-где торчали шипастые шипы с перепончатой стеночкой между ними, мышцы под ягодицами ходили ходуном при каждом движении.

Что-то зазвенело над моей головой.

– Перекиньте цепь через вашу талию, принцесса, – весёлым голосом велел мне мой законный повелитель.

Он хотел, чтобы я пристегнулась? О, какая замечательная идея. Я проворно несколько раз обмоталась цепью, протянув свободный конец ему.

Что-то щёлкнуло.

Я испытывала возбуждение сродни тому, какое бывает, когда решишь прокатиться на жутком аттракционе, немного интересно, и весело, и очень страшно.

Площадь внизу казалось высокой. Я кое-как пристроилась между двумя шишковидными наростами и ухватила обеими руками за шипы.

– Готовы, сударыня?

Я не стала отвечать, поскольку мой ответ всё равно ничего не значил.

– Лети! – громко скомандовал Эвил.

И в тот же момент площадь резким толчком ушла вниз – дракон поднялся на свои мощные лапы. А потом двинулся вперёд.

Его спина под нами резко ходила ходуном с такой силой, что я болталась, как отвалившаяся гайка в стиральной машине при отжиге, во все стороны.

Я боялась летать на самолётах. На самолётах, Карл! А там всё плавно, и мягко, и с ремнём безопасности, и от пейзажа вокруг тебя отгораживают стены. И самолёт не орёт как сумасшедший бегемот. Нет, он ревёт, двигатели и всё такое, но как ревел дракон...

Я сожалела о памперсах и хотела умереть. Быстро. Раз всё равно неизбежно, то зачем зря долго мучиться? Пошлите мне боги быструю и не позорную смерть.

Меня сейчас стошнит, если мы не перестанем болтаться.

С последним заячьим прыжком тварь, наконец-то воспарила в небо. Земля ушла из-под нас и плавно поплыла в сторону. В лицо ударил ветер, с такой силой, что охладил всё разом – и щёки, и желудок, уняв тошноту.

Вцепившись в несчастного мужа с такой силой, что, весьма вероятно, уже стала вдовой и не заметила, я зажмурилась.

– Вы в порядке? – с силой проорал он.

– Чёрта с два я в порядке! – проорала я в ответ.

– Ничего, скоро привыкнете. Ещё понравится.

Но он ошибся. Сильно ошибся. Мне не нравилось от слова совсем! Я изобрету самолёт, поезд и ракету в этом мире, сделаю всё, что угодно, чтобы больше никогда – никогда! – не летать на драконах.

Это страшно.

Нет. Не так.

ЭТО СТРАШНО!!!

Представьте себе, что вы на высоте облаков вдруг решили покататься на американских горках во время прохода зоны турбулентности. Несколько минут скользите плавно, почти парите и начинаете привыкать, получать удовольствие. Тут дракон начинает работать крыльями, и вы как будто ныряете в воздухе, вверх-вниз, вправо-влево, на огромной скорости, а потом снова – плавно, мягко, как перышко. Привыкли? Снова – дикая болтанка.

А под вами море. Вода, куда ни взгляни. Ни островка, ни клочка земли. И если дракон вдруг устанет, или собьётся с курса, или...

Жить хочу! Я слишком молода. Мне ещё первую брачную ночь обещали!

Глава 8

В тот момент, пока мы летели, путешествие казалось бесконечным. Не было конца ни морю, ни небу. Но потом, когда я оглядывалась назад, пришлось признать, что весь перелёт не мог занять больше пары часов. И так высоко, аж в облака, мы забрались лишь один раз и тут же спустились. Не берусь судить, был ли в этом высоком подъёме какой-то смысл, или жених хотел попонтоваться и показать, какой он крутой, вон как круто да высоко берёт.

Как это часто бывает, я понты не заценила. На мне, кроме шелков и драгоценностей, да ещё тяжёлой цепи, которой меня прицепили к спине дракона, ничего не было. Все эти красивые побрякушки, увы, не соболиные меха, а на такой огромной высоте и правду очень холодно. Как зимой на улице. И это при том, что сам дракон был горячий, я будто на печи сидела. Но попробуйте-как выкатиться в шёлковом платье на горячей печке да в двадцатиградусный мороз, представьте, что печка всё время ходуном под вами ходит и вы получили приблизительно мои ощущения в тот момент.

Но с другой стороны мороз и усталость притупили чувства, даже в сон потянуло. Но в этот момент мы начали быстрое снижение.

Вообще-то обзор на огромном драконе не слишком широк. Справа-слева крылья, сзади получше, но сидеть, вывернувшись назад неудобно, а впереди рога на голове, это, не считая спины мужа – в общем, даже полюбоваться красотами пейзажа, если таковой имелся, была не судьба.

Все же я сумела увидеть город и с любопытством разглядывала его ещё издали, когда он только появился на горизонте. Он начинался от самого залива, где море углублялись полукруглой подковой в сушу.

Одной своей стороной город упирался в море, другая – была окаймлена горами, а за ними, насколько я смогла увидеть в своём ограниченном обзоре, колыхалось зелёное море травы, высокой, наверное, людям по пояс, по которому с трёх сторон тянулось несколько дорог – в средневековье их величали королевскими трактами.

Со стороны птичьего полёта, когда удавалось выглянуть из-за плеча принца Эвила, можно было насладиться видом ярких дворцов из дорогого мрамора или материала попроще – белого и красного камня, но и те, и другие утопали во дворцах. Из кирпича были выложены и купеческие склады, но дерева в городе было больше. Из дерева выстраивали большинство домов, гостиницы, таверны, бордели. Всё это стояло к друг другу очень тесно, словно лепилось друг на друге. Здания разделяли дороги, в кварталах побогаче обсаженные деревьями, а в тех, кто победнее и трущобах даже деревьев не было.

Пронесясь над пристанью и большим рынком, миновав несколько кварталов, мы начали снижаться, направляясь к величественному, монументальному, роскошному дворцу, перед которым, что я покинула в Оруэле, казался маленькой трёхкомнатной квартиркой в городе перед особняком на пятьсот квадратов.

Величественные ворота открывали доступ к сердцу замка всем, кто не летит сверху.

Дракон, опускаясь, издал уже слышимый мной несколько раз клёкот-вой. Когда сидишь на звере верхом, этот звук ещё мощнее, будто под тобой колонка с сабвуфером включённая на полную мощность.

Мы приземлились в центр огромного двора, заполненного людьми до отказа. У меня плохо гнулись руки и ноги, и я не скатилась кубарем вниз только благодаря тому, что принц поддержал меня, пока платформа-крыло опускала нас на землю.

Впереди всей толпы стояла высокая женщина, с ног до головы закутанная в красный шёлк. Лицо её было завешено на восточный манер, оставались свободными только глаза, которые сверкали как у ведьмы-Шахерезады из мультика про трёх богатырей – ярко-огненные, чёрные, густо подведённые на египетский лад.

По правую руку от женщины стоял молодой человек, такой же высокий, как принц Эвил, черноволосый и черноглазый, левую сторону его лица пересекал тонкий шрам, спускаясь к шее и исчезая по высоким плотным воротником его кафтана. Мужчина стоял, широко расставив ноги и убрав руки за спину. По левую сторону незнакомки в красном стоял высокий полненький мужчина.

– Матушка, – принц Эвил, склонившись над рукой, которую та ему протянула, припал к ней губами.

Я вздохнула с облегчением. Ну, матушка... это хорошо. Я уж было успела с тревогой подумать, что одной из моих предшественниц удалось выжить. Нет, не то, чтобы я желала кому-то смерти, просто делиться с только что приобретённым мужем в мои планы точно не входило.

– Рада, что ты наконец вернулся, сын наш. Я молила Огненного Бога хранить тебя в пути.

– Ваши молитвы были услышаны. Да и к чему волнения, когда со мной Злой Рок?

– Вы слишком самоуверен, сын наш. И склонны недооценивать силу противника. Но Огненный Владыка милостив. Я надеюсь, ещё смогу увидеть долгие годы твоего правления, во время которого былая слава Санисторов, предков твоего отца, будет восстановлена.

– Да будет так, – кивнул Эвил.

– Это, полагаю, твоя новая жена? – милейшая свекровь на меня даже не взглянула.

– Да, матушка. Как и было оговорено. Авилла? – обратился он к кругленькому мужчине, в ответ тут же поклонившемуся. – Покои для моей королевы готовы?

– Да, повелитель! Как вы и приказали, мы приготовили комнаты для Звезды вашего сердца!

– Проводите мою жену, пусть отдохнёт и приготовится к моему приходу вечером. А вы, матушка, велите устроить праздник во дворце.

– Как пожелает наш господин, – снова подобострастно склонился слуга. – Прошу вас, о Звезда Очей!

Мне хотелось повернуться к мужу и высказать всё, что я думаю о таком приёме. Мне велели убираться в дальние комнаты, словно ребёнку, удаляя его, чтобы не мешал взрослым. Но воли себе я, естественно, не дала. Не хотелось выглядеть дикой дурочкой, не знающих правил приличия. Сильно сомневаюсь, чтобы здесь оценили свободу слова и демократический стиль жизни.

– Сюда, прошу, госпожа моя! – суетился толстячок.

Я пошла за ним, даже не обернувшись на оставленного супруга. Это всё, чем я позволила выразить себе свою обиду. Хотя, положа руку на сердце, её вряд ли кто заметил.

Тёмная Цитадель была огромной, просто не дворец, а город в городе. Как я потом узнала, он состоял из четырёх дворов.

Самая крупная секция из четырёх именовалась Драконьей. Наиболее примечательной в ней были ворота-купола, которые складывались таким образом, что арена- драконье логово под ними оставалось открытым, чтобы звери могли свободно взлетать и садиться. Арена окружена казармами, где пребывает часть королевских войск, вместе с конюшнями и оружейными. Там же, на Драконьем дворе, располагались и боевые ямы, где легионеры тренировались, а на праздниках сражались специально обученные бойцы, на манер древнеримских гладиаторов.

Второй двор назывался Двором Небес. Вход в него открывался украшенным арочным сводом в толще стен, отделяющих это пространство от других. И стены, и арки были выложены голубыми изразцами, исписанными золотыми письменами. Здесь располагалось Здание Совета, Башня Правосудия, царская библиотека и тронный зал. Декорированные колонны, позолоченные решётки, богатые ковры – там богатств было немеренно.

Третий двор назывался Радужным и именно туда меня и отвёл Авилла, хранитель царских покоев. В общей сложности тут насчитывалось до четырёхсот комнат, имелись несколько бань, госпиталей, огромная кухня. Комнаты для служанок и слуг не отличались затейливостью и красотой убранства, а покои, предназначенные господ были словно райские кущи на земле – даже фонтаны и живые оранжереи, которые тут именовали «стеклянными садами» были в наличии.

Были в Радужном Дворе и настоящие сады, с пестреющими цветами, благоухающими нежными ароматами, фруктовыми деревьями и виноградниками. С мраморных террас открывались необычайно живописные панорамы на море

Забегая вперёд расскажу и о Дворе Ночи. Проход туда был всегда закрыт и тщательно охранялся. Проходить внутрь позволялось только самому Эвилу, его матери и брату. Тому самому мужчине в чёрном со шрамом. Правда, в свои первые часы о том, кто такой Чернокнижник и кем приходится моему мужу, я не знала и о нём вообще не думала.

Откровенно говоря, я и подумать не могла, что мой муж обладает такими богатствами! Я думала, что он отвезёт меня в какой-нибудь тёмный ступенчатый замок на горе или в пустыне, где ходит парочка верных слуг и не убиваемых тараканов, и откуда он, словно паук,

раскидывает свою тонкую сеть и ведёт мозговой штурм по порабощению мира. То, как он нагрязнул, без особого пафоса, лаконично и грозно, заставляло меня думать о бедном принце в изгнании. Но то, что я видела вокруг себя, не вписывалось в мою картину о бедном принце-сиротке.

Принц был богаче моего отца-короля.

Мои покои состояли из нескольких комнат и балкона, больше напоминающего галерею или террасу.

– Госпожа моя! Вас необходимо привести в порядок с дороги. Ведь сегодня ваша первая ночь с повелителем.

Я молча кивнула, полностью отдавая себя в руки служанок. И начались бьюти процедуры. Мы вошли в ванную комнату, натопленную так жарко, что дышать нечем. Меня раздели и уложили на мраморные лавки. Когда становилось невозможно от жары, позволялось спуститься в круглый бассейн с прохладной водой, а потом снова – на лавки. Моё тело массировали и умасливали благородными (с их точки зрения) маслами. Волосы вымыли в трёх водах – горячей, прохладной и с какими-то чудодейственными травами. О гель-лаках здесь, понятное дело, были не в курсах, но процедура маникюра и педикюра здесь была хорошо известна.

В течении трёх часов к ряду меня поили, кормили и умывали, умащивали благовониями и душили тонкими духами, нанося их тонкой стеклянной палочкой на виски, кисти рук, шею, грудь, лоно – всюду по капле. Мои волосы завили мягкими локонами и, расчёсанные до янтарного блеска, она легли послушной волной на плечи и спину. Глаза и губы подвели умело и тонко.

Тело моё окутало красным, алым как кровь, шёлком. Рукава словно крылья свободно стекали с рук вниз, грудь поддерживала ткань, перехваченная крест-накрест.

Девушки-служанки приготовили кровать, застелив её черным шёлком. Зажгли в изголовье свечи и раскрыли широко раздвижные двери, ведущие на балкон – чтобы ветер свободно мог влетать в комнату, когда захочет.

Волновалась ли я? Да! Но волнение моё было приятным. Я желала этой ночи. Почему нет? Мужчина мне в мужья достался отменный, и если девушка, в чьё тело я попала и была невинна, то я уже успела познать некоторую сладость этой стороны жизни и мой, пусть не такой

уж большой сексуальный опыт подсказывал мне, что Порочный Принц из тех любовников, о которых женщины вспоминают с трепетом – выносливый, горячий, темпераментный, с неуёмным аппетитом и фантазией.

Девушки поднесли мне стакан с напитком столь же алым, как и моё одеяние.

– Что это? – поинтересовалась я.

– Горячительный напиток, госпожа. Чтобы зажечь кровь и успокоить вас.

Я осушила его залпом. Приятный, бархатный вкус, прохладный. Алкогольный градус есть, но не сильный – в самый раз.

– Не много ли света?

– Господин захочет видеть вас, Звезда Очей. Он может остаться недовольным, если что-то останется в тени.

Это да. Мы, дамы, любим тень и тайну, а мальчики, увы, обожают покров с тайны снимать. Чтобы их жадный взор до всего мог дотянуться, ничего нам не оставив на откуп.

Закончив, девушки выстроились в шеренгу, видимо, ожидая дозволения выйти. Я охотно им его дала:

– Можете быть свободны, – кивнула я им.

Я волновалась. Не хотелось ударить в грязь лицом. Сегодня моя судьба может и должна измениться. Второго шанса произвести впечатление и завоевать этого человека у меня может и не быть. Здесь, в этом мире у женщины может быть лишь одна карьера: чтобы владеть миром она должна владеть мужчиной.

Хотела ли я власти? Ну, что властью считать. Править миром, собирая оброк с подданных, пожалуй что нет. Но сидеть за печкой и говорить на каждое мужнино слово: «Да, мой повелитель», – тоже не хотелось, а чтобы значить чуть больше, чем ничего, мне придётся поработать. И слава богу, что моя цель молод и хорош собой. От такой работы легко получать удовольствие.

Сохранять достоинство, быть горячей и раскованной, но не распутной, быть страстной, но не блудливой, отзывчивой на каждую ласку, но оставаясь целомудренной, так ублажить мужа, чтобы подняться с ложа с его сердцем в руках, а не стать наложницей на одну ночь, шлюшкой, чьего имени по утру не вспомнят и с кем второй раз дела иметь не захотят – это искусство.

Искусство, которому нас не учат. Наш 21 век на самом деле очень техничный. В любой книжке можно отыскать любые сексуальные техники, и всё же сексом заниматься в наше время часто скучно и неинтересно. Он как синтетический йогурт, тысячи подсластителей и усилителей вкуса, но часто нет самого главного – влечения, химия, страсти, живой, как вода из источника.

Я надеялась, что с принцем, драконьим всадником, всё будет иначе.

С сильно бьющимся сердце я повернулась к распахнувшейся двери.

Глава 9

В комнате было много занавесок. Они вились здесь повсюду. Лёгкая, полупрозрачная, алая, как огонь или кровь, кисея, отделяла кровать от других частей комнаты, выход на балкон, вход в другие комнаты – и всё это колебалось, колыхалось, дышало, вздрагивало багряной краснотой и солнечным золотом. Эта алая зыбкость, ещё более эфемерная и нереальная в свете сияющих свечей, делала реальность похожей на сон. Всё казалось зачарованным и сказочным.

Может, в горячительное подмешали чего? Почему алая кисея кажется мне языками пламени, а свеч – крылом феникса или пером жар-птицы?

А Эвил Санистор – он был в чёрном. Вернее, чёрными были его брюки с широким шёлковыми поясом и короткая безрукавка прямо на голое тело. На шее мерцали золотые украшения, массивная толстая цепь, чуть меньше той, которой он приковывал меня к своему дракону. Чёрными были его волосы и глаза. И вокруг него, запутавшись в алых занавесках, бегали чёрные тени.

Мне отчаянно хотелось ощутить эту гладкую, мягкую кожу, бугрящуюся на валиках мышц подушечками чутких пальцев. Я готова была застонать от удовольствия только об одной мысли о том, как его руки станут ласкать моё тело.

Голова кружилась от предвкушения обжигающих прикосновений и охлаждающих, влажных поцелуев. И я боялась, отчаянно боялась, что жестокая реальность обманет мои надежды, как она это делает не раз, доказав, что всё хорошее в жизни лишь мечта или сон, а в реальных отношениях красота и страсть встречаются так редко – всё чаще скука или нужда.

Если бы я могла я бы, наверное, смежала в тот момент из боязни разочароваться. Но бежать было некуда. Вокруг – полутёмное пространство и аромат возбуждения.

– Иди сюда.

Это прозвучало не как просьба, а как приказ. Я не люблю, когда мне приказывают. И даже сейчас мне не слишком-то нравится, но подчиняться необходимо.

Я делаю шаг. Замираю на мгновение. Потом другой.

Отчасти потому, что ноги как ватные – подкашиваются от сладкого напряжения в теле. Один его вид заставляет меня испытывать желание, и я не стыжусь этого. Я приветствую этот зов плоти, который всегда казался мне смешным, надуманным и невозможным в реальной жизни. Мне не стыдно желать моего мужа, но я не люблю, когда мной командуют или помыкают. Я хочу играть на равных. Хочу брать ровно столько же, сколько отдаю. И скупиться я не намерена.

– Ближе, Анжелика.

У него красивый, хоть и резкий, профиль. И волосы, как и всё вокруг (а может быть благодаря багряным отсветам) тоже отливают красным.

Я остановилась, так и не дойдя до него, хотя нас разделяло не больше метра. Он пристально смотрел на меня и в его глазах пылало пламя. Словно одним только взглядом он срывал с меня одежду или одежда не была для него преградой, он змеёй проскальзывал под неё, медленно сдвигая алый шёлк с моих плеч.

«Я сейчас возьму тебя, – говорили мне чёрные, жёсткие, смеющиеся глаза, словно бросая мне вызов. – Ты готова к этому?».

Бери. Я готова. Только не сломай. Поломанные вещи могут быть опасны.

Мы дышали почти в унисон – вдох-выдох, – словно разделяя воздух на двоих. От Эвила веяло мужественностью, уверенностью и пламенем. А я чувствовала себя бабочкой, готовой лететь на свечу. Мне хотелось вдохнуть тот воздух, что он выдыхает.

Я чувствовала себя возбуждённой и расслабленной одновременно.

– Не отводи глаз, – и это тоже не было просьбой. – Дыши со мной. Танцуй со мной. Люби меня.

Чёрные глаза, наполненные жадой и желанием, затягивали меня точно в омут, пленяли. И я, словно кролик, замороженный змеиным взглядом, шагнула вперёд, в кольцо его рук. Он обнял меня жадно, крепко прижимая к мускулистому горячему телу, к своему отвердевшему от желания, члену. Я видела, как расширились от страсти его зрачки.

Но он не стал торопиться. Бережно подхватив одной рукой под бёдрами, второй придерживая за спину, легко оторвался от пола и на руках понёс меня к пламенеющему красно-чёрному ложу. Я обняла его

рукой за шею, с наслаждением прижалась к обнажённой груди, ощущая приятную дрожь и ускоряющееся биение пульса.

Я слышала, как сбивалось его дыхание от моих движений. Чувствовала отклик на каждое прикосновение, и я сама словно превратилась в оголённый провод.

Мои ладони легли на его грудь, зажимая соски между пальцев. Они были такие же гладкие и горячие, как и всё его тело.

Его губы обрушились на меня с обжигающим жаром. Я поддавалась его ласкам покорно понимая, что ему нравится доминировать, а от девушки в её первую ночь можно ожидать отзывчивости, но не инициативы. Стоило мои губам раскрыться, как его язык затанцевал внутри.

Плавным, но твёрдым движением он опрокинул меня на спину, нависая и подавляя любое сопротивление, обещая незабываемое продолжение. Его горячие губы не давали передышки, не знали пощады, да я её и не хотела.

Я млела, не сдерживая тихих гортанных стонов, когда его руки заскользили по телу, оглаживая мои бёдра, прижимая их к себе, давая почувствовать степень его возбуждения. Ловкие пальцы легко преодолели препятствие, расплетая узлы одежд и отбрасывая их за ненадобностью в сторону.

– Какое у тебя белое тело, – прошептал он мне на ухо, – белое, нежное, как дорогой фарфор. И как красиво оно смотрится на моих чёрных шёлковых простынях. Ты словно самый ценный приз, Анжелика.

Я вздрогнула и напряглась, как натянутая тетива лука, когда он накрыл губами мой напряжённый сосок, обводя языком чувствительную ареолу. Второй рукой он беззастенчиво коснулся самого сокровенного, меня заставляя выгибаться, сначала в смущённо попытке высвободиться, а потом уже от сладострастия.

Не прерывая игр с соском, который вдруг обрёл исключительную чувствительность, Эвил сильнее нажал на набухший клитор, заставляя меня замереть и прислушаться к острым, приятным ощущениям, жалобно всхлипывая от наслаждения.

Движения его языка совпадали по ритму с движением его пальцев, умело, со знанием дела играющих на самом чувствительном инструменте женского тела.

Дрожь наслаждения заставляла меня выгибаться, побрасывая почти на самую высокую грань блаженства, терять связь с реальностью от его ласк.

– Я чувствую каждый дюйм твоего тела, – жарко шепнул он мне.

Резко толкнув его в грудь, я заставила принца перевернуться:

– Я тоже так хочу, – выдохнула я ему в губы и, не дожидаясь ответа я, перекинув через плечо пылающие в свете свечей золотом волосы, принялась поцелуями точно так же путешествовать по его телу, как он это делал со мной: вдоль шеи, по груди, животу, к и без того напряжённому свидетельству его страсти. Пальцы с уверенностью задвигались по его члену, стараясь довести его хозяина до иступления, до сумасшествия.

– Целуй меня! – прохрипел он перед тем, как обрушиться уже ничем не прикрытой, животной страстью. Поцелуй этот был до боли в губах, объятия оставляли следы на теле. Его движения стали яростными, в нём больше не чувствовалось нежности – только желание обладать.

Я закричала, почувствовав, как его член ворвался в глубь этого девственного тела. Боль была настоящей, режущей и острой. В своём теле я такого не испытала – так, лёгкая, тянущая, почти не осязаемая. Зато здесь – просто искры из глаз.

Стараясь высвободиться и отодвинуться, я уперлась руками ему в грудь:

– Хватит! Прекрати! – потребовала я.

Он замер, но и не подумал отодвинуться.

– Пусти меня! Мне больно!

– Потерпи.

Нет, ну что за наглость? Почему я терпеть должна? Не хочу я терпеть!

– Попробуй сама, – шепнул он мне.

– Попробовать – что? – не сразу поняла я.

– Просто двигайся. Всё ещё больно?

Боль стала глуше, словно отдалилась, но до конца не ушла. На всякий случай я просто промолчала. Видимо, он счёл это за согласие продолжить.

– Ещё немного, – прошипел он, медленно насаживая меня на себя. Моё лоно тут же отозвалось лёгкой болью и приятной дрожью, которая

словно эхо следовало за болью. Поначалу его размеренные толчки превратились в активные и болезненные. Словно тряпичную куклу меня насаживали на член, всё быстрее и быстрее.

Перестав сопротивляться боли, перестав сопротивляться тому темпу, что он взял, я слилась с ним, подчинилась ему, как вода, принимающая форму сосуда, что она заполняет собой. И вскоре боль ушла, оставляя дикое, необузданное наслаждение. Я никогда в жизни такого раньше не испытывала.

– Ещё! Ещё! Вот так... давай же!

Темп был просто бешеным.

Ничего не осталось, кроме дикого инстинкта и экстаза. Тело будто наполнялось горячей лавой, она текла под кожей, лишая воли, сознания, от удовольствия стало нечем дышать.

С очередным его толчком я словно оторвалась от земли и полетела на упругих, сладких волнах. Словно сердце спустилось вниз, в тугую, влажное, горячее лоно, а потом, как солнце на восходе поднялось на место.

О! Этот сладкий затягивающий жар и предательское тепло внизу живота, от которого ты вся, до кончиков пальцев на руках и ногах таешь, будто масло на солнцепёке!

Вдох-выдох...

У меня никогда и ни с кем раньше так не было – жадно, страстно, снося все запреты и условности.

Его руки продолжали меня обнимать, прижимать к себе, а я бы с радостью убежала бы от него куда-нибудь и заперлась. Желательно, на несколько замков.

Я не готова была ни к удовольствиям, ни к эмоциям. Не хватало ещё привязаться к незнакомцу, от которого моя предшественница ломанулась, решив пойти туда, не зная куда. И про его четырёх (или трёх, я уже точно не помню) предыдущих жён тоже не стоит забывать. Он ведь их угробил каким-то образом. Да я и без эмоциональной зависимости от него слишком завишу!

Видимо, почувствовав моё изменившееся настроение, Эвил с нежностью и тревогой заглянул мне в лицо:

– Всё в порядке? Я сделал тебе больно? Извини, я не хотел. Но в первый раз всегда так. В следующий раз будет лучше.

– Куда же лучше? Вы подарили мне счастье.

В общем, так оно и было. Я не врала.

Может быть, вовсе не его вина, что я боюсь быть счастливой? Хотя, нет, не так, я не боюсь, я просто... не верю, что получится. Что-нибудь всегда станет той пресловутой ложкой, от которого всю бочку с мёдом придётся пожертвовать мусоропроводу.

– Если я подарил тебе счастье, то почему у тебя грустный вид?

– Потому что тот, кто своё счастье нашёл, боится его потерять, мой король, – с улыбкой ответила я и, поддавшись вперёд, поцеловала его, на этот раз без страсти, мягко и нежно.

Он вопросительно смотрел на меня, словно хотел прочитать мои мысли. Мужчины не смотрят так на женщин, призванных в их жизнь лишь для утех.

– Ты отличаешься, – выдохнул он задумчиво и нахмурился.

– Отличаюсь? – призрак куда-то подевавшихся жён обступил наше ложе. – От кого?

– Ото всех.

Я разрывалась между желанием спросить о других принцессах и страхом всё испортить своим ненужным вопросом. Колебания мои длились недолго. Ни к чему омрачать приятные моменты, их и без того немного. Никуда я не денусь, даже не захочу знать – придётся. Шило в мешке не утаить. Спрошу позже, не сейчас.

– Я надеюсь, это хорошо? – заглянула я ему в глаза.

– И я надеюсь на это. Всем сердцем.

Он резко, рывком поднялся и потянулся к одежде.

– Вы уже уходите? – испуганно спросила я.

– Да.

– Но почему? Я не угодила вам?

– По нашим обычаям муж должен ночевать на своей половине, а жена – на своей.

Он потянулся к одежде, но я перехватила его руку, прижимая её к груди:

– Не оставляйте меня, мой король! Побудьте со мной.

Он растерянно взглянул на меня, явно колеблясь (к моему внутреннему торжеству).

– Но обычай велит...

– Прошу ваш! Неужели обычай значит для вас больше, чем моё желание ещё чуть-чуть побыть подле вас? Завтра с восходом солнца вы

вернётесь к своим делам и будете принадлежать им, а не мне. А пока у нас ещё ночь... и мне так страшно и одиноко здесь одной. Вдали от дома, от родных.

– Ваш дом теперь здесь! – свёл он брови пытаясь отнять руку, и я тут же подчинилась, отпуская его ладонь, не решаясь перечить, помня бабушкину мудрость «просящему – даётся», а требующему тоже, но часто не то, что тот хочет.

– Да, мой король. Я знаю. И я привыкну к здешним обычаям, обещаю. Но мне будет легче их принять, если я буду знать, что...

– Что?

– Что ночью мой король готов наградить меня за мои старания.

Увидев его улыбку, я осмелела и оплела его шею руками:

– Оставайтесь, прошу вас. Это наша первая ночь, никто не осудит мужа, решившего проснуться рядом со своей женой.

– Остаться? – в чёрных глазах промелькнула смешинка. – Что ж? Быть может, отдохнув чуть-чуть, ты согласишься повторить наш первый урок, моя очаровательный ученик.

– С радостью, учитель! – засмеялась я.

Обняв меня за талию, он рухнул назад, в объятия шелков, подушек, перин.

И – мои.

Предвкушая повторения удовольствия, я чувствовала себя победительницей. Пусть маленькую битву я всё же выиграла. Пусть это только первая ночь... но за одной ночью последует другая, потом – третья.

Женщина царствует в ночи. Главное не ошибиться. Не показаться алчной, не показаться навязчивой. Держать баланс – как на канате.

Жить и выживать рядом с мужчиной, уметь держать его подле себя шёлковой нитью, чтобы не провисала и не порвалась – это не просто труд, это искусство. И мне придётся овладеть им.

Во-первых, потому что терять Эвила Санистора я не хочу. Я его совсем не знаю как человека, не могу оценить его нравственных качеств и жизненных принципов, и если бы ещё кто-то вчера сказал мне, что я влюблюсь в мужчину только потому что он красавец, силён на поле боя и в постели, я бы покрутила в ответ у виска.

А сейчас это стало моей реальностью. Я не могу сказать, что я его люблю, но я определённо хочу побороться за будущее именно с этим

мужчиной.

А второе – только получив его сердце, я, возможно, смогу выжить в этом совершенно незнакомом мне мире. Помним про четырёх куда-то сгинувших жён? Чтобы с ними не случилось в прошлом, Эвил может меня от подобной участи уберечь. Моя броня – его любовь. И мне во что бы то ни стало необходимо добыть эти доспехи.

Глава 10

Проснувшись утром я от поцелуя Эвила и спросонья нехотя открыла глаза, но наткнувшись на его улыбку тут же очнулась.

– Анжелика? – ласково провёл он большим пальцем по моей щеке. – Мне нужно уходить, но я хотел ещё раз заглянуть в твои глаза, что глубже горных озёр, таких же чистых и холодных.

– Холодных? – возмутилась я, отвечая на его поцелуй и, к моему счастью, он не стремился быстро вырваться из моих рук.

На мгновение он вновь опустился на подушки, а я прижалась щекой к его горячей груди, слушая, как равномерно и сильно бьётся его сердце.

– Так не бывает, – выдохнула я.

– Как?

– Хорошо. И просто так. Так не бывает!

Он засмеялся, ласково проведя ладонью по моим волосам:

– Что ты знаешь о жизни, маленькая принцесса, чтобы бояться счастья?

– Мне хорошо с тобой, и нашему счастью нет никаких препятствий. Но так ведь не бывает?

– Почему?

– Счастье – это величайшее сокровище. Верно?

– Верно, – подтвердил он, продолжая гладить мои волосы.

– Там, откуда я родом, верили, что сокровище стерегут драконы, и чтобы его обрести, приходится сражаться. Ничто не даётся даром.

– Я кажусь тебе счастьем, моя маленькая принцесса? – усмехнулся он.

– Я была счастлива с тобой этой ночью. Это всё, в чём я могу быть точно уверена сейчас.

– Ты можешь быть уверена так же и в том, что эта ночь повторится. Но сейчас я должен идти.

– Оставить меня? – с наигранным укором покачала я головой, отстраняясь с лёгким вздохом.

– Увы! Меня ждёт Атэйрон, – Эвил сделал ударение на второй слог. – Мы должны обсудить одно серьёзное дело до того, как

соберётся Совет.

– Атэйрон? Тот молодой человек в чёрном, что стоял за твоей матерью?

– О! Ты его заметила? – с лёгким сарказмом протянул Эвил. – Заметный малый, да? Мне стоит начать ревновать?

– Это ведь его молва окрестила Чернокнижником? Он и правда колдун?

– Странно, что ты задаёшь такие вопросы. Да, дорогая, мой брат колдун. Как и моя мать. Как и вся их кровная линия.

– Твой брат? – поразила я.

– Ты сейчас притворяешься или разыгрываешь меня, принцесса? – губы Эвила улыбались, но взгляд потемнел. – Всему Девициарствию широко известна эта история, как умирающий молодой человек, брошенный предателем-царедворцем в Змеиной Пустоши, выжил благодаря чёрной колдуньи и в благодарность за спасённую жизнь взял её в жёны, несмотря на то, что она уже имела ребёнка.

– Что?.. Я не знала. Я правда... хотя, может быть, раньше и знала, но я всё забыла после травмы.

– Какой травмы? – широко распахнул глаза Эвил, пронизательно уставившись на меня.

– Если честно, то я даже и не знаю. Я пришла в себя и всё забыла. Я и теперь ничего не помню. Жизнь как с чистого листа.

– Мне не доложили об этом.

– Конечно. Наверное, боялись, что вы откажетесь от бракованной принцессы. Я расстроила вас моими признаниями, мой король.

– Только если травму будет опасной для тебя.

– Я в порядке. Своё имя я помню и ваше тоже выучила.

– Действительно, что может быть лучше?

– Разве не о такой жене мечтает каждый мужчина? Получить её сознание девственно чистым и заполнить нужными понятиями? – насмешливо спросила я и тут же сама себя одёрнула.

Чего это я тут разговорилась? А вдруг с королями в Темной Цитадели так не принято? Ну да ладно. Разыгрывать из себя покорную куклу с мягким голосом всё равно долго не получится. Где-то истинный темперамент да прорвётся?

– Я велю придворному лекарю осмотреть тебя.

– Это не обязательно...

– Это не обсуждается.

Вот ведь я дурная Фроська? И чего бы мне просто не промолчать? Сама ж подставилась! Терпеть не могу медосмотры, но придётся терпеть. А ещё – нужно последить за своим языком, не забывать, что я теперь буду существовать в мире, где за неправильно сказанное слово можно и головы лишиться.

Мы-то в своём 21-ом счастливы не только за слова, но и за действия через раз ответ держать. Сложно мне будет.

– Ну, если не обсуждается, тогда благодарю за заботу.

Он засмеялся, легко поднимаясь с кровати.

– Поцелуй меня ещё раз, жена. На удачу! Пусть твой поцелуй станет моим талисманом.

– Охотно, дорогой мой муж!

И я радостно выполнила обещание, прикасаясь к его ласковым губам и вдыхая горьковатый, тёплый запах. Обняв меня на мгновение в ответ, он отстранился.

– До вечера, моя маленькая принцесса. Пусть день твой будет светел.

– До вечера, любовь моя, – протянула я ему руку, и мой король пожал её на прощание перед тем, как выйти.

Счастливая и довольная, я перевернулась на постели и закрыла глаза. Если бы я была кошкой то, наверное, мурлыкала бы. Никогда ещё я не чувствовала такой полноты жизни, словно воздух и солнце протекали через меня, наполняя энергией каждую клеточку тела.

А приподнявшись на локтях я с удивлением и смущением поняла, что в комнате я больше не одна – у дверей, опустив глаза вниз и сложив перед собой сцепленные руки, стояли две девушки, а посередине – высокая и худая женщина с ярко подведёнными глазами. В первый момент я с ужасом подумала, что это мать Эвила, там самая дама с занавешенным лицом и жуткими глазами, но в следующей момент расслабилась. Если наблюдательность мне не изменяет (а она не изменяет) мать моего короля была ниже ростом и куда изящней. Это, по всей видимости, её поверенная или служанка.

– Доброе утро, – улыбнулась я девушкам.

В ответ они поклонились.

– Доброе утро, госпожа, – отозвалась женщина. – Это Мирайя и Суокэ. Они будут прислуживать вам, стараясь во всём услужить.

Можете распоряжаться ими по своему усмотрению. Королева-мать Хатериман выбрала их для вас на первое время, исходя из собственных вкусов и предпочтений, но, если вы останетесь недовольны или пожелаете взять в услужение других девушек – воля ваша и ваш приказ. Всё будет сделано.

– Благодарю, – кивнула я. – Я полностью доверяю выбору Её Величества. Как мне обращаться к вам?

– Танитисан, госпожа.

– Передайте мою благодарность Её Величеству королеве-матери за её высочайшую заботу.

Женщина склонила голову.

– Госпожа приглашает вас в свои покои, разделить с ней чайную церемонию. Она будет счастлива поближе узнать свою невестку. Что мне ответить моей госпоже?

– Я счастлива принять приглашение и прейду сразу же, как только соберусь.

Кланяясь, женщина попятилась и вышла из комнаты сразу же, как стоящие за дверями стражники распахнули её.

– Помогите мне собраться, – кивнула я девушкам. – Да постарайтесь получше! Второй раз впервые предстать перед свекровью вряд ли получится.

Вряд ли девушки поняли, кто такая свекровь. Но от них понимать и не требовалось. А дело своё они знали отлично, и то, что я не до конца понимала, мне подсказали.

Например то, что яркие краски в одеждах предназначались для встречи короля в приватной обстановке. А на все остальные случаи существовала одежда куда менее броских расцветок.

Но хоть убейте, горчичный цвет, что для меня подобрали, мне категорически не шёл, хоть и был по-своему благороден.

Признаться, я волновалась. Я совсем не знала мать Эвила, но интуитивно угадывала, что в этой женщине могут найти как сильного союзника, так и непримиримого врага.

При других обстоятельствах сама возможность погулять по таким шикарным апартаментам, с непривычки напоминающим отлично декорированный лабиринт, стало бы чистым удовольствием. Чем-то отдалённо изнутри дворец напоминал кадры из Великолепного Века и можно было при желании вообразить себя Хюрем. Кстати, отличный

образец для подражания. Рабыня, ставшая в один ряд с царицами и имевшая власть больше, чем её европейские современницы и это в стране, где женщина стояла после полового коврика!

Я так волновалась, что даже не запомнила дороги, которой мы шли. Меня охраняли мои служанки (или сопровождали? Или стерегли? Тут как посмотреть).

Мы подошли к двум запертым дверям, по бокам над которыми горели факелы и сторожили дверь стражники. При моём появлении оба храбрых воина склонили головы и толкнули створки, распахнувшиеся внутрь.

Переступив порог комнаты, я оказалась не в замкнутом помещении, как рассчитывала, а в ярком цветнике, центром которого являлась скульптурная группа и высокий фонтан, разбрызгивающий фонтаны воды под открытым небом. Прямо на плитах, у фонтана, разостлали ковёр и мать принца Эвила, Хатериман, сидела на нём, на земле, закутанная в белый шёлк, как в саван. Материал покрывал всю её фигуру, с головы до ног и в то же время был лёгок и трепетал от малейшего дуновения ветерка.

На сей раз лицо её ничто не скрывало, и я с интересом вглядывалась в лицо матери моего мужа. И нашла его не просто красивым, но весьма и весьма интересным. Такие лица легко западают в память.

Она была смуглой, кожа имела оливковый оттенок и теперь не оставалось сомнения от кого Эвил и его брат-чернокнижник унаследовали чёрные, прожигающе-огненные пламенные глаза. Но у Хатериман они не были горячими. Матовые, глубокие и, как ни странно, холодные, они были оценивающе устремлены на меня.

– Юная принцесса Анжелика, приветствую тебя. Мы рады тебя видеть. Проходи, сядь с нами.

Она говорит о себе в третьем лице? Любопытно? Но кто знает, может, тут так положено особенно царственным особам.

Я, покорно приблизившись, села. Наверное, нужно что-то сказать в ответ? Но я понятия не имела о местном этикете.

Я не то, чтобы робкого десятка, но под взглядом этой женщины робела, хотя даже огненные взгляды её царственного сына не особенно смущали.

Она перевела цепкий взгляд с меня на сопровождающих девушек. Кажется, я всё-таки что-то сделала не так?

– Простите, госпожа, – пролепетала Мирайя, – я не успела обучить её нашим правилам.

– Это не страшно. На этом свете много мест и в каждом из них свои правила. Умный человек всегда стремится познать чужие обычаи и взять от них лучшее. Принцесса Анжелика, – она словно попробовала моё имя на вкус и покачала головой. – Слишком чуждое место для этой земли. Я подберу тебе другое. Тайима, в переводе с праязыка моих отцов, это означает – Огненная Заря. Что скажешь? – обратила она на меня по-змеиному бесстрастный взгляд.

– Замечательное имя. Звучит очень красиво. Но при всём уважении, зачем оно мне? Я вполне довольна своим.

– Твоё имя означает – ангел? Светлый и нежный. Ты похожа на ангела. Но в здешних местах такие не выживают.

– А что не так с этим местом? – я постаралась улыбкой смягчить слова, которые можно было бы принять не слишком любезно.

– Мне донесли о том, что принцесса Ванхелия утратила память. Должно быть это правда?

– Чистейшая, – подтвердила я.

– Что ж, память – это поправимо. Лишь бы разум не потеряла, – пренебрежительно проговорила женщина. – Я напомним, что Тёмная Цитадель названа так не случайно. Здесь проходит рубеж, тонкая грань, между миром людей, зелёных полей и синих вод и миром огненной пустыни, за которой Чёрные Горы порождают тёмный дым в горниле своих вулканов, выпуская на свет чудовищ, что не приснятся и в самых страшных кошмарах.

Речь, прямо скажем, не очень. Я почему-то так и думала, что отношения у нас сложатся не очень. Но зачем же так сразу о кошмарах-то, а?

– Здесь, в Тёмной Цитадели бьётся сердце мира. Каждый зовёт это, бесспорно великое место, по-своему. Одни называют его Адским Огнём, другие, зная, что оно уничтожит или сокрушит всё, что брошено в него – Тропой Власти, а третьи со страхом произносят – Злой Рок. По дороге к величию буквально на каждом шагу тебя подстерегают бездонные пропасти – стоит упасть в одну, и ты уже не выберешься. Огненная Земля, Земля Драконов – место это сжигает

души людей дотла. Узкая тропа между Адом и Раем. Но отсюда есть шанс попасть и совсем в другое место. На это есть только один шанс – второго не будет.

– Я не понимаю, зачем вы мне всё это говорите? – взволнованно спросила я. – Как мне толковать ваши странные речи? Это угроза? Или предупреждение?

Хатериман откинулась на подушки, облокотившись на одну из них, с холодной насмешливостью взирая на меня:

– Зачем мне тебе угрожать, девочка? Угрожают тогда, когда хотят напугать.

Она щурилась, не сводя с меня взгляда, словно оценивая мою реакцию на свои слова:

– Мне пугать тебя ни к чему.

– Тогда, выходит – предупреждение? – тряхнула я головой. – Но я, признаться, не очень сильна в метафорах. И было бы проще, если бы вы выражались яснее. Мы быстрее пришли бы к взаимопониманию.

Она улыбнулась одними губами, а взгляд оставался по-змеиному бесстрастным:

– Не сильна в метафорах? А в чём же ты сильна, Тайима?

Я дёрнулась, услышав чуждое и в чём-то угрожающее имя, будто шёпот из темноты – тьма, тьма...

– Моё имя Анжелика, – невольно дыхание моё участилось, то ли от гнева, то ли от страха – сама не могу понять.

Хатериман, заметив моё состояние, тихо засмеялась:

– Не упрямясь. Смена имени только на пользу женщине. Мы же как змеи. Мы – как змеи, мужчина – как львы. Змеи сбрасывают кожу и начинают жить сначала, каждый раз по-новому, иначе нам не выжить. Со старым именем умирает старая суть, чтобы новая могла жить. Я тоже не всегда была Хатериман – Смертоносным Тайфуном. Я родилась Анириэлью – Розовым Цветком Зари. Потом меня продали колдунам пустыни и меня окрестили Сахрой – Ядовитым Плющом. А потом там, в далёкой выжженной земле, где ничто живое долго не живёт, я встретила мальчика с синими глазами, которому должен был принадлежать мир, но вместо царственный тиары ему принадлежало рубище. Я не думала о царстве, не думала о силе. Я всего лишь хотела, чтобы он жил. Потому что ничьи другие глаза не были такими синими. Ради него я признала моё черное наследие и приняла Тёмный Дар

моей крови. Я заставила их служить ему. Он хотел трон и свои земли, а я хотела, чтобы он был счастлив. Так началась новая война. В которой мой синеглазый король умер. И теперь уже его сын – мой сын, хочет владеть миром. Мне мир не нужен, но я хочу, чтобы мой сын был счастлив. А значит война продолжается. И в этой войне больше нет ни Розовых Цветов Зари, ни Ангелов.

Значит, всё-таки её слова – предупреждение. Но какое-то не радостное.

– Не беспокойся, – голос Смертоносного Тайфуна смягчился, стали тихим, как шёпот ручейка по камушкам. – Твоё будущее может быть безоблачным. Я уже сказала, что по одну сторону от тропы – ад, но по другую – рай. Сумеешь подчинить дракона, и станешь госпожой, которую никто не сможет потеснить в сердце моего царственного сына.

– Подчинить дракона? – нахмурилась я. – Что значит – подчинить дракона?

Она что, драконом своего сына величает? И пытается наставить меня на путь истинный, дать совет? Это было первой моей мыслью.

Хатериман поднялась легко, словно бы ей было не больше восемнадцати. Она вообще прекрасно сохранилась, я бы не могла определиться с возрастом этой женщины.

– Иди за мной, – приказала она.

Глава 11

Мне приказала, и я пошла, естественно. Что ещё я могла сделать? «Она была горда и никогда не покорялась судьбе и обстоятельствам», – звучит красивой характеристикой, но, увы, не про меня. Я конформист и не люблю конфликтовать, да и вообще – королеве-свекрови не откажешь. Да и любопытство никто не отменял.

Мы вошли в очередной коридор, спускающийся всё ниже и ниже. Потом прошло по подземному ходу (подземелье да подвалы ни с чем не спутаешь), и вышли в место, с первого взгляда напоминающее амфитеатр. Солнце свободно вливалось сверху в воронку, ничем сверху не закрытую, через которую можно было глядеть в небо, которое, когда стоишь на дне этой ямы кажется невероятно далёким.

– Куда мы идём? – не удержалась я и задала вопрос.

– Сама как думаешь, что это?

– Драконье Логово?

Словно только и дожидаясь моих слов, из полумрака у дальней стены шевельнулась тень.

Нужно сказать, что помещение было огромных размеров. Его края почти утопали в тени, а величиной оно было в два объединённых стадиона. Слух уловил скребущиеся тяжёлые звуки и свистящее дыхание.

А потом я увидела огни. Красные угли и в первый момент отпрянула – из темноты выдвинулась шипастая морда. Всё, что я видела это алые глаза, отливающие лёгкой синевой обнажившиеся клыки, между которыми кто-то зажёл газовую горелку с синим пламенем.

– О, Господи!

– Спокойно, – тихо прозвучало в ответ, и я не поручусь, что относилось это ко мне, а не к чудовищу, таящемуся в темноте.

Драконьи ноздри трепетали, зубы скалились, а гребень на голове угрожающе встал дыбом, возвышаясь над головой, словно корона.

– Тихо, Молния, тихо, – проворковала королева и, вытянув руку, уверенно двинулась вперёд.

Более жутких и свирепых тварей я вообразить себе никогда не могла. Они что-то урчали на своём, рептильем волшебном драконьем языке. Мне казалось, что они говорили «оставь надежду всяк сюда входящий» и «забирай свои вещи и беги, беги, беги!». Короче, что-то очень грозно-угрожающее, и от вибрирующего звука, текущего из их пасти, хотелось пасть ниц и вздеть руки горе.

Хатериман коснулась ладонью шипастой бронированной кожи «аля большая крокодила» с нежностью, обращённой обычно к кошкам:

– Хорошая девочка! Тайима?

Я не сразу поняла, что это мне.

– Подойди сюда.

О, нет! О нет-нет-нет и нет.

Но я медленно пошла. Не думать. Так проще не бояться. Если Хатериман меня зовёт, значит знает, что это безопасно. Если только заранее не решила скормить меня этим шипастым крокодилам с крыльями.

– Погладь её.

Дракон зыркнул на меня так, словно он не дракон, а василиск, и я почувствовала, как обращаюсь в камень. Какой там погладить?! Я едва дышала от ужаса.

А глаз был рядом с моим. Огромный, с золотистой каймой и узким зрачком-лезвием. А под глазом (мама-дорогая!) пасть – распахнутая и урчащая! И всё это великолепие выглядело крайне недовольным, раздражённым, готовым укусить, что, учитывая размеры Чуды-Юды, грозило неминуемой смертью. Одно хорошо, учитывая все те же размеры, быстрой. Недаром Молнию названии Молнией: кусь – и всё!

Голову проглотит сразу, а ножки ещё немного подрыгаются, как у курицы, что убежала от своего палача, забыв в его пальцах голову.

– Погладь. Она должна привыкнуть к твоему виду, к твоему запаху. Постарайся с ней подружиться.

Нет, я за сотрудничество и взаимопонимание всем сердцем. Но я не собираюсь дружить с драконом. Укрощение хищников – ну не моё это, не моё! Я как-то больше по книжкам, по цифрам, по архивной пыли. Анализ там какой сочинить, вывод сделать.

Даже в полумраке я ощущала на себе взгляды. Особенно жгучим он был, как ни странно, у свекрови.

– Мой сын сказал, что ты особенная.

– Да? – оживилась я.

– Он ошибся. Ты обычная смазливая девчонка.

Стало обидно.

– Вы так решили потому, что я не питаю нежных чувств к драконам?

Видимо, среагировав на мой тон, твари со всех сторон зашипели громче.

– Разве, чтобы быть особенной, я обязана их любить?

Хатериман угрожающе шагнула ко мне:

– Глупая девчонка! Ты ещё дерзить мне надумала?

Я бы, может, и надумала, но обстоятельства против меня.

– Нет, что вы, я просто...

– Тут нет ничего простого. И ответ на твой вопрос – да. Ты обязана любить драконов.

– Не хочу выказать неуважение, но я замуж шла не за этих чудовищ. Они откровенно меня пугают. Я ничего против них не имею, если Его Высочество желает иметь экзотических зверей, это его дело, но я...

– Драконы – не звери.

Ладно. С любителями зверюшек и фанатичными матерями всегда не просто.

– Как вам будет угодно, – согласилась я таким тоном, чтобы каждому было ясно, что я делаю это лишь из вежливости.

– Ты должна понять это чтобы выжить. Я разговариваю с тобой сейчас потому, что мой сын хочет, чтобы ты выжила и стала *той самой*. А чтобы выжить, ты должна приручить дракона, но этого не сделать, если ты будешь смотреть на них как на опасное, страшное, но всего лишь животное. Драконы – гораздо больше, чем зверь.

Я притихла. Кажется, все хуже, чем мне сразу подумалось. Меня не проверяют на вшивость и крепость. Меня снабжают нужной информацией.

– Кто же такие эти драконы?

– Демоны из преисподней. Их в Бездне много. Огненные элементали. Ты понимаешь о чём я говорю, девочка?

– Приблизительно.

– Всё живое порождает себя само. Драконов же маги призвали в этот мир искусственно. Вернее, их призвала пять веков назад моя прародительница.

– Зачем?

– Разве ответ не очевиден? Разве может существовать стражник, защитник и охранник сильнее, чем они? Она создали их, чтобы драконы ей служили. А позже – её детям. Но всё, что существует по эту сторону Грани имеет положенный ему предел. Поэтому приходит время, когда дракон развоплощается. Умирает, по-нашему. Как правило, это происходит тогда, когда разрушается связь с его хозяином.

– Всадником?

– Можно сказать и так. Хозяин становится его источником силы. Привязанный таким образом к нему дракон не способен навредить, потому что получается нечто вроде симбиоза.

Я слушала очень внимательно, пытаюсь понять, к чему все эти подробности. То, что моя царственная свекровь просто так слов на ветер бросать не станет, я уже поняла.

– Иногда случается, что молодой дракон переживает своего всадника и тогда он ищет нового хозяина. Есть и ещё один нюанс – ловушка, которых там много в мире магии и колдовства. Она касается воспроизводства драконьего потомства.

Хатериман вопросительно на меня взглянула:

– Ты знаешь, как размножаются драконы?

– Вылупляются из яйца?

– Именно. Но чтобы отложить эти яйца, им нужен партнёр. Как и людям. Только в драконьем случае всё несколько сложнее, чем с людьми. Драконы могут спариваться сколько угодно между собой, но оплодотворение происходит лишь в том случае, если парой становятся самка и самец всадников, составляющих между собой пару.

– Почему? Какой в этом смысл?

– Не спрашивай меня о смысле. В этом случае его либо нет, либо он мне неизвестен. Не я создала драконов, хоть они и привязаны к моей кровной линии, но игра идёт не по моим правилам, я лишь следую им.

– Почему вы всё это мне говорите? – упавшим голосом спросила я, хотя уже в глубине сердца сама знала ответ.

– Мой сын только вначале пути. Ему предстоит провести множество сражений, пережить много битв. Ему нужны драконы, Тайима. А у драконицы до сих пор нет всадницы.

Подобрав свои длинные белые одеяния, Хатериман направилась в сторону двери, небрежно бросив через плечо:

– Теперь ты понимаешь, почему тебе так важно любить драконов? Только настоящей любовью можно обезоружить порождения Бездны, ни хитростью, ни силой их не взять. Демоны подчиняются только тому, кого любят. Правда, беда в том, что истинный демон знает, в чём его слабость и будет избегать любви до последнего. К счастью, драконы – лишь адские искры, с ними проще.

– Проще?.. – у меня дрожали руки от осознания того, что мне предстояло. – Проще?! Именно это случилось с другими девушками до меня? Их убили драконы?

– Увы! Они не справились со своей задачей и не достигли цели.

– Как вы жестоки! Неужели у вас не найдётся даже сочувствия?..

– Жестока? Может быть. Хотя меня разочаровывает, что ты так думаешь. Выходит, ты ещё и глупа.

– Какой странный вывод! С чего бы?

– Мир не жесток и большинство людей вокруг тебя – тоже. Они не хотят тебе зла, но и твоё благополучие не их забота. Просто каждый из нас преследует свои цели и часто другие люди всего лишь инструменты в их достижении. Я не желала смерти девочкам, как не хочу и твоей гибели, иначе я не тратила бы на тебя столько времени. Мне нужны новые драконы. А моя драконица сможет дать новый прирост лишь тогда, когда найдёт себе госпожу и та станет истинной парой для моего сына. Рано или поздно такая найдётся.

– Рано или поздно?! То есть на то, скольких из нас придётся убить, вам наплевать?

– Грубо. Но это так. Мне наплевать. Для меня значение имеют лишь мои сыновья, потому что я люблю их. А весь остальной мир – лишь фон, на котором я вижу дорогие для меня лица. У тебя есть шанс стать частью моей семьи или рассыпаться пеплом под огненным дыханием драконов. Всё зависит лишь от тебя, Тайима. Такова жизнь – либо ты подчинишь драконов, либо станешь для него пищей. Рано или поздно каждый из нас находит чудовище, что ему не по зубам. Даже если нам удаётся избежать всех жизненных угроз, в конце пути

каждого ждёт старость – чудовище, против которого бессильны и сталь, и огонь. Так что жалость – это глупость. В мире все несчастны и все смертны. Тут не о чём жалеть.

Она двинулась дальше и белый шлейф её платья скользнул по моим ногам:

– Покори дракона, девочка или покорись своей судьбе. Всё в твоих руках.

Глава 12

Сказать, что я вернулась расстроенной – это не сказать ничего. Как говорят у нас, простых землян – я в полном шоке. Ну, это если ещё цензурно выражаться. Нет, красивый мужик с короной на голове – это плюс, но то, чтобы добиться его-красивого, нужно очаровать дракона – это существенный минус.

Полюбить дракона, как и покорить дракона – это всё было для меня немного «слишком». Подвиги – это не ко мне. Я спокойный человек умеренных амбиций.

Меня одолевал страх, меня распирало от злости и ничему из этого в сложившихся обстоятельствах я не могла дать выплеснуться. Всё, что оставалось, покорно топтать за свекровью. А кто рискнёт такой слово поперёк сказать? При ней вон драконы – и те присмирели.

Но если я думала, что неприятности ограничатся новостями о драконах и бывших жёнах, ну, и естественно, разговора с любимым мужем, который непременно должен был за этим последовать – я ошибалась.

Утро выдалось прелестным. Сюрпризы сыпались один за другим и каждый новый горячее предыдущего.

Мне хотелось хоть одним глазом взглянуть на Эвила. Мне уже начало казаться, что с момента нашего расставания прошла целая вечность и я никак не могла вспомнить его лица. Помнила горячие поцелуи, сводящие меня ума, умелые страстный ласки, опьяняющие проникновения. Но черты лица словно смазывались перед глазами и это меня огорчало.

Я так мало знала моего мужа. Он был незнакомцем и мне отчаянно хотелось взглянуть на него прямо сейчас. Понаблюдать со стороны, понять, что он за человек – враг ли он? Может ли стать другом или хотя бы союзником? Одна, пусть и самая страстная ночь – это ещё не любовь. В постели можно оказаться и с врагом, но вот любить врагов – дело посложнее.

Моё сердце хотело нежности, любви, хотело стабильности. Ну, вы знаете – всё как у любой женщины. Мне хотелось бы поверить, что мой муж – моя броня. Но куда деваться от мысли, что на той же самой

постели, что и я вчера, были другие женщины? Кто поручится, что с ними он не был столь же страстен, чуток и горяч? Что осталось от несчастных – кучка пепла? Я не хотела им стать, но как избежать моей участи?

Теперь понятно, чего предыдущая владелица метнулась с трона без оглядки в серый мир многоэтажек и аттестаций. Драконы – они такие. В любую щель загонят.

Вернувшись в апартаменты Хатериман я с удивлением обнаружила, что они полны людей. И всё это были женщины – нарядные, как бабочки, в нарядах восточного типа. Одни, расположившись у фонтана, пили что-то из чашек (рискно предположить, что это был чай), другие, сгрудившись стайками, щебетали о чём-то своём, девичьем. Третьи музицировали четвёртым, танцующим в центре.

– Что это? – поинтересовалась я, неприятно удивлённая.

Как у нас, у русских говорят – плохое дело в чужом пиру похмелье. Я мечтала уединиться, чтобы в одиночестве как следует всё обдумать, но тут уединением и не пахло. Да тут с полсотни народа собралось!

– Небольшой праздник, лишь с самым узким кругом, – сверкнула колдовскими глазами Хатериман.

– Узком кругом? – прищурилась я подозрительно.

– Да. Лишь жёны, сестры и дочери самых влиятельных сановников моего сына. Присядь, если хочешь. Я велю подать чего-нибудь прохладительного.

Я села почти там, где стояла на момент нашего обмена любезными фразами.

Ковры-подушки-музыка. И сладкая муть в пиале. Веселье – не нарадуешься. Особенно когда в голове мысли одна тягостней другой. И то, что у всех благостные и умильные рожи только сильнее бесит!

Среди так и сияющих, лоснящихся довольством лиц мне бросилось в глаза одно. Совсем не довольное. Едва ли не более мрачное, чем моё в данный момент.

Либо мышцы лица у молодой девушки были устроены иначе, чем у всех людей, либо, что скорее всего и есть, эта девица смотрела на меня с неприкрытой ненавистью. У неё были чёрные волосы, тонкие черты лица и злые, раскосые, зелёные кошачьи глаза.

Красивая, стерва.

Я интуитивно ощутила приступ глубокой антипатии, будто встретила с давним врагом.

– Подойди, – велела я Мирайи.

А может быть это была Суокэ, не уверена. Мне тогда было всё равно, да и сейчас – не важно.

– Да, госпожа?

– Кто эта девушка?

– Какая девушка, госпожа? – потупила плутовка глазки с самым невинным видом, но я видела, что она прекрасно поняла, о ком я веду речь.

– Да вон же она, в наряде цвета тёмной вишни, расписанного золотистыми птицами. Та, что пялится на меня! Кто это?

– Я не знаю, госпожа, – опустив глаза в пол, помотала девушка головой, но в голосе её явственно прозвучал испуг.

Перехватив мой взгляд, девушка спесиво вскинула голову и легко сорвалась с места, вырастая почти прямо передо мной:

– Вы мной интересуетесь, госпожа? Моё имя Эденсун. Говорят, что я красиво танцую. Желаете взглянуть? Могу станцевать специально для вас?

Это был неприкрытый, почти воинственный вызов.

Я не сомневалась в том, что передо мной моя соперница, кем бы там помимо этого не была Эденсун. Она стояла передо мной, возвышаясь (ну не вскакивать же мне солдатиком, лишь бы не позволить ей быть выше ростом?), покачиваясь.

Вокруг её ног колыхались лёгкие юбки с множественными разрезами, летящими вокруг стройных икр при каждом шаге. Дрожали и звенели многочисленные браслеты на тонких руках, а в чёрных волосах вились золотые нити, уложенные на голове двумя золотыми змейками.

Было в этой девушке что-то дикое, необузданное и опасное, но в тоже время, приковывающее к ней взгляд. Для мужчин, наверняка, весьма привлекательное.

Вокруг все смолкли, полные того напряженного, почти сладострастного любопытства, которым полны все любители заглянуть в чужую жизнь. Их можно понять. Телевизоров, ток-шоу и

сериалов в их мире не было, зато были мы, я и плясунья-Эденсун, стоящие друг против друга.

Вечное противостояние порядка и страсти, нежности и похоти – жена и любовница.

Я – жена короля. Как она смеет бросать мне вызов? Вот так, в наглую, смотреть и почти смеяться в лицо? Мысленно я натянула узду, не давая чувствам взять верх над разумом. Я – королева, а не какая-нибудь просто смазливая девчонка. И я должна сохранить достоинство, даже если пока ещё не знаю – как.

Да и вообще, что значит «сохранить достоинство»? В разных слоях общества это понимают по-своему. Одни не поймут, если не вцепишься разлучницы в космы и не повыдираешь ей их под корень, другие осудят, если как раз и сделаешь.

Стоит, смотрит зелёными глазами, змеица! И все вокруг даже не дышат в ожидании дальнейшего развития событий.

– Танцуй, – кивнула я, будто бы давая высочайшее разрешение. – С радостью посмотрю.

Я вытянулась на подушках с видом сытой кошки, которой только в радость наблюдать за мышкой. И видимо моя реакция Эденсун совсем не понравилась. Она что только зубы не скалила.

– Танцуй же, – без тени улыбки холодно велела я. – Музыка! – небрежно взмахнула рукой музыкантам.

К моему удивлению лютни в их руках тут же запели.

Встав напротив меня, Эденсун начала свою змеиную пляску. Гибкие, мягкие, плавных движения, полные томительных чар – кобра плела паучью паутину. А в следующий момент её движения делались ломанными и резкими, и походили уже не на обещание, а на угрозу. Кошка и змея, кинжал или медленный яд, дикий огонь и текучая вода – всё я видела в её танце.

А ещё – ненависть.

И она вызывала во мне не меньшую. Передо мной была опасная соперница. С такой в своей прошлой жизни я бы и связываться не стала – решила бы, что не по зубам, да и редким призом стоит такой схватки.

Гибкая, как гимнастка, с отличной реакцией, как у воина, отлично чувствующая ритм и потрясающе чувственная – гадина могла зажечь огонь в сердце мужчины одной своей пляской.

А я – смогла бы так же? Сомневаюсь. Новое тело куда тренированной моего совершенно нетренированного бывшего, но все же так... так у меня не получится.

С последним звуком аккорда Эденсун (будь неладно само имя её!) замерла, насмешливо и зло уставившись мне в глаза, ожидая моей реакции.

– Вам понравилось, госпожа? – усмехнулась она, не отрывая взгляда.

– Понравилось, – кивнула я, отстёгивая от пояса кошель и небрежно бросая их к ногам соперницы, будто та была не большим, чем уличной плясуньей. – Возьми в награду за свои труды, плясунья. Ты неплохо умеешь развлекать. Я позову тебя, если мне вдруг станет скучно.

Зелёные глаза сверкнули диким огнём, она поддела носком брошенный кошель:

– Я лучше спляшу твоему мужу, королева-однодневка! Особенно жарко стану плясать в тот день, когда ты сгинешь вослед за твоими предшественницами – и на нём, и под ним!

Словно сквозняк, вокруг пронеслись возмущённые вздохи, но никто не спешил вмешаться в нашу перепалку. Видимо, гадина успела набрать веса и её опасались. А значит...

Я поднялась на ноги и двинулась в сторону соперницы. Явно не ожидая ничего подобного, она заколебалась, похоже, не зная, чего от меня ждать.

Приблизившись вплотную к ней так, что нас разделяло не больше какого-нибудь дюйма, я заглянула в зелёные злые глаза и безмятежно улыбнулась:

– Эденсун, если бы ты была в этом уверена, ты бы сейчас не говорила глупостей. Но мы, женщины, всегда чувствуем такие вещи – свой закат? Какой бы яркой не была твоя звезда – она погаснет. Все звёзды погаснут на рассвете, когда взойдёт солнце. Драконы меня не сожгут, не надейся, и я здесь очень надолго. Ты можешь мечтать о своём Дне Дней, но эту ночь король проведёт со мной, его законной королевой. И эту, и следующую – и все остальные ночи он будет мой и только мой. А ты пляши. Пляши. Что тебе ещё остаётся?

Я подарила ей ещё одну улыбку и пошла дальше, к дверям, скользнув шлейфом моего платья по её ногам (утром у свекрови

фишку подсмотрела). Мирайя и Суокэ как привязанные, следовали за мной.

Тут бы всему и конец, но эта Эденсун она точно ненормальная – такого, признаться, я не ожидала. Она бросилась на меня драться! И, наверное, вцепилась бы мне в волосы, если бы мои служанки не схватили её за руки.

Признаться, такого я никак не ожидала. С бьющимся сердцем я наблюдала свалку между тремя девушками. Меня страшили не побои – но до чего всё это унижительно!

– Довольно. Хватит.

Голос Хатериман прозвучал спокойно и тихо, но его услышали все и сразу.

Драка сразу прекратилась.

Всклопоченные девушки в порванной одежде выглядели одновременно дико, жутко и забавно.

– Стража!

Двери тут же открылись и в наше женское царство проникли двое мужчин.

– Бросьте в темницу эту дрянь, – небрежным кивком указала она на Эденсун.

Та, либо действительно до такой степени была уверена в собственной безнаказанности, проистекающей из чувств, что мой муж питал к ней, то ли была непробиваемо глупа, либо темперамент такой дикий – но она орала и выдиралась, пока её вытаскивали из апартаментов королевы-матери. Но как не выдирайся, а два мужика с одной хрупкой, пусть и бесноватой девицей, в итоге всё равно управятся.

– Приведите себя в порядок, – велела Хатериман моим служанкам. – Тайима, дорога, ты не из наших краёв и не знаешь обычаев, но мои покои можно посещать и покидать только с моего разрешения.

Лицо королевы-матери было полно мягкости, она сопровождала слова милостивой улыбкой.

Удивительно, но в тот момент я не испытывала к ней никаких негативных чувств, словно все они ушли на ненавистную плясунью.

– Да, госпожа. Простите меня.

Она кивнула, на мгновение прикрыв пушистыми ресницами сияние агатово-чёрных глаз.

– Я могу вернуться к себе, Ваше Величество?

– Да, дитя моё. Ступай, и не бери близко к сердцу. Виновные понесут должное наказание.

Не брать близко к сердцу? Не брать близко к сердцу! Меня собираются скормить чёртовым драконам, нетривиально оскорбляют грязными танцами, бросают в лицо дерзкие слова и даже поднимают на меня руку.

Надо ли говорить, что предстоящей этой ночью встречи с супругом я ожидала с нетерпением!

И страхом...

Глава 13

Я держала маску достоинства на лице (ну, так мне казалось) пока толстые стены и дверь не отрезали меня от любопытных глаз и ушей, а потом почувствовала себя сдувшимся шариком. Будто из меня разом выпустили весь воздух.

– Можете быть свободны, – сказала я Мирайи и Суокэ. – Пойдите, приведите себя в порядок. До вечера мне ваши услуги не понадобятся.

Девушки охотно оставили меня одну. Я думала, что хочу этого, потому что их присутствие стесняло меня, но в одиночестве я совсем потерялась. Мне было страшно. Я не знала, что делать и чувствовала себя взаперти – как птица в клетке. До вечера оставалось ещё там много времени. Да и принесёт ли мне облегчение этот вечер?

Я не знала, чего мне ждать от Порочного принца, пережившего четырёх жен и вроде как не слишком-то этим опечаленным. Судя по всему, справлять траур по местным обычаям его любовница описала верно.

Невозможно было избавиться от чувства обиды – будто меня обманули. Эмоции зашкаливали, но и в то же время я старалась найти Эвилу оправдания. Успокоить себя – глупо было надеяться, что тот, кого называли Порочным Принцем будет вести себя паинькой. Естественно, что у него есть любовница. Но не естественно, что она осмелилась поднять на меня руку!

И как мне теперь поступить? Судя по тому, что я видела, местный жизненный уклад был очень своеобразным. Во многом напоминал восток и в первую очередь – жестокими нравами. При том, что плясунья с заковыристым именем досадила мне, я бы не хотела смотреть как с неё снимают кожу, топят на медленном огне. Меня бы вполне удовлетворило её изгнание из дворца, окончательно и бесповоротное.

Я боялась, что Эвил будет зол. Он будет разгневан из-за необходимости быть суровым со своей возлюбленной? Я даже приблизительно не могла предугадать реакцию человека, которого совсем не знала.

Я сидела и придумала, как себя вести. Чуть ли не сценарий пыталась разрабатывать на разные возможные реплики с его стороны.

Но действительность, как всегда, внесла свои коррективы.

Не знаю, как я представляла себе его появления. Как в Великолепном Веке: «Дорогу! Султан Сулейман Хан Хазрет Лери».

Мне показалось, что дверь скрипнула. Я повернула голову и встретилась с чёрными глазами Эрила. Он стоял в дверях и несколько секунд глядел на меня. Тень наполовину скрывала его лицо, возможно, он нарочно держался в ней, скрывая от меня свои мысли.

– Я не заметила, как вы вошли, – я не нашла ничего лучшего, как начать наш разговор со столь банальной, зато правдивой фразы.

– Вы не ждали меня.

Это прозвучало утверждением.

И я согласилась:

– Не ждала. Не раньше заката.

Он пересёк комнату и встал рядом. Теперь его характерное лицо с орлиным жёстким профилем было открыто солнечным лучам. И я заметила его невероятное сходство с матерью.

– Надеюсь, мой приход не разочаровал тебя?

Переход с дистанцирующегося «вы» на «ты» был слишком стремителен. И я не уверена, что желателен.

– Сегодняшний день стал для меня сплошным разочарованием. Мы ходили в Драконье Логово. Мне рассказали занятную историю про то, чтобы в дальнейшем числиться женой, мне предстоит покорить дракона.

– Ты и раньше должна была это знать. Но раз ты всё забыла, я попросил мою мать напомнить.

– Вот как? Мой отец знал, что из меня будут делать барбекю?

– Барбекю? – слегка нахмурился он. – Не представляю, о чём ты говоришь, но о Ритуале знают все в Девятицарствие.

– Мило! Теперь и я знаю.

– Не нужно делать такой обречённый вид!

Он разозлился.

– Нет? А какой вид мне сделать? Довольный? Я глупо выглядеть не буду? – саркастично ответила я. – Мне нечем быть довольной и притворяться я не стану.

– Почему же? – усмехнулся он в ответ.

– Не вижу смысла. Я всё равно, что приговорённый к смерти, а перед смертью можно не лицемерить.

– Ты всегда так легко сдаёшься?

– Только когда меня готовят дракону на ужин.

– Ты справишься.

– И что тебя привело к такой вдохновляющей мысли? С чем я справлюсь? Как? И кто сказал, что я хочу справляться?!

– Конечно, ты хочешь. Получить жизнь, получить корону, стать частью чего-то большого и волшебного?

Я взглянула на него в упор:

– Ты эту речь каждой из них говорил?

Улыбка сошла с его лица, и оно сделалось таким же отстранённым и почти таким же холодным, как лицо Хатериман, когда она заговорила со мной об их любимых семейных питомцах.

– Ты с каждой из них спал, как спал со мной этой ночью? Что дальше меня ждёт? Вдохновляющая речь о любви? Такая же жалкая, лживая и фальшивая, как всё вокруг?

– Следи за языком, женщина.

– Вам и вправду так нужен этот зубастый выводок или это отличный повод отомстить всем за смерть твоих царственных предков? – не желала уняться я.

– Мне нужны драконы, чтобы вернуть то, что у нас отняли.

– Ок. Драконы, так драконы. Твоя мать доходчиво объяснила суть дела.

На языке у меня вертелось много чего. Например, что я больше его к себе на пушечный выстрел не подпущу, и спать мой дорогой супруг будет только на диване, а не супружеском ложе. И борщей он от меня не дожждётся. И всё такое в том же духе.

Но молнией пришла мысль – а какого чёрта? Кто пострадает от моих гордых заявлений? Он, блин, король. Сейчас свистнет и все пятьдесят девчонок из ближнего круга сановником будут рады ему услужить. А я буду обиженной женой гордо нос задира? Да щаз-з-з ему! Пусть исполняет супружеский долг. Как можно исправнее и чаще. Это, похоже, единственное удовольствие, что я смогу извлечь из данного более чем сомнительного союза.

Он положил мне руки на плечи, и я ощутила всю тяжесть это прикосновения:

– Посмотри на меня, Анжелика.

– Анжелика? – фыркнула я, чтобы хоть как-то снять напряжение, потому что стоило мне заглянуть ему в глаза, как я почувствовала себя смятенной и слабеющей, а мне сейчас нельзя быть слабой. – Вы не в курсе, ваше высочество? Ваша мать дала мне новое имя. Теперь я – Тайима.

– Я пока не король – меня не короновали в столице. Я лишь принц. Порочный Принц – как меня называют мои враги. Но когда я получу своих драконов, я стану королём.

– И много радости вам это принесёт, Порочный Принц? Что будет у вас в тронном зале Главного Города такого, чего нет здесь? Ради чего огород городить? У вас есть власть! Есть семья! И драконы тоже.

– Ты не понимаешь, девочка. Мой отец, умирая, хотел возродить династию. Это мой долг. Я должен вернуться на трон. Или умереть. Власть и драконы – они у меня в крови. Но сейчас у меня осталось только два дракона, и, если они погибнут... драконов больше не будет.

– Я, конечно, всей душой за повышение популяции редких животных, но не ценой собственной жизни! Как они умерли?

– Мои жёны? По-разному. Лиссая сожжена драконом, Мириде дракониха откусила голову, а Каррэ зашла дальше всех. Она сумела поднять Молнию в небеса, но сорвалась и разбилась насмерть.

– Господи! – от открывающихся передо мной перспектив дух захватывало. – Какой ужас! И ты говоришь об этом вот так спокойно?!

– Если бы я сказал это, горько плача, тебе было бы приятней об этом услышать?

– Ты ещё и насмехаешься? Да ты – чудовище!

Он жёстко схватил меня за лицо, заставляя запрокинуть голову и с угрозой глядя в глаза:

– Нет, Анжелика. Я не чудовище – лишь тень его. С чудовищем ты бы так говорить не посмела.

Он коротко оттолкнул меня, убирая руку.

– Я буду к тебе милосерден, хотя милосердие всегда дорого обходится.

– Для нищего любая цена высока, – дерзко ответила я и сжалась, когда он занёс руку для удара.

Которого, слава богу, не последовало!

– Я понимаю, что твой гнев берёт начало из твоего страха. Но научись владеть и тем, и другим, иначе мы оба можем пожалеть о последствиях.

– Мне могут откусить голову, а потом зажарить, или наоборот. Могут раздавить, как букашку, так что ни головы, ни ног не останется. Скажи, какие последствия могут быть страшной открывающихся передо мной перспектив? И да, может быть мне должно быть стыдно за мою трусость – но я не стыжусь. Я стыжусь того, что вчера, как глупая дуручка, влюбилась в тебя и верила, что могу что-то значить...

– Чтобы что-то значить, дорогая моя, мало просто верить.

Он сгрёб меня в охапку и прижал к себе, невзирая на мои попытки сопротивляться. Силища в нём была... звериная. Ну, может и не драконья, но медвежья – определённо. А тут ещё моё собственное тело решило, что ему так, в объятиях этого злодея, гораздо комфортнее и не слишком-то и сопротивлялось.

– Послушай, Анжелика, любое достижение – это преодоление. Чем выше цель, тем сложнее путь и выше цена. Ни одна из моих жён не нравилась мне так, как ты и не одной из них я так сильно не желал победы... – заметив, как изменилось выражение моего лица (ну да, кому приятно слышать про других? И я не святая)... – Да, ты не первая. Но ты можешь стать последней.

– Последней? Это вряд ли! Даже если я покорю всех твоих драконов, шлюх вроде той, что набросилась на меня сегодня ведь никто не отменял.

Он убрал руки и отодвинулся на шаг, глядя на меня как на насекомое.

– Ах, Эденсун? Да, я слышал о сегодняшнем инциденте. Моя любимая наложница, танцующая лучше всех, но всё же недостаточно хорошо... ты ведь помнишь, что жён было четыре?

В растерянности я не нашлась, что ответить, хотя догадка уже посетила меня.

– Эденсун, неукротимая как кошка, предпочитает, чтобы покоряли её. Дикая, как ветер, она отказалась танцевать с драконом. И теперь её удел – танцевать для тех, кто придёт ей на смену. Ты можешь выбрать и этот путь тоже.

– Рабство?

– Да, – жёстким тоном прозвучало в ответ. – Рабство или корона. Жена или наложница, но лишь пока нет жены. Рискнуть и встать рядом со мной как равная в случае удачи, или оставаться в безопасности, жить в относительной сытости и серости, но... ты поняла?

– У меня есть выбор?

– Есть.

– А у тех, других девушек он тоже был?

– Он был у всех.

Глава 14

После разговора с Эвилем у меня осталось двойное впечатление. С одной стороны, присутствовала горечь – ведь в итоге мало что изменилось, с другой – я успокоилась. Мне понравилось то, что у него хватило мужества ли, догадки, такта – прийти и поговорить со мной о проблеме самому. Он мог бы не утруждать себя. И я была благодарна за то, что стал. Да, мелочь, но иногда именно мелочи меняют в жизни всё. А в отношениях и вовсе мелочей не существует.

Когда он пришёл ко мне ночью, моя обида не прошла бесследно, но и не мешала мне ждать Эвила. Девушки снова постарались на славу. Моё тело и волосы словно сияли, а желание заставляло светиться глаза, точно звёзды. Почему я это знаю? Я видела их отражение в глазах Эвила.

Фитили огня на высоких свечах колыхало сквозняком из распахнутых окон, уводящих на балкон, и эта огненная пляска отбрасывала зыбкие изменчивые тени на наши лица.

– Ты очень красивая, – проговорил он перед тем как крепко обхватить руками мою талию и под неожиданной порывистостью его жеста я безвольно опустила на кровать.

В своей прошлой жизни я не знала, что поцелуи – это прекраснейшее занятие на свете. Мы оба предавались им до тех пор, пока губы не распухли, но слабая боль лишь добавляла ощущениям сладость. Дыхание сливалось воедино и обрывалось, но стоило сделать новый вдох как всё повторялось.

Как может простое прикосновение губ к губам доставлять столько удовольствия? И с каждым новым касанием чувства делались ярче и полнее, тела неуловимо напрягались, по сцепленным пальцам бежал ток.

В тот момент я забыла о ревности и сомнениях. Странная и счастливая уверенность овладела мной в тот момент: нашим путям предрешено соединиться, и никакая другая женщина не сумеет различить то, чему предрешено соединиться сквозь миры.

Я буду принадлежать ему, а он станет принадлежать мне – это неизменно.

Взгляд его чёрных горящих глаз воспламенял меня. Его ладони были такими же горячими, как взгляды, а губы, когда он поднёс мою руку к ним и прикоснулся поцелуем к пальцам и того горячей. Я молчала, тяжело дыша, в ожидании продолжения.

– Ты очень красивая, Анжелика, – снова повторил он со страстью.

И звук его голоса наполнил жаром моё тело. Мир сузился до его лица, до тела, тяжёлого и желанного, что навалилось на меня сверху, до неровных полосок света, переплетающихся темнотой.

Голова шла кругом, а сердце словно распирало рёбра... и билось, билось... как птичка в клетке, не в силах вырваться.

Я таяла и летела, когда он льнул к моим губам, со страстью, внешне походившей на грубость, вжимая меня в ворох мягких подушек. В ответ я и лишь обвивала его крепче руками, ногами – всем телом. С наслаждением зарывалась руками в темные волосы. Я обхватила ногами его бёдра, призывно раскрываясь перед ним и стремительным, точным движением он вошёл в меня, разгорячённую, податливую, ждущую и покорную этим упоительным, доводящим до изнеможения, толчкам. Я чувствовала себя заполненной им, удивительно завершённой и освобождённой.

Но когда всё завершилось, я лежала и думала о том, насколько же всё это иллюзорно. Вся наша жизнь, и наши чувства, и всё-всё-всё.

Ночь была лунной. Лучи ночного светила вливались в распахнутые окна, двери, пробиваясь через все многочисленные занавески и танцуя вместе с отблесками золотистых огней. Луна – серебро, огонь – золото.

– Здесь душно, – он сел, набрасывая на широкие плечи бархатный халат.

Бог ведь, откуда он тут взялся. Может, служанки предусмотрительно положили?

– Выйдем на балкон? Подышим свежим воздухом?

Я охотно последовала его примеру.

Удивительно, но город, лежащий ниже нас, как на ладони, не скрывался во мраке. В нём горели огни и их было много.

– Это фонари? – удивлённо спросила я.

– Да.

– И как они горят?

– В ваших городах нет фонарей?

– Это какая-то магия?

Эвил в ответ лишь рассмеялся:

– Нет, любовь моя. Их каждый день заправляют маслом, а с наступлением сумерек фонарщики зажигают фитили. Им отлично платят за работу, поэтому в фонарщиках никогда не бывает недостатка.

Он обнял меня со спины и в кольце его рук я почувствовала себя так уютно и спокойно.

Жаль ненадолго. Раздался пронзительный, на высокой ноте, посвист, а потом землю словно обожгло рёвом. Я испуганно сжалась.

На фоне чёрного неба как зловещая нечистая сила неслась крылатая тень.

– Что это?! Дракон?

Эвил кивнул. Лицо его приняло не совсем понятное мне выражение, но оно явно омрачилось.

– Разве драконы летают без всадников?

– Вполне могут. Но мы предпочитаем держать их под контролем.

– Понимаю. Но ведь кто-то выпустил Злого Рока?

– Это не Злой Рок.

Как он мог в такой темноте что-то определять – для меня полная загадка, но сказано было с уверенностью.

– Молния?

– И не Молния.

– Но я думала, что драконов всего два.

– И я тоже так считал. Дракон матери погиб пять лет назад. Мы все так считали, но, видимо, ошибались.

Эвил уже отпустил меня, вцепившись руками в балконную балюстраду и зорко вглядываясь в горизонт.

И снова пронзительный, тоскливый посвист пролетел над городом.

– Он опасен? – тревожно спросила я.

– Бесконтрольные драконы всегда опасны. Но не думаю, что нам следует опасаться Пламени.

Судя по интонации Пламя было не то, что извергает дракон, а его имя.

– Думаю, брат привёл дракона назад. Мне нужно идти в Драконье Логово.

– Можно мне пойти с тобой? – умоляюще взглянула я на мужа. – Пожалуйста! Мне ведь нужно привыкать к этим тварям...

– Я буду благодарен, если ты больше не станешь их так называть, – буркнул он, натягивая рубашку на тело.

– Хорошо, – согласилась я. – Не буду, только разреши пойти с тобой. Я могу оказаться полезной, а если нет – обещаю не мешать.

– Хорошо, – коротко кивнул он. – Идём.

Я по-спартански быстро попробовала натянуть платье, но запуталась в тысяче и одной тесёмке, многочисленных вырезах на рукавах и многоярусных нижних юбках. Эвил был сильно на взводе и, насколько я могла судить, не то, что на пуган – это был не страх, скорее тревога. Мне ужасно хотелось спросить, чего он так испугался – неконтролируемого нового дракона или того, что само по себе означает его появление? И что оно означает, кстати?

– Пекло! Анжелика, нет времени на то, чтобы наряжаться! – возвысил голос он.

– Я не пытаюсь нарядиться, я...

– Забыла, как одевать платье, – в раздражении тряхнул он головой и, рывком распахнул шкаф, так же рывком вытащил из его недр кожаные штаны и тунику из мягкой, похожей на нашу ангорскую, шерсти.

Вслед за ними полетели сапожки из мягкой замши.

– Давай, быстрее. Времени может быть мало...

– На что?

Ответом меня не почтили.

Надевать брюки и туники мы, девицы современности, умеем очень быстро. Так что через пару минут я следом за мужем неслась по многочисленным коридорам, прикидывая про себя – а это ничего, что король без охраны? Ну, ладно, не король – принц? А что, если на нас нападут? Кто нападёт? Да откуда я знаю. Да, дворец наш и повсюду стража. Которую, к слову, Эвил старательно обходил и это при том, что он явно торопился.

У меня паранойя. Посредине пути я начала подозревать, что всё это подстроено и меня сейчас поставят перед драконом и заставят с ним взаимодействовать. Страх накатило дурнотой.

– Что такое? – раздражённо обернулся мой муж.

– Мне дурно.

– Дурно?! – чёрные глаза сверкнули гневно, даже зло. – Тебе не следовало за мной увязываться! Возвращайся назад.

Мне сразу полегчало. Если бы вся суета была вокруг меня, из игры бы мне выйти не позволили.

– Нет, это было всего на секундочку. Мне лучше, правда, и я не стану тебе досаждать.

«Если бы у тебя ещё и получилось», – явственно сказал мне его взгляд, но он тут же отвернулся.

Любой дом служит своего хозяину и хранит для него свои тайны, подчиняется его властной руке. А дворец – это дом вдвойне, со своими тайниками, потайными переходами и ловушками. Вместо того, чтобы кружить по сложному лабиринту коридоров, Эвил подошёл к одной из стен и дотронулся до кирпичей, после чего стена отошла в сторону, пропуская нас в тайный ход. Через него мы через пять минут вошли в Драконье Логово.

Не знаю, как это объяснить. Когда мы стояли на балконе, вокруг царили безмятежность и тишина, но тут эти чудовища вопили, как сумасшедшие. Казалось, их острозубые морды скалятся отовсюду и всюду светятся красные глаза.

А по центру стоял дракон такой величины, что первые два на его фоне смотрелись как котята рядом с бультерьером. И вся эта огромная прелесть развернулась к нам, вытянула длинную шею, отворила огромную пасть и рывкнула...

Я больше не хочу играть в Дейнерис!

Даже стоя за плечом у Эвила я не чувствовала себя в безопасности, потому что дыхни на нас эта... ладно, про тварь помним и не упоминаем...это магическое создание своим чудным пламенем, боюсь, мы просто посыплемся вниз кучкой пепла. И это если пепел останется.

Это правда страшно. Один зуб гадины был длиннее меня. Без преувеличения.

Да моя Молния по сравнению с Пламенем просто душевная очаровашка-Чебурашка! Просто немного уши потеряла.

– Осторожнее, Эвил! – испуганно вскрикнула я, видя, что тварь снова поворачивает свою острую рептилоидную пасть в нашу сторону.

– Отойди.

Легче сказать, чем сделать. Куда мне отходить? По бокам Логова нервничают ничем не связанные, кроме собственных соображений, которые ещё не факт, что у них есть Злой Рок и Молния. Они теряют масштаб только на фоне Пламени, а сами по себе очень даже суровы.

Я застыла столбом на месте, утешая себя тем, что, если монстры нападут, смерть будет мгновенной и практически безболезненной.

Пламя наклонил голову почти к самому полу, скаля зубы и фырча, отчего змеиные прорези крокодилых ноздрей ходили ходуном, вздрагивали, то ли насторожено, то ли агрессивно – не так легко дилетанту разобраться в драконьей мимике.

Эвил бросился вперёд, и дракон зарычал, встряхивая головой.

– Осторожней! – вновь сорвалось с моих губ.

Злой Рок и Молнии тоже завопили. Видимо, были со мной солидарны.

Мне показалось, что на спине Пламени что-то скользит – что-то, похожее на лишний нарост и чисто машинально я вытянула руку с факелом вперёд, желая рассмотреть подробности. Бывает, ты действуешь, совершенно не подумав.

Дракон с быстротой, которой и подумать нельзя за таким гигантом, развернулся в мою сторону и оскалился. Передо мной в мгновение ока вырос лес острых зубов, между которыми замерцало синее переливчатое пламя, будто кто-то в глубине пещеры решил разжечь костёр. Мне даже страшно не было, я не успела испугаться.

Испугалась я, когда к моим ногам упал мужчина. От удара он со стоном перевернулся на спину и я, опустившись на колени, по отработанной на курсах медицинской помощи движением прижалась ладонь к шее, туда, где тонкой нитью жизни бьётся пульс.

Едва пальцы прикоснулись к его коже я не смогла сдержать возгласа: она была горячей. Это был даже не жар – было такое чувство, как будто я прикоснулась к горячему чайнику. Пальца зазудели, как бывает, когда несильно обожжёшься.

Не веря себе самой себе, я в первый момент подумала, что обожгла их об факел.

– Атайрон? – Эвил опустился рядом на колена, осторожно касаясь брата.

Но видимо и эти прикосновения причиняли ему боль. Он с трудом приподнял веки.

– Эвил?.. – голос у него был осиплый и очень слабый.

– Я здесь, – сжал муж руку брата. – Я рядом. Ты в безопасности.

Странная гримаса скользнула по лицу, может быть всему виной шрам, но мне показалось, что это раздражение.

– Позови... позови мать... срочно...

– Что случилось? Как ты нашёл Пламя?..

– Змеиный Остров... больше никогда... – захрипел он и принялся разрывать руками одежду выше пояса.

Грудь его ходила ходуном, как будто под мышцами что-то двигалось – что-то инородное. Было такое чувство, словно кто-то заполз внутрь, а теперь силился выбраться.

Я отпрянула, объятая ужасом, даже боясь предположить, что происходит.

– Атайрон?.. – Эвил попытался поддержать брата за плечи, но своими движениями, похоже, только причинил ему боль.

Не сдержавшись, Чернокнижник сорвался на крик, а дракон откуда-то из темноты отозвался тихим гортанным рычанием.

– Позови мать! Немедленно!

Когда Эвил поднялся, мне хотелось истерично завизжать: «Нет! Не оставляй меня с умирающим, которого что-то неизвестное разрывает изнутри, и ещё не факт, что оно и в меня не заберётся!».

Кстати о драконах – они тут ничем не привязанные ходят. Потому что привязывать их смысл нет – никакие цепи такую мощь не удержат.

Но я молчала – не хотела показаться слабой и эгоистичной.

Когда муж вопросительно взглянул на меня, словно спрашивая его разрешения, я кивнула. Он должен привести помощь. Может, Хатериман сможет чем-то помочь?

– Держи его за руку. Не опускай. Не дай ему умереть, Анжелика! Я скоро вернусь.

Я согласно кивнула. А что ещё мне оставалось делать?

Глава 15

Мне ещё никогда в жизни не было так страшно. Такое мне даже в кошмарах никогда не снилось. Три жутких дракона и человек, из тела которого словно пыталось вырваться нечто, чего я даже вообразить себе не могла. Хуже того, я чувствовала себя совершенно беспомощной. Я понятия не имела, что мне делать дальше. Признаюсь, в тот момент состояние Атайрона меня беспокоило даже больше драконов.

«Не дай ему умереть», – это проще сказать, чем сделать. Как мне этому воспрепятствовать?

Алые глаза, словно две жутких звезды вспыхнули вверху над нами, а потом стали стремительно приближаться. Отстранённо, словно это была не я, я смотрела, как разевается огромная пасть с острыми зубами

Чернокнижник открыл глаза и устремил взгляд в высоту. Отрешённый и пустой, в то же время осмысленный... да, знаю, звучит как бред. Но разве всё происходящее в последнее время не было бредом?

Дракон захлопнул свою зубастую пасть и отдалился. Со стороны это походило на отхлынувшую гигантскую волну – плавно, бесшумно.

Только облегчённо выдохнув я поняла, что задержала дыхание.

Теперь Чернокнижник смотрел прямо на меня и на мгновение в его черных, как у всей их сумасшедшей семейки, глазах, мне померещились алый отсвет. Будто пламя отражалось в его зрачках.

– Как вы себя чувствуете? – дрогнувшим голосом тихо спросила я.

Говорить громче боялась из страха вновь привлечь внимание драконов.

– Вам лучше?

Он молчал, но во взгляде его мне померещилось пренебрежительное презрение. С таким выражением на лице мужчины небрежно цедят: «Блондинка!». Он смотрела на меня так, как если бы пустое место вдруг решило заговорить. Шрам, лишавший его лица симметрии, делал этого человека ещё более отталкивающим и неприятным.

– Мой царственный брат сумасшедший идиот...

– Простите?.. Впрочем, вы, должно быть бредите?

Но взгляд Атайрона был пусть и лихорадочным, даже воспалённым, но вполне осмысленным.

– Ему следовало послать тебя... хотя, и в этом случае толку было бы мало! Совершенно бесполезное создание...

Это он обо мне? К гадалке не ходи – обо мне. И самое обидное, он не пытался меня уязвить, в этом не было никакого смысла. Он просто транслировал свою мысль. И да, он был прав. Я тоже чувствовала себя бесполезной. Но слышать об этом со стороны было неприятно.

– Помоги мне подняться, – прозвучало так властно, что не подразумевало возражений.

– Ваш старший брат велел...

– Это я – старший брат. И Эвил ничего мне не велел. Неужели даже простым костылём послужить и то для тебя непосильная задача.

– Мне она вполне по силам, – я не люблю, когда на меня откровенно наезжают и даже плохое самочувствие не повод для хамства. – Но под силу ли вам такие упражнения.

– Не твоего ума дела. Просто делай, как я говорю.

Ок. Ладно. Может, парень знает своё дело и не откинет копытца в процессе. А и откинет – мне какое дело. Хотя, Эвил просил не дать ему умереть.

Я склонилась ниже, позволяя Атайрону обвить рукой мою шею и, придерживая его за талию, помогла ему приподняться. Он был слабым. И тяжёлым, несмотря на то, что ни одного грамма жира в его жилистом теле не было.

– Мне нужно в холодную воду, – прохрипел он сипло. – Надо сбить жар. Мне кажется, я сейчас обращусь в пепел.

– Мне тоже так кажется, – пробубнила я себе под нос. – Я плохо ориентируюсь в вашем дворце... чёрт! Я вообще в нём не ориентируюсь.

– Дверь-то увидеть в состоянии? Или как?..

Дверь я видела. И драконов по сторонам. Ладно, двум смертям не бывать, а одну я уже пережила. Совсем недавно. Может, если меня ещё раз долбанёт чем-нибудь эдаким я попаду в мир с белыми пушистыми единорогами и нежными трубадурами, слагающими сладкие баллады о

любви. В таком мире моя кончина наверняка случится из-за скуки, но это уже как повезёт.

Пока я подбадривала себя этими мыслями, пыхтя под тяжестью моей горячей (увы, но в прямом смысле слова) ноши, передвигаясь со скоростью улитки, драконы наблюдали за всем свысока алыми угольками вместо глаз и время от времени скалили острые зубки. Но ко всему привыкаешь, и хоть и было страшно, парализующее действие на меня драконьи улыбки перестали оказывать.

Драконы не мешали нам покинуть своё Логово.

– Фонтан, – пробормотал Атайрон.

Точно. Именно туда я и пыталась его оттащить. Я не была уверена, что холода от воды будет достаточно, чтобы нейтрализовать поднявшийся в его теле жар, но надеялась, что если до сих пор он всё ещё жив, то дальше должно быть лучше. Тем более, что судороги больше не выворачивали его тела.

Чаша фонтана была глубже, чем я рассчитывала. Если просто столкнуть туда мою царственную ношу, он там, чего доброго, ещё и ухлебается, а я практически слово дала, что он будет жив, здоров и благополучен. Пришлось, сцепив зубы и скрепя сердце самой забираться в воду вместе с ним. Вы когда-нибудь пробовали принять ванну в воде, ключом бьющей из-под земли? В первый момент ледяная вода показалось мне очень горячей и сердце сделало в груди сальто, а потом сдулось до маленькой горошины.

Не стоит без крайней нужды лезть в холодную воду, это лучше, чем огонь, но ненамного.

Какое-то время я поддерживала голову Атайрона на воде, но потом руки как свинцом налились и отяжелели. Зубы начали бить чечётку.

– По-моему тебе лучше выйти, – процедил мой неблагодарный спасаемый.

– По-моему – тоже. Но есть ещё вы.

– Мне лучше. Благодарю. Теперь я владею ситуацией достаточно, чтобы её контролировать. Выбирайтесь из воды, Анжелика. Принцесса в насморке – скверное зрелище.

– Да в соплях никто не красавец, – огрызнулась я, но на это мои возражения закончились и я, разгребая воду руками, подтянулась на руках через бортик фонтана и выбралась.

Теплее не стало. Прохладный ветер студил и без того охлаждённое тело. Очень хотелось завернуться во что-нибудь тёплое, но ничего, кроме собственных рук, не нашлось. Я стояла, трясясь от холода, обняв себя руками и не сводя взгляда с Атайрона, боясь, как бы ему опять не сделалось хуже. Тогда снова придётся нырять, спаси меня и помилуй от такой участи.

– Что с вами случилось? – спросила я, чтобы нарушить тягостную для меня тишину. – Это из-за дракона?

Об обернулся. Волосы липли на лицо, худое и недоброе. Глаза блестели слишком ярко.

– Бойтесь, что с вами случится то же самое?

– Это вряд ли. Хотя, да, боюсь.

– Дурной тон не стесняться собственной трусости. Это не по-королевски, – мне почудилось, или от так шутит, пусть и несколько зло. – Но, чтобы успокоить вас, сестра... я ведь могу называть тебя сестрой, Анжелика, раз уж ты теперь жена моего брата?

Как-то странно, то «вы», то «ты»? Или я чего-то недопонимаю? Но я кивнула – конечно, может. Лучше уж пусть называет сестрой, чем бесполезной душой.

– Итак, сестра, дракон в моём случае выступил спасителем, и я обязан ему жизнью.

– Чему я, безусловно очень рада, – раздался за моей спиной голос Хатериман.

Без своих царственных одежд она выглядела намного моложе. Распущенные волосы очень ей шли. Вне сомнения, красоту оба её сына унаследовали от своей матери.

– И ещё больше я рада узнать о том, что Пламя не погиб с вашим отцом пятнадцать лет назад.

Эвил, подойдя, обнял меня со спины, отчего мне сразу сделалось теплее.

– Тебе лучше, брат?

– Да, благодарю за заботу, – правда, благодарности в голосе Атайрона не слышалось. Скорее уж злой сарказм.

– В таком случае мы хотели бы услышать о твоих приключениях. Признаться, в случившемся для меня слишком много белых пятен.

– Буду рад их заполнить, – кивнул Чернокнижник, последний раз с головой погрузившись в воду, а затем вынырнув, направился к

бортикам.

И всё лечение? Да, определённо в мире магии есть свои плюсы. Как и минусы.

– Пусть твоя жена возвращается к себе, – не глядя на меня велела Эвилу Хатериман.

Возвращаться в мои планы совсем не входило! Я просто жаждала узнать, что произошло. Хоть от любопытства вешайся. Да и унижительно это – будто я была маленькой девочкой, которую отправляют спать, когда пришло время взрослым повеселиться по-настоящему. Очень обидно.

Я бросила умоляющий взгляд на Эвила и он неожиданно встал на мою сторону:

– Моя жена останется с нами.

– Эвил, ты же понимаешь, что информация не для посторонних ушей? – с сарказмом протянула его мать.

– Анжелика часть нашей семьи. Так что она может остаться.

– Это неразумно, – гневно свела брови добрая свекровушка.

– Да полно, ладно вам, матушка, – вмешался Атайрон. – Эвил прав. Девочка либо станет частью семьи и тогда её интересы будут неразрывно связаны с нашими, либо... уже никому ничего не сможет рассказать. Прошу прощения, мой царственный брат – я присяду. Меня что-то всё ещё ведёт.

– Садись, конечно. Я никогда и не настаивал на церемониале.

– Мы так и будем терять время?..

Железная леди! Сын чуть не умер, пропавший дракон вернулся, а ей – хоть бы хны! Ни слезинки, ни улыбки; ни радости, ни печали. Да что с этой женщиной не так?!

– Я хочу знать, что случилось, – она невозмутимо опустила прямо на остывающую перед рассветом землю. – Рассказывай.

– Предупреждаю сразу – никому из вас не понравится то, что вы услышите.

– От того, что мы видели, братец, тоже никто не в восторге.

– Мне неприятно это признавать, милое моё любимое семейство, – с сарказмом начала Атайрон, потирая виски жестом, какой обычно используют, когда внезапно разболеется голова. – Но всё началось с того, что я сглупил. Сглупил фатально.

– Дальше, – бесстрастно потребовала Хатериман.

– Мне пообещали один очень действенный старинный фолиант с ценнейшими заклинаниями.

– На каждого зверя есть своя наживка, – усмехнулся Эвил. – Ты, книжный червь, никогда не мог устоять перед новым библиотечным свёртком, как иной волокита за юбками не удержится перед красоткой.

– Верно. У всех свои слабости.

– Дальше! – холодно повторила их невозможная мать.

– Я утратил бдительность, тем более, что получить ценный и желанный приз я должен был от старого товарища по академии магии и моего бывшего куратора.

Эвил присвистнул, но Хатериман даже бровью не повела.

– Мы условились встретиться в одном из элитных борделей.

– Тебе мало шлюх во дворце? – лицо королевы-матери презрительно дрогнуло.

– Матушка, в Весёлых домах проводится встреч и заключается договоров больше, чем в Палатах Совета, – вступился за брата Эвил. – К тому же профиль Атайрона тёмная магия, информация о ней преследуется законом. Даже брат короля, пока ещё, напомню, не миропомазанного, не может безнаказанно нарушать правила.

– Тогда не нужно их нарушать. Ладно, я так понимаю, что манускрипт был лишь ловушкой?

– Да.

– И ты попал в засаду?

– Да, – холодно кивнул Чернокнижник, явно чувствуя себя униженным.

– Тебе хоть отдали его?

– Нет. Я даже не встретился с теми, с кем должен был. Не успел я войти в условленные комнаты, как мне на голову набросили тёмный мешок, – лицо мужчины перекопилось от ярости, когда Эвил засмеялся. – По-твоему это смешно?!

– Прости, но – да. Ты, всегда такой страшный и грозный – с мешком на голове! Чудное вышло бы зрелище. Жаль меня там не было.

– Иногда я думаю, что ты и впрямь глуп, брат.

– Кто-то поставил в комнате блокирующие магию арканы, – размышляла вслух Хатериман.

– Естественно. Иначе мешок моему драгоценному братцу на голову не набросить.

– Дорогое и сомнительное удовольствие.

– У нас могущественные враги, которые легко могут себе такое позволить. Итак, Атайрон, они тебя обездвжили?..

– Последнее, что я помню, был удар по голове сзади. И, признаться, я уже было простился с жизнью, потому что никто из известных мне людей не глуп на столько, чтобы поднять руку на одного из нас и оставить после этого в живых. Но какого же было моё удивление, когда я понял, что всё же жив? Правда, меня это несколько не порадовало, потому что я очнулся связанным, один в море, на парусной шлюпке, подхваченной Чёрным Током, неизменно влекущим к Змеиным Островам.

– Так ты не видел того, кто напал на тебя? И не знаешь, кто они?

– Нет, Эвил, не знаю.

– Не понимаю, зачем было так исхитряться и всё настолько усложнять? Если они хотели вашей смерти, почему просто не убили? – мне правда было интересно.

Из трёх пар чёрных глаз только одни смотрели без меня без неприязни.

– Змеиный Остров – проклятая земля, тесно связанная с родом моей матери. По преданию именно там Огненная Королева и её сын впервые создали драконов. Именно оттуда они напускали на врагов тварей из Бездны. После того, как род стал приходить в упадок, а магический дар в его потомках выхолащивался вместе с кровью, Врата, открытые когда-то стали пожирать всё вокруг себя. Потом произошёл чудовищный катаклизм, унесший множества жизней, и от материка остались лишь обломки. Даже море там отравлено и кишит мерзкими чудовищами. В те места суются только самые отчаянные головы и самые чёрные маги. Вроде меня с братцем, – усмехнулся Эвил. – Но и мы предпочитаем передвигаться на драконах, чтобы не касаться ногами отравленной земли, кишащей всякой нечистью. Практически ничто и никто там не может выжить. Получается, тебя хотели убить.

Атайрон поморщился, будто у него внезапно заломил зуб:

– Как правильно заметила твоя маленькая принцесса, если бы меня хотели просто убить, всё было бы сделано иначе, – он в

задумчивости потёр подбородок. – Проще.

– Тогда – что?.. Напугать? Это предупреждение? – Эвил раздражённо взмахнул рукой. – У тебя есть догадки?

– Догадки? Нет, – покачал головой Атайрон. – Никаких догадок.

Хатериман молча смотрела на старшего сына и судя по её многозначительному молчанию она уже приблизительно поняла, что случилось и случившееся ей совсем не нравилось.

– Моя магия была по-прежнему заблокирована, руки – связаны, а течение Чёрного Тока само по себе – магия. Так что долго изнывать от ветров и соли мне не пришлось, и на том спасибо. Однако то, что ждало меня на Змеином Острове было гораздо хуже.

– Кровавая водоросль? – сорвалось с губ Хатериман, со стороны выглядевшей совершенно невозмутимой.

Я взглянула на мужа, надеясь, что он снова пояснит мне то, что для всех, кроме меня, было очевидно.

– Кто-то пытался создать новых драконов? – недоверчиво покачал головой Эвил.

– Разве драконы не вылупляются из яйца? Если можно создать драконов таким образом, то зачем вся история с невестами?! – возмутилась я.

И даже не подумала опускать взгляда, когда все трое вновь уставились на меня.

– Принцесса Анжелика, видимо слухи о том, что вы потеряли голову и правда соответствуют истине. В любом учебнике можно найти информацию о том, что Огненная Королева и её прямые потомки раньше легко могли создать драконов, используя соединения разных стихий и вызывая элменталей. Но после Разлома это стало невозможно. Кровь потомков Огненной Королевы способна создать нового дракона только в том случае, если будет принесена жертва.

– Но ты не собираешься умирать, даже ради возрождения популяции новых драконов?

– Нет.

– И правда, зачем, когда есть много глупых принцесс? – возмущённо фыркнула я.

– Никто не знает, что восстанет из Кровавых Водорослей, даже если бы кто-то из нас и решился бы на это.

– На такое решится только полный безумец. Даже мы не настолько сумасшедшие, – вздохнул Эвил, отворачиваясь от меня. – Кто-то пытался принести тебя в жертву, чтобы создать новых драконов. Но зачем? Как они стали бы ими управлять? Без нас это невозможно.

– Я говорила тебе, Эвил, что Эденсун необходимо уничтожить.

– При чём здесь она?

– Если она понесла от тебя, то у наших врагов есть шанс получить дракона и управление над ним.

– Даже если бы она была беременна, она здесь, в моём дворце! Что за бессмыслица?

– А что было после того, как ты очнулся в лодке? – спросила я у Атайрона.

Он бросил на меня хмурый взгляд:

– Меня прибило к одному из островов, как только волны вынесли меня на берег, водоросли разбили дерево в щепки...

Вы это представляете? Я – нет. Как могут выглядеть водоросли, способные на такой подвиг?

– А потом оплели меня, как канаты и стали тянуть кровь и магию, как всякая пиявка, – он почти выплюнул эти слова.

– И почувствовав гибель, ты призвал дракона, – кивнула Хатериман.

– Слишком большое расстояние. К тому же, ты кровно к нему не привязан.

– Я знаю! Я на много и не рассчитывал!

– А потом?.. – снова спросила я.

– Потом появился Пламя и спас меня. Остальное вы знаете.

– Мне нужно будет проверить. Остатки теней могут быть внутри тебя, сын. Это опасно.

– Кровь выжгла их.

Я снова потерялась. Ну и ладно. Основную часть понять получилось – это главное.

– Что ты намерен делать? – поинтересовался Эвил.

– Вернусь в Весёлый Дом и найду тех, кто в этом замешен. А когда я это сделаю, – от кривой усмешки на асимметричном из-за шрама лице у меня кровь застыла. – Когда я эту сделаю, мы будем

точно знать, что это такое сегодня было. А те, кто совершил сегодня эту роковую ошибку станут слёзно молить меня о смерти.

– Подаришь мне их чучело.

– Как пожелаете, матушка.

Нет, они серьёзно говорят о таких вещах? Или это шутка такая.

– Пойдём, Анжелика. Уже поздно и тебе не плохо было бы немного отдохнуть.

Обняв меня за плечи, Эвил увлёл за собой в тёмное хитросплетение коридоров. И только когда он снова коснулся меня, я поняла, что всё это время мне не было холодно, а одежда моя давно высохла.

Мой муж тоже маг? Хотя почему меня это удивляет? Они же родные братья с Чернокнижником.

– Что будет с Эденсун? Ты позволишь им её убить?

– Тебе бы этого хотелось? – он улыбнулся, но глаза его остались холодными и потускнели.

При мысли о том, что Эвил мог любить, а быть может ещё и любит эту женщину, я почти готова была согласиться с её безвременной кончиной.

Но всё же – нет. Я не хотела ничьей смерти.

– Уверена, есть другой выход.

– Я не позволю им её убить.

– Она и в самом деле носит твоего ребёнка?

Сердце моё – бедное моё сердце. Эта новость меня совсем не порадовала. Теперь становилась понятна и самоуверенность, и отчаянность этой маленькой женщины.

Эвил не ответил, что только подтвердило мои подозрения.

– Но если это правда, если ты женат на ней – то я кем тогда буду в этой истории?! Тем, кто обеспечит приплод твоим чёртовым драконам?!

– Мои драконы не чёртовы! Они не монстры, не твари – они часть меня! И если бы из всех моих жён я сам мог бы выбрать себе жену, я выбрал бы тебя... но что делать с тем, что она носит моё дитя? Я должен был бросить мать моего ребёнка на съедение?

– Вся эта история, это просто... бред! Полный бред!

– По мне, так она куда больше похоже на паутину, из которых никому из нас без потерь не выбраться. Но мы, конечно же,

попытаемся. Посмотрим, что из этого получится.

Глава 16

Я была одновременно и слишком уставшей, и слишком перевозбуждённой, чтобы просто лечь спать. Моя голова едва ли не разрывалась от тысячи мыслей, сердце болело от тысячи эмоций, которым я не могла дать выхода. Обида как жаба давила на грудь. Имела ли я на неё права? Не знаю. Если здраво подумать, то Эвил повёл себя правильно. Конечно, не дело позволить убить женщину, носящую под сердцем твоё дитя. А то, что Эденсун оказалась в таком положении... ну, так ведь она была на моём месте и могла на нём остаться, если бы нашла в себе силы укротить дракона.

Да, он мог пощадить её именно потому, что она оказалась в положении. И позволил ей не рисковать собой, потому что любил. А я? Куда мне себя определить в этой странной, непонятной сетке отношений? Как относиться к игрокам этой странной и сложной игры?

И что будет дальше – кто знает? Я не могла желать зла Эденсун, но мы находились с ней в таком положении, что иначе как врагами быть не могли. С её ли ведома или нет, но её ребёнок мог стать угрозой для всей семьи. С другой стороны, на месте Хатериман я бы не стала избавляться от невестки, которая под сердцем носит моего внука – моя кровь. Тем более, что в Ритуале она пока не участвовала. Всегда есть шанс получить и внука, и драконью королеву.

Так что, с удивлением и холодком поняла я, если бы не сегодняшний инцидент, в опасности была не дерзкая плясунья – у неё-то как раз передо мной фора. И чтобы там не говорил мой прекрасный незнакомец – Порочный Принц о своих внезапных чувствах ко мне, лучше не закрывать глаза на правду – Эденсун не от святого духа понесла. В любви мой (наш – ей-то он тоже не чужой) искусен, а стать искусным можно только часто тренируя навык.

Чем дольше я размышляла над ситуацией, тем более горьким мне виделось собственное положение. Судя по всему, меня ждут не только драконы, но, что не менее страшно – интриги.

Как учитель истории, я не могу не знать, что чем ближе к власти, тем больше врагов и изощрено коварство. Нам, мягкотелым детям 21 столетия трудно решиться всерьёз причинить кому-то вред. Но

Эденсун неоднозначно показала, насколько далеко готова зайти. И да, наша дражайшая свекровь не вмешивалась, избегая принимать чью-то сторону до момента, когда ситуация едва не вышла из-под контроля.

Утро, после такой безумной ночи, закономерно встретило меня головной болью. Я с трудом оторвала голову от подушки. И только вознамерилась возлежать на своих царственных пуховиках подольше, как Суокэ доложила о том, что мой муж ждёт меня в своих покоях, приглашая разделить с ним завтрак.

Ничего другого не оставалось, как поспешить откликнуться.

Одеться следовало быстро, но с таким обилием нарядных тряпок и церемонией, когда тебе сначала на выбор выносят три платья, потом к ним – три пары обуви, драгоценностей и даже вуалей. А потом всё это на тебя надевают с ритуальным приплясыванием.

Жизнь – боль. У царственных особ – вдвойне. Хотя, если не торопиться, во всём это что-то есть. Бесконечные бьюти-процедуры, в которых всё и все вращаются вокруг тебя, и ты чувствуешь себя маленьким солнцем в окружении планет. Очень греет душу и почёсывает чувство собственной значимости.

Уже следуя в окружении своих служанок к моему царственному супругу, я подумала о том, что впервые это я иду к нему в покои. До сей поры мы либо встречались на моей половине, либо – на нейтральной территории.

– Её милость, принцесса Анжелика Ванхелия! – громко объявили стражники, не забыв при этом скрестить алебарды перед моим носом.

– Впустите её, – властно прозвучало в ответ.

Сердце моё невольно забилося при звуках этого глубокого, как океан, спокойного и властного голоса. Совладав с собственным волнением, я неторопливо переступила порог царских покоев. Девушки-служанки остались за дверью.

– Вы хотели меня видеть, ваше высочество? – спросила я, останавливаясь перед сидящим в кресле Эвилом.

Он выглядел озадаченным и хмурым. Мне лишь оставалось надеяться, что не мной.

– Дела вынуждают меня покинуть Тёмную Цитадель, – от этого известия мне сделалось совсем плохо, но я постаралась не показать этого. – Перед объездом я хотел убедиться, что у вас есть всё необходимое и вы ни в чем не будете нуждаться. Если у вас будут

какие-то пожелания, я с радостью их выслушаю и удовлетворю вашу просьбу.

Что на это ответить?

– Вы очень внимательны, – я старалась с осторожностью подбирать слова. – У меня есть всё, чего можно желать.

Эвил улыбнулся, правда, с некоторой натянутостью:

– Даже когда всё есть, всегда отыщется что-то, что принесёт радость. Что способно скрасить вашу жизнь, миледи, в моё отсутствие?

– Я хотела бы больше узнать о драконах. Может быть, существует какая-нибудь система тренировок? Что-нибудь, что позволило бы мне привыкнуть к ним, а им – ко мне. Всё, в что в дальнейшем могло бы помочь нам наладить контакт?

– Хорошо, – улыбнулся Эвил, на этот раз искренней. – На самом деле замечательная идея, моя леди! Я поговорю с братом. Пусть поможет вам в ваших начинаниях и подыщет необходимые источники информации. Уверен, он не откажет мне в исполнении этой просьбы.

Перехватив взгляд его тёмных глаз, в котором светились одобрение и интерес, я позволила себе приблизиться. Пересекая комнату, сократила разделяющее нас расстояние.

– Могу я задать вопрос?

– Конечно. Спрашивайте.

– Ваша отлучка связана с событиями вчерашней ночи?

– Конечно. Я должен покарать изменников.

– Их так быстро нашли? – удивилась я.

– Когда твой брат Чернокнижник, в чьих руках находятся средства погорячее, чем у любого палача, люди раскалываются быстро, – вновь помрачнев, изрёк Эвил. – Он бывает очень искусен и предприимчив, когда не связан парализующими артефактами и верёвками. Так что – да, моя дорогая. Я точно знаю, откуда у нашей проблемы растут щупальца и намерен положить этому конец.

– Тогда ещё одна просьба, если можно?

– Я слушаю.

– Не будьте жестоки больше, чем это необходимо. Большинство людей не виноваты в том, что господа не могут поладить друг с другом. Простые люди ни в чём не виноваты, но именно на их плечи ложатся все тяготы.

– Я постараюсь быть милосердным. Если крепость сдастся, то я казню только зачинщиков, а остальным позволю жить дальше. Но если окажут сопротивление...

– Вы полетите туда один!? – до меня только теперь дошло.

И только теперь стало страшно.

– Один? Нет! Я буду со Злым Роком, а он стоит целой армии. К тому же, мне нужно взять не город, а всего лишь замок. Вам не стоит беспокоиться. Хотя, не скрою, мне приятно, что вы за меня волнуетесь, – с обаятельной улыбкой проговорил он.

– Правильно ли во всём полагаться на драконов, ваше высочество?

– Не нужно титулов, прошу! Ты – моя жена. Мы расстаёмся, пусть и ненадолго, но весь этот церемониал... оставим его на время?

Он протянул мне руку и стоило мне вложить в неё ладонь, подтянул меня ближе, усадив к себе на колени:

– А что касается драконов? Это совершенное оружие, лучше которого нет. Именно потому они так важны. Ты понимаешь?

Я медленно кивнула.

А потом, оплетая руками его шею, с улыбкой спросила:

– Вы возьмёте меня как-нибудь полетать снова?

– Скоро тебе не потребуются посредники. Скоро ты сама воспаришь к облакам. Я знаю это. Я это чувствую. Ты – та самая.

Поднявшийся шум и крики за дверью прервали намечающуюся между нами идиллию.

– Что за...

Договорить он не успел.

– Пустите меня! – двери с треском распахнулись и в покои короля с самым безумным видом ворвалась Эденсун.

Выглядела она жутко: волосы растрёпаны, одежды порваны, а на скуле наливаются синяк.

«Разве Хатериман не велела бросить её в темницу?», – пронеслась шальная мысль.

Как это может быть? Куда смотрела стража? Как женщина могла пройти сюда через запертые двери и охрану?

Ответ был очевиден – никак. Если только ей не помогли.

Эвил перестал улыбаться. Лицо его приняло поистине грозное выражение.

Стражники шагнули было за женщиной, но он остановил их мановением руки:

– Эденсун? – несмотря на то, что говорил он тихо, голос его звучал угрожающе и заполнил собой всё пространство, а интонация не сулила мятежнице ничего хорошего. – Как ты посмела войти ко мне без приглашения?

Я поднялась с колен Эвила, становясь рядом с ним по правую руку. Если бы взгляды могли убивать, я была бы уже мертва. Откровенно говоря, эта женщина выглядела сумасшедшей и внушала ужас. Она казалось способной на всё, как каждый человек, доведённый до крайности.

– Что вы себе позволяете, миледи? – не повышая голоса задал вопрос Эвил. – Как смеешь ты вести себя столь дерзко?

– Как я смею?! – она задохнулась от возмущения. – Я – смею? Разве я рабыня? Разве я не ношу под сердцем твоего ребёнка? Разве я не жена тебе?!

– Тебе прекрасно известно, что нет. Женой драконьего всадника может стать только драконья всадница. Всем хорошо известно, что это не вы. А что касается бастарда, которого вы носите под сердцем – он не даёт вам право грубо нарушать обычаи моего народа.

– Ты собираешься напасть на мой народ! Убить моего отца! По-твоему, я должна покорно принимать это?

– Именно так. Мятежница, дочь предателя – на что рассчитываешь ты сейчас? На какую милость?

– Моего отца оболгали! Ведь враги не дремлют и только и ждут момента, чтобы рассорить меня с вами, мой повелитель! Вы поверили грязным наветам...

Судя по выразительным взглядам Эденсун сомневаться не приходилось, кто здесь враг. По её версии, это я напела? Птичка начирикала, как же! Да кто бы здесь стал меня слушать? Я и рот открывать лишний раз боюсь из-за опасений чего-нибудь ляпнуть.

– Закрой рот, женщина. Или его закроют за тебя.

– Да накажут тебя боги, Эвил Санистор, порочный принц! Так обходиться с матерью своего ребёнка? Угрожать смертью тому, чья кровь смешается с кровью твоей. Это неправильно – нападать на королевство моего отца.

– Хватит, Эденсун, – Эвил поднялся с места, с такой силой сжав подлокотники кресла, на котором сидел, как на троне. – Хватит! Моему терпению пришёл конец. Дворец твоего отца будет предан огню за его измену.

– Какую измену? – строптиво тряхнула она головой.

– Попытку убить меня, – из затемнённого коридора Атайрон выплыл, напоминая тёмный призрак, решивший явиться не ко времени.

Или, наоборот, в строго назначенный час?

Неторопливым шагом Атайрон двинулся вперёд.

Эденсун дрожа, переводила взгляд с одного брата на другого. Стражники в нерешительности застыли рядом с хрупкой девушкой, на полшага позади неё, ожидая королевского приказа.

– У Чернокнижника много врагов. С чего вы решили, что они связаны с моим домом? – не сдаваясь, продолжала упираться девица.

– С того, что эти враги сами мне так сказали, – с ехидной улыбкой сообщил Атайрон.

– Сообщили? – с сарказмом недоверчиво фыркнула молодая женщина. – Лучше скажите, что вы пытали их! И своим чёрным искусством заставили сказать выгодную для вас правду!

– И в чём же тут моя выгода? – невозмутимо пожал он плечами. – Ваш дом или другой – мне всё равно, лишь бы сокрушить тех, кто растит во чреве своих замков змею измены. Моё чёрное искусство, как вы совершенно справедливо обозвали это умение, не позволяет сказать неправды. Боль может исторгнуть из человеческой глотки ложь, как и страх – тоже. Но есть зелье, выпив которое, ты не сможешь говорить ничего, кроме правды. Хуже того – ты не будешь помнить этого момента, а соответственно, даже не узнаешь, что именно рассказал.

Атайрон несколько томительно длинных секунд насмешливо глядел на воинственно задрвшую подбородок девушку, чьи глаза сверкали, как у голодной кошки.

– Ты ведь не помнишь нашего разговора, правда, дорогая? – с язвительной мягкостью протянул он и на губах его заиграла недобрая, издевательская улыбка.

– Разговоре? Каком разговоре? Что вы хотите этим сказать?! Что это я назвала вам имена заговорщиков? Но это невозможно! Я ничего не знаю! Вы просто лжец!

– Последи за языком, женщина! – грубо толкнул её в спину один из стражников. – Перед тобой брат короля!

– Нет, имён заговорщиков леди мне не сообщала, – всё с той же нехорошей улыбкой проговорил Атайрон. – Но ты сказала мне кое-что... не менее интересное. Думаю, если бы заговорщики об этом знали, то поняли бы всю бессмысленность своих действий... но они не могли знать того, правда?

– О чём ты? – удивлённо вскинул брови Эвил.

Потом разлетевшиеся были в сторону брови сурово сошлись не переносице, прочертив две гневливые морщинки:

– Ты хочешь сказать, что Эденсун не беременна?!

Сердце моё возликовало при этих словах, а с плеч словно свалился тяжёлый груз. О! Если бы только это было так! Наличие ребёнка у соперницы всегда даёт той фору в отношениях. Да и чувствительная совесть частенько шепчет в уши, мол, негоже лишать ребёнка отца. То, что мадам сошла с дистанции до ритуала с драконами лишь всё усложняло – что, если бы она надумала переиграть?

А если ребёнка нет?..

Эвил в немой ярости вперил взгляд в девицу. Та, хоть и была неробкого десятка, невольно попятилась назад.

– Я задал вопрос – ты осмелилась мне лгать?

– Я не лгала...

– Изначально это не было ложью. Но, к сожалению, не каждому ребёнку, что был зачат, удаётся увидеть свет. Но наша прекрасная плясунья предпочла об этом умолчать.

– Как такое возможно?! Куда смотрели личные лекари?! В моём собственном замке мои люди лгут мне?! Кругом одни заговоры и никому нельзя верить. Стража!

Добрые молодцы выпрямились, молодежавато щёлкнув шпорами.

Сердце моё взволнованно билось. Я понимала, что приказ, который сейчас слетит с губ Эвила, будет жесток, как и подобает карающим приказам средневекового владыки.

Не сразу я поняла, что смотрю на зажатый в руке молодой женщины нож. Он был так тонок и отточен, что был почти не заметен на фоне серых камней, сливался с одними из трещин в мраморе.

Мысли в голове полетели так быстро, что я ловила лишь их хвосты? Кто в опасности? Эвил? Атайрон? Против кого оса решила направить своё жало?

– У неё нож! – сорвалось с моих губ.

Стражники мгновенно встали живым барьером между Эденсун и возвышением, на котором мы находились. Но не успела я перевести облегчённый вздох, как сухой и короткий приказ:

– Отойдите, – повис в воздухе.

Не верящие, как и я, своим ушам воины остались стоять на месте.

– Мне повторить дважды? – повысил голос Эвил и мужчины, словно створки дверей, отодвинулись, пропуская вперёд хрупкую женскую фигурку.

Эденсун двинулась вперёд неверными, мелкими, словно у пьяной, шагами. Нож по-прежнему был зажат в её руке.

Она не сводила с Эвила глаз. В её взгляде читались мольба, упрямство и угроза.

Она остановилась у ступеней, взирая на Эвила снизу-вверх:

– Говорят, драконы – порождение огня? Его грозные и прекрасные дети. А вы, Санисторы, укротители и всадники? – голос Эденсун звучал тускло, так без эмоционально, что на память приходил вьющийся над пепелищем после большого пожара пепел. – В моём сердце огонь погас навсегда, господин, в тот день, когда вы забрали из моего дома. Отняли от всего, что я любила. Но я ещё могла надеяться, что солнце взойдёт снова. Теперь мне понятно, этого никогда не произойдёт. Для вас и вашего брата, что царская дочь, что уличная девка – без разницы. Мы для вас лишь магический сосуд, наполняемый для ваших целей. Безразличны наши сердца и лица, значение имеет лишь наше лоно и то, что связывает его с вашими проклятыми драконами! Но я королевских кровей, я – потомок тех, кто умом и мечом добыл для себя корону и я не желала смириться. Я хотела владеть вашим сердцем. Хотела стать матерью вашим детям. Но ничего из этого вам не надо! Вы, Санисторы, Драконьи Всадники – дети Тьмы. И рядом с вами мир погружается во Тьму, – тёмные ресницы дрогнули и на зелёных глазах сверкнули бриллианты слёз. – Мой сын захлебнулся в кровавых водах, преследующих вашу проклятую семью. Я всего лишь женщина! Моя вина в том, что я хотела выплыть из волн боли и скорби, цепляясь за последнюю

надежду, что мне оставалась – веру в то, что вы хоть что-то ко мне чувствовали, что вновь и вновь укладывать других женщин на ваше ложе вас заставляют неведомый мне долг. Но вы не оставили мне и этого утешения. Если бы наши дни и ночи значили для вас больше, чем ничего, вы не отправлялись бы с таким холодным сердцем жечь людей, которых я любила.

– Эти люди пытались убить моего брата, – холодно и сурово прилетело в ответ.

– Или так говорит ваш брат! Почему вы верите ему, господин? Разве вы не видите то, что понимает даже ваша мать – Чернокнижник вам не друг, а соперник. Он завидует вам и делает всё возможное, чтобы мешать вашему величию! Кто мог захватить его против его власти? С самых первых дней он пытался настроить вас против меня и моего дома! Почему вы так уверены, что лгу я, а не он?

– Потому, что моего брата я никогда не мог уличить во лжи. А вы, сударыня, лгали мне не единожды.

Эденсун передёрнулась, как от удара:

– Вы отобрали у меня всё, ваше высочество. Думаете, я стану умолять вас о пощаде? Ради чего она мне? Мне не вернуться под отчий кров, даже если бы вы и не планировали превратить его в руины. Мне не остаться здесь, ведь на вашем ложе теперь другая женщина. В этой жизни для меня нигде нет места. Больше не зацветут цветы весной, не заиграет музыка. Пение птиц не различимо для ушей того, кто слышал оглушающе лютый, жуткий вопль драконов. Запах жасмина и сирени не сможет перебить запаха гари и серы. Из-за тебя для меня теперь всюду зима. Как там, под облаками, в которые вы унесли меня на своём драконе – холодный ветер теперь не утихнет, – покачала она головой, а нож вздрагивал, зажатый в её кулаке.

Я не понимала, чего они все ждут. Почему никто не прервёт и не остановит? Эвил не верил, что она сможет напасть на него? Настолько был уверен, что в случае нападения сам сумеет справиться со своей женщиной? Рассчитывал на магию Атайрона?

Никто не ожидал того, что случится минутой позже. Ни братья Чёрной Матери, ни их стражники, ни я.

Прозрачная слезинка скатилась с тёмных ресниц и прочертила влажную дорожку по нежной девичьей щеке:

– Мой год завершён, – с улыбкой сообщила Эленсун. – Мне больше нечего бояться.

Её взгляд скользнул ко мне:

– Пришёл твой черёд испить из этой чаши. Да будет она не слаще моей!

Она подняла руку с ножом к собственному горлу и под подбородком алым цветом вырос кровавый порез. Кровь алом-тёмным потоком пролилась на платье.

Пошатнувшись, Эденсун осела на пол у ступеней, на котором стояло кресло Эвила.

В комнате повисла почти мёртвая тишина. На лицах мужчин словно были маски.

Я же была так потрясена, что поначалу даже не испугалась. Было ощущение, что всё не на самом деле – лишь инсценировка. И в то же время сердце знало правду – Эденсун была мертва.

А пред предстояло идти вперёд по той дороге, которую она только что завершила у моих ног.

Глубокая тоска и печаль охватили меня.

Страх пришёл уже позже. Когда я вернулась в свои покои.

«Пришёл твой черёд испить из этой чаши. Да будет она не слаще моей!», – вновь и вновь заезженной пластинкой звучал в моей голове голос умерший, словно проклятие.

Я никогда не была суеверна. Но иногда проклятия сбывались – тогда, когда насылались заслуженно.

Впрочем, я их не заслужила. Только чувство вины и страх всё равно меня не покидали.

Глава 17

Иногда так бывает, картинка, по началу не чёткая, становится ярче и отчётливее по мере того, как события отдаляются. Поначалу всё произошло вроде как обыденно, но через пару часов события всё глубже впечатывались в память.

Я не толкала Эденсун на безумные поступки, не подначивала перерезать себе горло, но всё равно чувствовала себя виноватой в случившемся. Она вставала передо мной в полный рост и смотрела смеющимися, змеиными глазами, в которых блестели слезы: «Моя смерть – это твоя вина».

На самом деле нет. Я человек разумный. Я осознаю, что всё это игры разума, возможно, последняя манипуляция, которую она могла себе позволить. Я совершенно ничего не сделала для того, чтобы она пришла к такому концу. Никак не интриговала против неё, даже ни с кем о ней не говорила. Да, в душе я боялась её, а страх часто порождает тень – ненависть. Проживи Эденсун чуть дольше, мы вполне могли стать врагами. Просто не успели.

И в глубине души я была этому рада. Она могла быть сильным соперником. И умница – нужно отдать должное. Могла ли она выжить в сложившихся обстоятельствах? Не знаю. Её вряд ли бы казнили. Скорее всего – выслали бы. Но после того, как Эвил сожжёт их дворец, она больше не будет принцессой. Принцесса без королевства – это всё равно, что в наше время разорившийся миллионер. Тот, кто всегда ел с золотого подноса думает, что жизнь кончилась в тот момент, когда он не может оплатить налоги на земельные участки в сотни гектаров со всеми атрибутами красивой жизни.

Но на самом деле банкротство – это не конец. Ничто не конец, пока ты в сознании, пока ты способен двигаться. Кусок хлеба одинаков на вкус для миллионера и простого рабочего; часы за миллион баксов это всё те же стрелки и часовый механизм, показывающий время и, если отбросить понты и бренды, часы за триста рублей выполняют свою функцию ничуть не хуже; дешёвенький жигулёнок способен довести из точки А в точку Б; а любви и дружбы, искренних

отношений и чистого воздуха у простонародья больше, чем у богачей и лордов.

Если бы я была сегодня на месте Эденсун, я бы горло резать не стала. Я бы до последнего просила помиловать мою семью, а не получилось бы – постаралась бы добраться до родного дома быстрее Эвила и умереть рядом с теми, кого люблю. Я бы боролась за каждый свой вздох. Даже если бы меня не приняли дома – на городских улочках кипит жизнь. Да, красивый жест – умереть с громкими словами на устах, но по факту – мы все остались при своих интересах, мы дышим, едим и, не завтра, так послезавтра, не послезавтра – через неделю, мы забудем все слова. А если подумать – я так даже выиграла. Эденсун освободила мне дорогу.

Да, жизнь – это школа или поле боя. Самоубийство – как дезертирство. Оно глупо и трусливо.

Меня тяготила память об Эденсун с перерезанным горлом, но, в то же время я испытывала облегчение. Мне больше не нужно её опасаться. Мне не придётся ломать голову над тем, как устранить её с моего пути, не нужны будут угрызения совести, если ситуация накалится до крайности – она всё решила за меня. Даже если Эвил испытывал к плясуньи какие-то чувства, то она теперь мертва. И ушла она так, что он будет только рад забыть о ней. А я буду рядом, тёплая, живая, с улыбкой на устах, а не ядовитыми словами на языке, что жалит больнее осы.

Лучше быть живой, чем мёртвой. Даже если впереди тебя ждут драконы. Даже если твоего мужа зовут Порочным Принцем, а его брат Чернокнижник – та ещё тёмная лошадка, даже если по сравнению со свекровью любая мамба – ласковый ужик. Лучше быть живой, чем мёртвой.

К вечеру мои девушки-служанки принесли мне добрую весть о том, что в связи со смертью Эденсун Эвил, видимо, в память о своей недоеденной драконами жене, решил не предавать огню её королевство. Жестом доброй воли он повелел отослать останки плясуньи её отцу.

Что-то мне подсказывало, что за морем такую «доброту» вряд ли кто оценит.

Признаться, с учётом всех событий, Эвила я в этот вечер не ждала. И его появление меня удивило. Наверное, приятно.

Девушки при виде его поспешили с поклоном удалиться.

Следом за Эвилом вошли лакеи с подносами, ломящимися от еды. Кивком он повелел отнести и расставить их на балконе.

– Я было хотел пригласить вас к себе, разделить со мной вечернюю трапезу. Потом подумал, что вы, скорее всего устали и вряд ли будете рады моему приглашению. Пройдёмте, миледи. Хоть во дворце день был длинным, на небе красивые звёзды. И ночь, как всегда, прекрасна.

Я без слов последовала за ним.

Положив руки на парапет, Эвил, закинув голову, разглядывал небесный чертог, усеянный звёздами, как острыми иголками.

– Смотреть на небо – это так романтично. Не так ли? – с усмешкой, напомнившей его старшего брата, проговорил Порочный Принц. – Оно такое высокое, равнодушное и кажется неизменным.

– Только кажется, мой повелитель. На самом деле многих звезд, на которые мы сейчас с вами любуемся, на самом деле нет уже тысячи и тысячи лет. А свет их льётся и льётся, но на самом деле то, что мы видим лишь иллюзия.

– Как и многое в этой жизни, – лицо его сделалось сумрачным и сосредоточенным, но через мгновение вновь разгладилось. – Мне жаль, что это случилось. И вдвойне жаль, что тебе пришлось стать этому свидетелем.

– Почему вы разрешили Эденсун не участвовать в ритуале? Вы любили её? Или потому, что она сказала, что ждёт вашего ребёнка?

– Что с того? Мы могли бы подождать, пока она разрешится от бремени. Она отказалась, просила меня разрешить ей не участвовать в этом, пусть остаётся служанкой, но – живой служанкой.

– Живая собака лучше мёртвого льва, – процитировала я. – Почему вы согласились?

– Потому, что устал смотреть на то, как мои драконы рвут женщин на части. Раз за разом – одно и то же. Она стала бы следующей. Я не сомневался в этом.

– А что насчёт меня? – взглянула я на него.

– На счёт тебя? Что же насчёт тебя? – улыбнулся он.

– Думаешь, мне удастся выйти живой из схватки с ними?

– Нет.

Сердце моё замедлилось, его кольнуло обидой.

– Нет?

– Из схватки с ними никто живым не выйдет. С ними не нужно сражаться. С ними нужно сотрудничать. А это невозможно, если сердце полно страхом или ненавистью. Дракон – это огонь, а огонь – это отвага и страсть. Это то, что позволяет расправить крылья и лететь, преодолевая бурный ветер, широкое море, расстояние и препятствие. Сражаться с драконом гиблое дело, заранее обречённое на поражение.

– Если бы я попросила тебя разрешить мне поступить так же, как Эденсун?.. Ты бы разрешил?

– Конечно. Возможно, так было бы даже лучше. Возможно иначе попросту нельзя. Магия – она уходит из крови моего рода. Драконы становятся для нас слишком сильными. Мы не можем их контролировать, а если над ними не будет контроля... – Эвил вздохнул и его заметно передёрнул плечами. – Возможно, пришло их время исчезнуть. Ничто не вечно.

– То есть, ты позволишь мне остаться при дворе, а сам продолжишь жениться дальше? И эти браки будут признаны законными? Ну, если я, твоя жена, буду жива?

– Законной женой Драконьего Всадника может считаться только Драконья Всадница.

– Но есть всадницей в дальнейшем никто стать не сможет, то у тебя во дворец будет множиться и множиться количество недо-жён? Раз был один прецедент, другие ведь тоже не дурочки на верную смерть идти? В чём тогда смысл? Зачем тебе вообще эти драконы?

– Они – кровное наследство моей матери. Часть нашей магии.

– Ты любишь их?

– Злого Рока – бесспорно.

– А Молнию и Пламя?

– Молния не подчиняется мне, а Пламя... он принадлежал отцу. Возможно, теперь его подчинит брат.

– Ты говорил, что драконы – наследие матери? Почему же Пламя принадлежал отцу?

– Потому что супругом Всадника может стать только другой всадник. Отец сумел им стать.

– Значит, всё дело только в драконах? А не в том, что, как говорят за морем, ты хочешь подчинить себе все десять государств, вновь вернув времена Десятицарствия?

– Санисторы владели девятью королевствами по праву. И эта власть должна принадлежать мне.

– Только потому, что этого хотел твой отец?

– С тех пор, как наша корона пала, в мире нет мира. Кругом войны, в каждом углу – по короле. Народ нищает. Законов нет. Кругом царит хаос. Я хочу принести спокойствие и процветание.

– На крыльях драконов, жгущих всё, без разбора? – с сомнением покачала я головой.

– Почему же без разбора? Они будут жечь лишь то, что я прикажу. Потому что мои драконы – это часть меня. Именно так это работает.

Мы оба замолчали, глядя вверх, на мерцающие, словно синие угольки, звёзды.

– Твои бывшие жёны – они хоть как-то тренировались? Пытались найти контакт с драконами до Ритуала?

– Они читали книги. И я пытался научить их сам. Но, видимо, из меня плохой учитель.

– А Атайрон? Он ведь Чернокнижник?

– И что?

– Он должен найти лазейку. Она всегда есть.

– Чтобы заставить Атайрона искать для кого-то лазейки, – усмехнулся Эвил, покачав головой. – Дорогая, проще взнудать трёх драконов разом, чем договориться с Атайроном.

– Ну, Атайрон вряд ли откусит мне голову?

– Откусить – вряд ли. Но он вполне способен её отрубить.

– Попроси его сделать это для тебя.

– Что именно.

– Помочь мне с драконами. Разве он не заинтересован в этом так же, как ты и твоя мать?

Эвил какое-то время странно смотрел на меня. Я уж начала сомневаться – правильно ли я сделала, что затеяла этот разговор. Но потом мой Порочный Принц улыбнулся:

– Мне вот интересно, что я за глупец такой, что мне ни разу не пришла в голову подобная мысль? А ведь ты права. Атайрон способен помочь нам.

Говорят, что утро вечера мудрее, но это не так. Потому что и на утро идея об индивидуальных занятиях с Чернокнижником не

перестала мне казаться хорошей. Да, по всему было видно, что у парня плохой характер. И что он не постесняется продемонстрировать мне его «лучшие» грани. Не то, чтобы меня это совсем не пугало, но... драконы пугали больше.

Так что, когда служанки принесли мне записку от мужа с указанием пройти на Драконий Двор к определённому часу на занятия с его братом-Чернокнижником, я восприняла эту новость, как хорошую. И предпочла в одежде удобный стиль царственному, одевшись в костюм-близнец того, в котором удалось встретить Пламя.

Служанки пугливо жались, всем видом своим выражая страх и нежелание следовать за мной дальше порога Радужного двора, где в сонном спокойствии протекала их размеренная жизнь. Их более, чем устраивало такое прозябающее существование, где дни были похожи друг на друга, словно набегающая одна на другую волна. Ни особых перспектив, но и опасностей тоже никаких.

Хотя, если хорошенько подумать, разве современный офисный планктон живёт иначе? Да и не офисный, к слову, то же. Как ослики по кругу, как белки в колесе – часто бессмысленно, на износ, размениваем мы свои молодые дни, и лишь у старости на пороге понимаем, что приоритеты были расставлены неправильно.

В общем, наши желания совпадали. Мне свидетели моих неуклюжих действий (я сильно сомневалась, что окажусь «чемпионом») были совершенно не нужны. Велев им дожидаться меня на месте, я проследовала за стражником-проводником, которого прислал Атайрон.

В прошлый раз на Драконий Двор я каждый проходила тайными ходами, приводящими сразу в Звериное Логово. И на сей раз я следовала по специальной галерее, нависающей надо всем сверху, наподобие подвесного моста. Драконий Двор, видимый отсюда как на ладони, представлял собой классический мужской мир: казармы, солдаты, оружие, большие псы. Как ни странно, беспорядка не было. Хотя и порядка, в том смысле, который вносим в это понятие мы, женщины – тоже. Ни одна вещь здесь не стояла так, чтобы было красиво – всё строго функционально. И если её удобно взять с ходу, плевать, что она портит интерьер – будет стоять!

Опускающиеся с правой стороны от галереи ступени вывели нас в узкий каменный двор, в центре которого стояло небольшое кирпичное

строение, не больше двадцати квадратных метров. Оттуда раздавался странный звон, словно кто-то ритмично бил в гонг, раз за разом, снова и снова.

Признаться, я вошла туда не без внутреннего духовного трепета, пред полагая, что это какая-то ритуальная избушка наподобие Курьих Ножек, только без оных. Место, где ведут волжбу.

Чем я думала? Колдовали братья Санисторы на Ночном Дворе. Хотя, если хорошенько подумать, сразу станет ясно, что никаких Санисторов нет – есть один Эвил Санистор, опальный принц, призванный Порочный. Не потому, что сексуальный извращенец, а потому, что скармливает собственных жён собственным же драконам.

А вот Атайрон, старший сын? Кто был его отцом? История пока умалчивает. Возможно, что колдовство он унаследовал от своей матери, тоже явно колдуньи. Но не исключено, что его отец занимался тем же.

Тёмное – оно всегда интересное, стильное, притягивающее взгляд. Напиши любое слово и подставь к нему определение «темный» и оно сразу же из скучного и обыденного станет таинственным, жутковатым и оттого притягательным.

Я стану перечислять: плащ, книга, меч, принц, замок. И что? А теперь подставьте к этому всему слово черный и зацените разницу? Черный плащ, чёрный меч, замок и книга – как сразу атмосферно-то, а?

Вот и Атайрон был тёмный, а потому невольно приковывал к себе внимание. Нет, я не испытывала к нему рокового влечения (слава богу!), но мне было интересно и любопытно – что он такое собой представляет? Что знает? Что умеет? Насколько на самом деле опасен (а казалось, что очень).

Так что с трепетом и в предвкушении дозы адреналина я, крадучись, очень осторожно, муравьиными шагами просочилась внутрь. А там...

Там не было ничего особенного или необыкновенного.

Помещение было светлым, с высоким потолком и вытяжными отверстиями. Пол – земляной. У дальней стены стояла странная печь, с виду чем-то похожая на сигнальную трубу, раструбом вниз.

Потом до меня дошло – да это же кузница! И это не печь, а горн, а рядом с ним вон наковальня да бочонок с водой для остужения заготовок. На металлическом столе были разложены инструменты: молотки, зубила, клещи и что-то ещё, что навскидку я назвать оказалась не способна.

И загадочному звону тоже легко нашлось объяснение – ковка по металлу. Расплавленное до бела железо, мягкое, как пластилин (на самом деле, наверное, нет, но ведь звучит почти красиво?) над алым маревом пламени. Всё это рамка. И на её фоне эффектно выступает фигура мужчины. Мышцы рельефно вздуваются на плечах и спине, влажные волосы перехвачены тёмной тесёмкой, липнут к мокрой коже.

В моей прошлой жизни почти нагого мужчину можно было встретить на пляже – расслабленного, обычно с пивным брюшком, по величине сравнимым с женским животиком на седьмом месяце беременности, это брюшко плавно и мягко, гармонично вливалась в не менее рыхлые объёмные бёдра, тоже почти женские. А сверху у этой пухлой горы обычно пристроено детское личико с щечками – в общем, нужно изрядно постараться, чтобы впасть в соблазн. Моё время выгодно отличается от того, куда меня занесло во всем – кроме мужчин. Праздная жизнь – катастрофа для фигуры. Не только мужской, просто будучи традиционно ориентированной, я на женские-то не смотрю.

А тут что не мужчина – красавец. Даже простые бравые вояки – хороши.

Как не идёт это против морали и правил пацифизма, но мужчина, чтобы нравиться женщине, должен быть хищником. Должен быть сильным, агрессивным и умным. Без последнего ингредиента рецепт неправильным. Умный мужчина умеет направлять в правильное русло силу и агрессию и даже умерять и то, и другое в случае необходимости. А вот дурачок, сильный и агрессивный – наш оживший женский кошмар.

Но что-то мне подсказывала, что оба сына Хатериман умны, амбициозны, сильны и опасны для врагов. Насколько преданы они друзьями, я пока не знала. И причисляют ли меня к ним – тоже.

Почувствовав моё присутствие, Атайрон чуть обернулся в полуоборот, коротко кивнув в знак приветствия, осторожно

переместил то, над чем работал и опустил их в воду. Раздалось громкое шипение, повалил густой, белый пар.

– Простите, я ждал вас чуть позже, миледи, – деловитым тоном проговорил он.

Потом взял влажное полотенце и, вытершись насухо, натянул через голову чёрную шёлковую рубаху. И я в очередной раз получила практическое подтверждение моей теории о привлекательности всего тёмного.

– Итак, принцесса, мой брат передал мне вашу просьбу и настоял на её исполнении. Я весь в вашем распоряжении. С чего изволите начать? – всё с той же лёгкой иронией в голосе поинтересовался он.

Но смуглое лицо его оставалось строгим и замкнутым.

– Судя по сказанному, моя просьба для вас сильно обременительна? – с обидой в голосе протянула я. – Но, если так, боюсь, что в занятиях не никакого смысла. Вы не сможете мне помочь, если не захотите сделать этого.

Атайрон скрестил руки на груди. Взгляд у него был тяжёлый.

– Чего вы хотите, принцесса Анжелика?

– Выжить.

– Просто – выжить?.. – насмешливо приподнял он брови.

– Выжить и остаться королевой, конечно же.

– Ну, конечно же! Как же без этого?

– Моя кандидатура на этом месте вас чем-то не устраивает?

– Мне всё равно, кто будет на вашем месте. Но раз брату вы по сердцу, я постараюсь сделать всё, что смогу, чтобы ему помочь. Я повторю свой вопрос: какой помощи вы хотите дожидаться от меня?

Я надеялась, что он сам составит рабочую программу обучения. Но нет! Всё всегда приходится делать самой. Даже на краю света, даже если свет – другой!

– Ну и?.. – вновь приподнял он бровь, подначивая меня к ответу.

– Прежде, чем мы пойдём к драконам, расскажите мне о них. И о себе. Как вы управляете этими... – Что сказать? Тварями – нельзя, зверями – не рекомендовано, чудовищами – чего доброго обидится? – Этими созданиями. Почему они подчиняются вам?

Он усмехнулся, изогнув уголок рта:

– Хотите получить волшебное заклинание, принцесса Анжелика?

– Да, – кивнула я уверенно.

И тут же добавила:

– Я прекрасно понимаю, что лёгких чудес не бывает даже в волшебном мире. Но ведь должен же быть какой-то секрет?

Глава 18

– Хочешь узнать секрет?

– Естественно – хочу. А он есть?

– Не знаю, секрет ли это? – едва уловимо пожал он плечами. –

Одни люди умеют нравиться другим людям, у других это не получается. Есть ли тут секрет? Или везение? Или врождённый дар.

– Всего по чуть-чуть. Но, следуя определённым правилам произвести благоприятное впечатление всё же проще.

– Выходит, моя задача обрисовать правила, что позволят тебе понравиться дракону?

– Желательно не в гастрономическом плане, – кивнула я. – А мы тут, в кузнице будем беседовать?

– Вас чем-то не устраивает место встречи?

– Я хотела бы пройти к драконам.

– Зачем? – всё с той же насмешливой интонацией проговорил Атайрон. – Полагаете, что рядом с самими драконами дело пойдёт успешнее?

– Да, – с некоторым раздражением в голосе ответила я. – Возможно, если я стану их почаще навещать, мы привыкнем друг к другу? Они станут менее агрессивными.

– Тебе не нужны «они». Речь ведь идёт только о Молнии. Хорошо. Идём, если хочешь.

С замиранием сердца я в очередной раз вошла в огромный... чуть было не сказала «ангар».

Драконье Логово впечатляло габаритами. Я думала, всё дело в том, что в прошлый раз темнота скрадывала истинные масштабы строения, оставляя многое на откуп воображению. Но и при свете дня помещение не стало меньше.

Страшно стало ещё у двери. Хотя само слово «страшно» как-то не дотягивает до тех ощущений, что я испытывала в тот момент. Даже к большой собаке, гуляющей без поводка и намордника, подходить страшно, а если она ещё зубы оскалит...

Тут была не собака. И это... создание...

Нет, не так!

Эти создания при моём появлении развернули в мою сторону огромные зубастые морды, оскалившись, словно горгульи, так, что острые шипастые гребни на их затылках, встали дыбом, будто иголки у ежа.

– Они меня не любят, – я старалась за коротким смешком скрыть своё смятение.

– Они чувствуют твой страх и твою уязвимость, принцесса, – спокойно возразил Атайрон и на сей раз привычная насмешливость не прозвучала в его голосе. – Я тоже. Ты сама не веришь в то, что можешь достичь цели, поэтому, скорее всего никогда её не достигнешь.

– Что поделать? Фирмой-производителем не установлено кнопки «включить режим самоуверенности на полную мощность».

– Я не очень хорошо понял, что ты сейчас сказала. Но это и неважно. Взгляни на них.

– На драконов?

Глупый вопрос. Ну, не стены же Атайрон предлагал мне созерцать.

– Ты даже смотреть на них боишься?

Отрицать это было бессмысленно.

– Почему? – искренне удивился Атайрон, скрещивая руки на груди. – Как будто, если ты не видишь опасности, она перестаёт быть реальностью?

– Что-то в этом есть.

– Когда зверь не готов принять бой, он старается не смотреть в глаза противнику. Этим он как бы заранее признаёт своё поражение. Люди – такие же звери. Не можешь смотреть на них – значит, всё остальное вообще бессмысленно.

Он был прав. С этим глупо спорить.

подавив вздох, я заставила себя смотреть. Боже, какие же они страшные. И у них реально красные глаза! Во тьме они горят, как угли. Интересно, в каком спектре эти твари видят?

Ладно, не твари, Ангелина – создания. А ты в этом мире Анжелика. И хорошо ещё, если не Тайима. Привыкай. Учись. Смиряться.

Ты ведь не хочешь закончить как Эденсун? И как три другие до неё.

Но, возможно, придётся.

Что там говорила добрая свекровушка? Нужно полюбить этот огромно-бронировано-шипасто-клыкасто-пламя-извергающий ужас.

Словно дожидаясь конца моей мысли, Злой Рок, пригнув узкую змеиную голову на длинной шее изверг из своей глотки дикий рёв, заставивший пол под ногами дрогнуть. Пламя от меня отвернулось, свернувшись на полу, словно кошка. По его мнению, на меня что, даже время тратить не стоило? Я настолько безнадёжна?

А Молния смотрела на меня, не моргая. На фоне двух драконов она казалась меньше размерами и была изящнее, если данное сравнение вообще уместно при тех размерах, что имели крылатые змеи.

На моей памяти, в отличие от того же Злого Рока, она почти и не рычала. Но на её «совести» было три съеденные принцессы. Прямо скажем – сложный питомец. И как найти к такому подход?

– Можешь определить, кто из них Молния? – с искренним любопытством спросил Атайрон.

Не отвечая, я сделала несколько шагов в её сторону.

Дракониха чуть повернула голову на длинной шее, приподнимая её от лап. Она смотрела мне прямо в глаза. И взгляд её, как у каждой змеи, был снулый. И в тоже время, свирепый.

– Это Молния. Вот тот, огромный – Пламя. А чёрный – это Злой Рок.

– Твои предшественницы даже не могли их различать, – в голосе Атайрона словно бы слышалось одобрение? – Когда ты смотришь на них, что ты видишь?

– Свою возможную смерть, – словно через силу проговорила я.

– А я вижу красоту и мощь. Они прекрасны и совершенны. И уязвимы.

Я бросила удивлённый взгляд на Чернокнижника. Он это серьёзно? Уязвимы?!

– Но ты же сам только что сказал, что они воплощённая мощь и сила. Как же тогда они могут быть уязвимыми?

– Увы! Но перед человеческой подлостью бессильны даже такие мощные создания. Вы же ненавидите их, правда? Если бы ты разом могла уничтожить их, дышалось бы легче?

Нет. Вот правда – нет.

– Я вовсе не хочу их уничтожать! – возмутилась я. – Они уникальны и мне хватает разума это понять. За то, что происходит, я виню вас, а не драконов.

– В이니шь нас? – чёрные глаза Атайрона вспыхнули, широко распахнувшись. – Как ты смеешь?

– Я не смею. Я это делаю глубоко в душе. И даже против своей воли – но, да! Я не понимаю. Неужели жизнь ещё не рождённых драконов стоит дороже человеческой?

– В моих глазах – несомненно. С чего бы человеческой жизни иметь какую-то особенную ценность? Людей так много, а драконов в мире всего только три. И в своей огненной мощи они чисты. А люди – тупое, лицемерное стадо.

– Ясно, – я понимала, что тему нужно сменить, потому что к взаимопониманию мы всё равно не придём. – Легко приносить в жертву других, правда?

– По-твоему, у нас с Эвилем был другой путь? Чтобы оседлать дракона нет готовых рецептов, Анжелика. Каждый проходит свою дорогу сам. Учится это делать. И я, и мой брат точно так же вставали напротив них и смотрели в их красные глаза, как это сделали менее удачливые дамы. Эвил не требует от своих избранниц того, чего не сделал сам.

– Почему именно Эвил?

– Что?.. Я не совсем понял твой вопрос?

– Ведь драконов теперь два? Почему именно жена Эвила должна стать всадницей?

Какое-то время Атайрон, хмурясь, смотрел на меня, а потом тихо рассмеялся:

– Мне показалось, или ты просила меня о помощи? Но ты по-прежнему продолжаешь искать лазейку?

– Это не ответ на мой вопрос.

– Нет. Но видишь ли, когда мы начали эту историю, Пламя считался погибшим, а Злой Рок принадлежал Эвилу. У меня дракона не было.

– Но ты ведь старший брат? И дракон должен был принадлежать тебе?

– Драконы – наследие моей матери. Она решила, что Злой Рок достанется тому, кому надлежит править миром. А ваш покорный

слуга всего лишь ночной шептун.

– Ночной шептун?

– Так ведь зовут таких как я в ваших краях, принцесса?

– Я не знаю.

– Твоя потеря памяти разве не удобная уловка?

– Раз ты ночной шептун, поколдуй, и узнай ответ на свой вопрос, – подначивала я его.

– Возможно так и сделаю, когда других дел не останется и от скуки заняться больше будет нечем.

Странно, но драконы словно бы перестали обращать на нас внимание и вели себя как задремавший кошки.

Лишь Молния по-прежнему не сводила с меня алых глаз.

Мой жуткий ценный приз.

– Почему ваша мать отдала Злого Рока Эвилу? Он – её любимчик? – с лёгкой долей иронии поинтересовалась я.

– Да. Всегда им был. Он – младший. Он сын мужчины, которого она любила. Но Злой Рок достался ему не столько поэтому, сколько потому, что я могу постоять за себя и без драконов. И мне не интересно завоёвывать мир. У меня всё равно нет законных прав на корону, а узурпировать власть?.. Я слишком люблю свободу.

– Но у драконов есть не только пламя, но и крылья. Тем, кто любит свободу, они к лицу.

Атайрон на мою реплику улыбнулся. Улыбка вышла непонятная – тонкая, едва уловимая и скорее грустная, чем саркастичная.

– Вы пытаетесь мне льстить, принцесса Анжелика?

– Нет, – отрицательно мотнула я головой. – Всего лишь пытаюсь произвести впечатление тонкими метафорами.

– Вы куда больше впечатлите меня, если подойдёте к своей драконихе.

– Я и сама тогда буду весьма впечатлена. Но сыпать метафорами куда легче. Метафоры, в отличие от драконов, тебя не съедят.

– Это да. Но мы тут с определённой целью, не так ли? Давайте, Анжелика. Смелее.

Я в волнении облизнула пересохшие от страха губы и повторила вопрос:

– А если она на меня набросится?

– Значит, всё будет плохо.

– Вы сможете её остановить? Ну, если всё пойдёт плохо? – с надеждой взглянула я на Атайрона.

– Вам правду или ободряющий вариант?

Поколебавшись, я выбрала:

– Правду.

– Нет. Не смогу, – ласково прошелестел он, явно получая удовольствие от садистски прозвучавших слов. – Ничто не может сдерживать дракона. Кроме смерти.

– Даже Чернокнижник?

– Драконы поглощают магию так же легко, как изрыгают огонь.

Очень ободряющие слова! Не правильный я выбор сделала.

– Ну так? Подойдёшь или нет? – продолжал подначивать он.

Драконы, огромные, как... в общем, большие, разбрелись по помещению, в котором им было достаточно место и выглядели довольно мирными. Для монструальных чудовищ, конечно. И можно было легко обмануть себя тем, что при таких габаритах они вряд ли достаточно подвижны...

Только я видела, как быстро они двигаются.

– Она либо откусит вам голову, либо нет, – сверкнули в злой усмешке ровные зубы проклятого Чернокнижника. – А вы либо будете пытаться, либо нет. Мы теряем время.

– Есть хоть что-то – ну, хоть какая-то зацепка, что может помочь?

– На самом деле – да, – улыбка словно стекла с его лица, и оно вновь сделалось холодным, отрешённым и капельку грустным.

Это выражение я неоднократно подмечала и у Эвила.

– Какая-то неуловимая мелочь? – как могла, старалась подтолкнуть его к ответу я.

В наводящих вопросах мы, педагоги, сильны. Нужно будет не бросать оправдывающие себя долгие годы методику.

– Я бы не назвал это мелочью. На самом деле это очень важно. Без этого ничего не получится.

И тут я вся обратилась в слух.

– Моя мать пыталась тебе это рассказать, правд, своеобразно и своими словами...

И откуда он знает, что говорила мне его мать? Видимо, одна из девушек в моём окружении шпионит. Или просто много болтает? Нужно будет вести себя осторожней. Хотя, с одной стороны, я не

делаю ничего такого, что следует держать в тайне, с другой – у меня не настолько изворотливый мозг. Никогда не знаешь, какую информацию типы, вроде Чернокнижника, могут использовать против тебя.

А он, тем временем, продолжал развивать мысль:

– Она называет это любовью, кто-то – взаимопониманием. На самом деле самое важное – это контакт.

– Контакты бывают разными. Физический, эмоциональный...

– Ментальный. Перед тем, как протянуть руку к дракону, загляни ему в глаза, пристально, как всматриваются в танцующее на фитильке пламя. И если в этом пламени ты сумеешь разглядеть хоть что-то, если гул в твоей крови обретёт образы – возможно, вы и поладите.

– Образы?.. Что значит – образы? – уточнила я, волнуясь, боясь, что пойму что-то неправильно.

– Вся жизнь вокруг это язык символов, что мы читаем. Ты можешь не знать чужого языка, но человек думая про траву, будет мысленно думать её. Мы видим духовный мир мыслеформами. Ты можешь не знать, как иностранец обозначает звёзды, небо или солнце, но, будь уверена, загляни ты в его мысли, ты увидишь их почти такими, как думаешь о них сама. Загляни в глаза дракону, Анжелика, и мы поймём имеет ли смысл идти дальше.

Вот оно значит, что? Ментальный контакт?

Отчего-то в памяти всплыл кадр из второго сезона «Игры престолов», где маленькие украденные дракончики что-то щебечут, глядя в глаза своей матери, словно обмениваются мыслями, а потом она шепчет им «Дракарис».

Следом за воспоминанием промелькнула мысль, что, судя по всему, остальным претендентам на вакантное место всадниц эту информацию не давали. Ну, может быть, за исключением Эденсун?

– Они знали?

Атайрон, не спускавший с меня внимательного взгляда, без слов понял мой вопрос и так же безмолвно ответил, покачав головой.

– Почему?!

– Станный ты задаёшь вопросы. Ты не помнишь, как именно погибли Санисторы? Ах, да! – с иронией протянул он. – Ты ведь очень кстати утратила память. Как удобно!

– Если думаешь, что я лгу...

– Ты не лжёшь. Я знаю. И впредь, если хочешь получать ответы на свои вопросы ко мне, не перебивай. Или мы поставим на этом точку.

Атайрон не повысил голос, и темп речи его остался прежним. Он не гневался. Просто предупреждал. Но было понятно сразу, что предупреждениям его лучше внять.

– С деда Эвила живьём сняли кожу. А перед этим его заковали в зачарованные цепи, блокирующие магию и заставили смотреть, как одного за другим насилуют его жену и детей, расчленяют, жгут и калечат. Спасти удалось только Анахтарону, и то, только потому, что его кормилица успела сбежать, выдав его за собственного ребёнка. К счастью для уцелевшего, её родной ребёнок погиб, и его выдали за принца, в то время, как самому принцу удалось уцелеть. Ему были три с половиной года. И он вместе с другими челядинцами стоял и смотрел на происходящее. Те из придворных или слуг, кто хотя бы выражением лица выдавал сочувствие павшим, разделяли судьбу своих господ. Ты, наверное, думаешь, зачем я говорю это в ответ на твой вопрос? Принцессы принадлежали к тем домам, кто стоял за убийством царской династии.

– Но ведь они сами никого не убивали?

Я понимала, что мы вряд ли сойдёмся в оценке произошедшего.

– Верно. На руках девушек не было крови младенцев, женщин и детей того рокового дня. А насчёт невинности?.. У порочных родителей не бывает невинных детей. У жестоких не рождаются милосердные; у блудливых – целомудренные; глупец не породит мудреца. Небо рождает облака, костёр – сноп огненных искр; океан и ветер зачинают бурю. От подобного родится подобное.

– И всё же, если совершил преступление один, разве правильно заставлять расплачиваться другого? – стояла я на своём, почти задыхаясь от возмущения, которому опасалась дать выход.

– Дед одной и отцы двух других живы. Так что они сполна испили чашу страданий и унижений. Отец Анахтарона ничего не мог сделать, потому что был скован по рукам и ногам, но эти подлецы и трусы отдали своих дочерей на растерзание, лишь бы спасти свои престарелые смердящие туши, чадить на этой земле ещё немного.

– Отцы-то живы, погибли девушки. Вы считаете это справедливым, принц?

– Мы нормально общались на «ты», и я не принц. А что касается девушек? Дети Санисторов тоже были невинны, разве это спасло их? Нет. Их смерть была куда более длительной и мучительной, чем смерть невест Эвила. Единственное, что они успели почувствовать это страх. Огонь дракона оплавляет камни и заставляет железо течь ручьем, человеческая же плоть в секунду обращается в пепел, жизнь покидает тело очень быстро.

– Помоги нам всем, Господи! – невольно выдохнула я. – Всё гораздо хуже, чем я думала. Вы не просто ищете всадницу – вы мстите?

– Разве изначально ты думала иначе, принцесса? – вновь скреживая руки на груди, с усмешкой спросил Атайрон.

– Нет. Я считала все эти свадьбы мстью.

– Так и есть.

– Я тоже обречена?

– Брат не желает твоей смерти. Как он не желал её и для Эденсун. Когда мы поняли, что она не слышит драконов, ей разрешили не участвовать в Ритуале. С ней его игра в милосердие закончилась очень скверно. Посмотрим, что получится с тобой.

– Ты не одобряешь его решения?

– Мне всё равно. Если брат хочет тебя видеть рядом с собой, пусть попытается. Мсть мстью, а драконихе нужна всадница. Ты вроде как не глупа, спокойного нрава, молода и красива. Ты подходишь по всем параметрам и пришлась ему по сердцу. Так что, сможешь взять это приз – бери. Я тебе не противник.

– Но и не помощник?

– Только глупцы ждут помощи. Никто кроме родителей не станет помогать безвозмездно. За помощь потребуется расплата, и самой высокой оказывается та цена, что не оглашается заранее. Я не оказываю дешёвых услуг. Чем ты можешь со мной расплатиться, невеста моего брата?

У него был тяжёлый, холодный и острый взгляд. И я отвернулась, не желая продолжать этот неприятный для меня и кажущийся опасным, разговор.

Что ж? Наша встреча оправдала себя. Я узнала то, зачем пришла – суть. Чтобы управлять драконом, нужно научиться слышать его. И убедиться в том, что он слышит тебя.

Пора перейти от теории к практике, без последней, как всем широко известно, любая наука мертва.

Осторожно, стараясь не делать резких движения, я направилась к Молнии. Дракониha медленно открыла глаза и, даже не удосужившись поднять голову, просто повернула её в мою сторону. Несмотря на то, что из троих драконов она была самой маленькой, её глаза были на уровне выше моего роста, даже когда морда лежала на полу.

Я сделала скользящий шаг вперёд – она не шевельнулась.

Ещё шаг – ноздри гневно затрепетали.

Упрямо, с колотящимся в горле сердце – ещё шажок. Дракониha напрягла шею и злобно фыркнула, всем видом показывая, что не радуется моей затее сблизиться.

«Смотри ей в глаза, – скомандовала я самой себе. – Смотри в глаза, стараясь увидеть образы, как в пламени».

Вертикальный узкий зрачок, как чёрное зеркало, в котором я могла видеть собственное искажённое отражение в полный рост. Эти ворота во мрак плавали будто в крови – сами глаза были алыми.

Дракон задвигал губами, обнажая острые, как у белой акулы, зубы.

«Смотри в глаза», – снова велела я себе.

Я не надеялась увидеть в этой чёрной воронке ничего, кроме тьмы, в которой плавал мой отражённый двойник. Но с удивлением поняла, что вижу что-то ещё – расцветающее огненный цветком пламя, распадающееся на лепестки.

Я моргнула, стараясь развеять глюк (или морок), но вместо того, чтобы исчезнуть, тени уплотнились.

Видение было нечётким и неясным, как будто я смотрела сквозь пламя или мутное стекло. Но я видела арену, толпу людей за кругом и тонкую девичью фигурку, неподвижно стоявшую посреди арены.

Медленно, словно преодолевая себя, девушка шагнула ко мне ближе. А потом я увидела, как когтистая драконья лапа опускается сверху на хрупкое человеческое тело. Во-второй раз девушка бросилась бежать, и я увидела, как мощные драконьи челюсти смыкаются на её шее, а голова исчезает в крокодильей острозубой пасти.

Лишь в третий раз это было пламя. Но каждый раз кроваво, жестоко и яростно.

Именно это ощутила я всей кожей – опаляющую дикую ярость. «Как вы посмели, жалкие букашки? Кто вы такие? Простые смертные?!», – в уши ударило злое рычание. И я увидела, что уже не в видении, а наяву надо мной распахивается пасть, а в глубине её сверкает синее пламя.

Чисто интуитивно я закрылась рукой, толком действительно даже не успев испугаться. На меня подуло жаром, как из распахнутой печи огромных размеров.

Тут и сказочке конец? Я что, даже до Ритуала не доживу?

Интересно, я очнусь сейчас в своём мире? Или где-то в третьем? Или – нигде?..

Меня сбило с ног, швырнуло на пол и придавило чем-то тяжёлым. Потом смешно было вспоминать, но в первый момент я подумала, что это драконья лапа и что, оказывается, это не так страшно.

Но на самом деле было страшно. С ног меня сбил Атайрон, прикрыв собственным телом, а поверх ещё и магическим голубым щитом. А над нами неслось горячее пламя, растекаясь по земляному полу.

Два других дракона дико взвыли.

Пламя, рванувшись к Молнии, ударил по ней крылом. Молния ощерилась, припадая на лапы и завопила. Вторым ударом огромный дракон опрокинул драконицу на спину и навис над ней сверху, раскрывая огненную пасть.

– Нет!!! – завопила уже я, отталкивая от себя Атайрона. – Останови его! Он сейчас её прикончит!

Молния, конечно, та ещё сучка! Чуть живьём меня не сожгла. Трудный питомец, но это мой питомец, и я не намерена смотреть, как её разорвут у меня на глазах.

К моему удивлению, Атайрон мгновенно с меня скатился, убирая свой магический щит из синей сферы. Сразу стало очень жарко. Изрыгнутое Молнией пламя разом повысило температуру вокруг градусов на десять, а может быть, даже на пятнадцать. Дышалось с трудом.

И это она сделала только один раз?! А если дыхнёт ещё раз парочку? Тут всё в головёшки обратится?

Молния гневно верещала (или клекотала?). Звук был весьма специфический.

Пламя был раза в полтора больше своей противницы. Его сложенные вниз и опущенные крылья как копьём прибили её раскрытые перепончатые конечности, одна из лап наступала ей на грудь.

– Отпусти! – рявкнула я на него, словно он был зарвавшимся хулиганом, осмелившимся учинить драку прямо у меня на уроке. – Отпусти немедленно! Слышишь?!

Мне казалось, он смотрел прямо на меня. Но потом поняла, что взгляд Пламени устремлён мне за спину, на того, в ком он успел признать хозяина.

Драконья морда повернулась в сторону отчаянно верещавшей под его массивной тушей драконихи. Он почти уткнулся ей в шею и помещением содрогнулось (в прямом смысле слова) от его угрожающего рёва.

Молния затихла, то ли испуганная, то ли обиженная, а может, и то, и другое – сразу. Она перевернулась со спины на лапы и мне показалось, что она приволакивает одно крыло. Движимая желанием убедиться, что с неё всё в порядке и она не пострадала, я кинулась к крылу, проведя по нему рукой.

Горячее, шероховатое...

И только увидев удивлённый и возмущённый красный глаз я поняла, что вновь пересекла черту и затаила дыхание.

Глаз моргнул. Пасть пока не открывалась.

Не знаю, что тому причиной – заценила ли привередливая драконица глубину моего сердца, способного на импульсивное сострадание вперёд здравых рассуждений; решила ли, что продолжать открытый конфликт рядом с превосходящими силами противника себе дороже, но она снесла обиду. И никак не отреагировала на прикосновение.

Разве что фыркнула разок, но фырканье вышло какое-то невыразительное. Словно дама сама пока не решила, что хочет им сказать.

Пламя вернулся в свой укромный уголок.

А Злой Рок вообще молодец. Он в разборки товарищей и не думал вмешиваться. Скорее всего потому, что его любимого всадника тут не было, и ему ничто не угрожало? А может он от природы более миролюбивый?

– Что ж? Думаю, на сегодня достаточно, – кивнул Атайрон.

И больше ничего не добавил. Я хотела бы, чтобы меня похвалили. Ну, или хотя бы устроили работу над ошибками.

Ну, от таких сухарей разве дождёшься доброго слова? Ну, и пусть молчит. Я-то знаю, что я умница. И рано или поздно у меня получится.

Обязательно получится!

Глава 19

Я без преувеличений чувствовала себя окрылённой. Мне не терпелось дождаться вечера и поделиться с Эвилом своим успехом. Может быть, я и не смогла укротить дракона, но, определённо, в наших с Молнией отношениях что-то начало складываться.

Я смогла её почувствовать, смогла понять. И пусть в тех картинках, что дракониха мне транслировала, не было ничего особенного утешительного (откровенно говоря, ничего, кроме угроз, не было), для меня важен был сам факт – я её поняла.

Я смогла увидеть такое, во что ещё вчера никогда бы не поверила. Нет, я не гордилась собой, это было совсем другое чувство. Так чувствуешь себя при решении задачи, что долго не поддавалась; когда вникнешь в сам ход решения. Тогда и цифры, и процесс, сделавшись понятными, доставляют удовольствие, а не мучительную головную боль.

Бывают моменты, когда ты веришь до такой степени, что тебе кажется, что это и не вера вовсе, а знание. У меня получится.

Я с особенной тщательностью готовилась к сегодняшней встрече. Мне хотелось быть красивой. Я хотела, чтобы мой муж рядом со мной был счастлив и доволен.

Когда он не появился в свой привычный час, я оказалась ошарашенной этим фактом. Это изрядно подпортило мне настроение. Несколько раз меня так и подмывало послать к нему служанку и узнать, намерен ли он посетить сегодня свою жену. Но, памятуя о законах востока, всё же не решилась, боясь нарушить не известные мне до конца правила.

Всё же Эвил пришёл. Хоть и позже назначенного часа. В первый момент он показался мне грустным и расстроенным, потом – уставшим. Мне хотелось поговорить, но его явно больше разговоров привлекали любовные ласки. И хотя мысли мои были далеки от любовных утех (как и всегда, когда голова или сердце слишком сильно заняты какой-то одной мыслью), я не посмела возразить или проявить неудовольствие.

О чём, в итоге, вовсе и не пожалела. Эвил всегда был страстен, горяч и в его объятиях сложно было «думать об Англии». Да я и не пыталась.

И всё же я чувствовала, что и его мысли заняты чем-то, что довлеет над ним не меньше, чем надо мной мои драконы. И хотя я планировала говорить о своих интересах, всё же решила, что будет лучше выслушать о его тревогах. Тем более, что мне на самом деле было интересно.

– Как прошёл день, любовь моя? – спросила я, пристраивая отяжелевшую после любовного томления голову к нему плечо и с радостью чувствуя, как он в ответ погладил меня по голове.

– Он прошёл. И теперь пришло время отдохнуть от дневных забот. В твоих нежных руках так легко забыть обо всём. Твой голос околдовывает, убаюкивает, чарует. Твоя улыбка словно волна, смывает с души тяготы и заботы. Мне кажется, что рядом с тобой я способен забыть всё дурное. Каждый раз идя к тебе я мечтаю сжать тебя в моих объятиях и не выпускать. Ты моё сладкое наваждение, нескончаемый пир для глаз.

Я счастливо улыбалась, слушая его. Слова звучали как песня, лились искристым лучом и были полны поэзии.

– Красиво, – выдохнула я, потянувшись за его рукой.

Но про себя не могла не отметить, что он уклоняется от ответа на мой вопрос. Ласково, как милого, но неразумного ребёнка, ставит на место.

Я хотела занять другое. Но, даже сумев разглядеть в пламени драконов его предыдущих жертв, чем я была в его мире? Что я знала о своём муже? О его жизни? О том, что происходит в его жизни? Ничего!

А мужчинам нравятся нежные женщины, не помышляющие ни о власти, ни о тяготах. Последние мне были даром не нужны, но нельзя понять человека, не понимая того, что его окружает.

– Эвил, – прошептала я, прижимаясь щекой к его руке.

Его характерное лицо с резким птичьим профилем, смуглой кожей и жаркими глазами было так мало знакомо мне. Когда же успело сделать так дорого?

– Ты сегодня встречался с твоим братом?

– Да, – вздохнул мой муж, откидываясь на подушки. – Он рассказал мне о том, что тебе удалось установить контакт.

– Это ведь многое значит, правда? По крайней мере, что я на это способна, – я помолчала, удобнее устраиваясь у Эвила на плече. – А он рассказал о том, что спас мне жизнь? Гневливая Молния без его щита испепелила бы меня на месте.

– Потому я просил его быть рядом. На Атайрона всегда можно положиться.

– Ты любишь его?

– Он мой брат.

– Иногда просто братом быть мало. Я так понимаю, между вами нечто большое?

– Атайрон не просто брат. Он мой верный спутник с детских лет, друг соратник. Он был первым, кто учил меня держать меч и выполнять первое заклинание?

– Разве ты тоже можешь колдовать?

– Да. Наследие матери – чёрная магия. Она разлита в нашей с братом крови. К добру ли, к худу – но этого не отнять. Мы повязаны с братом горем и радостью. Свидетель моей жизни.

– Я тоже хочу стать для тебя другом, соратником и верным свидетелем твоей жизни, – с горячностью проговорила я.

Эвил засмеялся и смех его был лёгким и тёплым, как морская волна в знойный день:

– К брату меня ревнуешь?

Я улыбнулась в ответ.

Нет, к брату я Эвила не ревновала. Но мне хотелось как можно туже обвиться вокруг моего мужа, войти в его плоть и кровь, стать частью его жизни. Жаркие ночи – это ещё не всё. Это лишь первая ступень. И если не шагнуть на следующую, я могу проиграть.

Вновь перевернув меня на спину, мой возлюбленный супруг навис надо мной, навалившись приятной тяжестью.

– Как давно я ни с кем не чувствовал себя так легко, – поцеловал он меня с нежностью. – Откуда ты такая только взялась?

Я ничего особенного в себе никогда не находила. Даже то тело, что он сейчас ласкал, принадлежало другой.

Но... настоящая принцесса Анжелика сама сбежала. А я, видя нежность и страсть в его глазах чувствовала себя достойной того и

другого. Я чувствовала себя любимой и желанной и это дарило крылья, как ничто другое.

Никакой успех в жизни не даёт женщине такого наслаждения, как уверенность в мужской любви. Это неиссякаемый источник силы, как я успела недавно узнать.

С нежностью прикасаясь к нему в ответ – к его рукам, плечам, груди, бугрящейся тугими мышцами, я чувствовала, как меня переполняют эмоции.

– Откуда я взялась? – медленно проговорила я, глядя в его жгучие, жаркие глаза. – Ты даже не представляешь, из какого далека! Я здесь только ради тебя, любовь моя. Сошла к тебе со звёзд, пришла из других миров, из другого пространства и времени, сквозь расстояние, которого сама не могу постичь. Наверное, так было суждено – нам быть вместе. Я вся твоя – душой и телом. Мои губы существуют, чтобы произносить твоё имя; глаза – чтобы с любовью и тревогой следить за моим повелителем, руки тянутся, чтобы обнимать твои плечи. Моё сердце бьётся, чтобы я могла дышать ради тебя. Если наступит миг, когда ты меня разлюбишь, мне больше нечего станет делать в этом мире и я рассыплюсь пеплом, в который так любят превращать ненужных тебе невест твои жуткие драконы...

Пока я говорила, он безотрывно смотрел на меня. Его взгляд обжигал и будоражил, возбуждал и поддерживал.

Но стоило мне упомянуть о драконах, пальца накрыли мои губы:

– Нет! – мотнул он головой. – Этого никогда не будет. Они тебя не тронут. Я не позволю.

И, потянувшись друг к другу, мы (в который раз за эту ночь?) слились в поцелуи. Всё отодвинулось на второй план: страхи, сомнения, гнев. Вопросы о том, почему он опоздал сегодня, о том, что будет завтра.

Здесь и сейчас значение имел только Эвил.

Я не лгала. Я правда чувствовала, что после смерти пришла именно туда, где должна была быть – к нему. Моё место здесь, рядом с ним. Именно тут был мой обетованный рай, и другого мне было не надо.

Утро вечера мудренее – гласит русская пословица.

Как насчёт мудренее – спорно, но вот грустнее совершенно определённо «да». Эвил ушёл. Причём тихо и осторожно. Я чутко сплю, но тут ничего не услышала. И в одиночестве вспомнилось, что вчера он пришёл на полтора часа позже, чем приходил обычно и что выглядел грустным. Что могло быть тому причиной? Да что угодно.

Стоило мне открыть глаза, как тут же появились и мои вездесущие служанки. По законам жанра девушкам полагалось бы быть болтливыми, но они предпочитали держать язык за зубами, заговаривая лишь затем, чтобы уточнить что-либо для себя.

Мне они не нравились. Не потому, что не справлялись со своими обязанностями или были неловкими, нерасторопными. Просто в их присутствии я чувствовала взгляд моей свекрови. Пристальный, внимательный, чуть прищуренные – насмешливый. Девушки были её людьми, а я бы предпочла обзавестись собственными.

Но пока было рано проявлять свою волю. Любой неосторожный шаг мог усугубить моё и без того не слишком определённое положение.

Не зная, чем себя занять, я отослала служанок к Хатериман с просьбой принять меня. Ведь можем же мы поболтать? У нас как никак один общий интерес точно есть. Нужно налаживать родственные связи.

Разрешение явиться пред светлые очи (на самом деле – тёмные, как безлунная ночь) было мне даровано. И я спешно выдвинулась, кружась по нескончаемому лабиринту дворца, в котором пока ещё плохо разбиралась.

После очередного поворота я едва не упала, споткнувшись о... кошку. Чёрную и гладкошёрстную.

– Ох! – непроизвольно охнула я, хватаясь за стену, чтобы восстановить равновесие.

– Осторожнее, госпожа! – Суокэ легко подхватила кошку на руки. – Это же Полночь, любимая кошка госпожи Хатериман. Как она здесь оказалась?

– Гуляет, наверное? – рискнула я предположить, не слишком озабоченная кошачьей жизнью и её неисповедимыми путями.

– Полночь – драгоценное создание её милости, госпожи Хатериман. – Большую ценность в её глазах имеют разве что её сыновья? Все относятся к ней с уважением, – склонившись, Суокэ

легко подхватила кошку с пола, нисколько не опасаясь её шипения, оскаленных клычков и вздыбленной шёрстки. – Кошка никогда не покидает покоев госпожи.

– Что ж? Если она сбежала, то ей повезло наткнуться на нас, – улыбнулась я. – Мы отнесём её обратно. Всё равно ведь туда идём?

– Подержите её, госпожа?

Суокэ протянула мне драгоценную Полночь, та зашипела на меня, вывернулась и, плюхнувшись обратно на пол, припустила бегом куда-то в полумрак комнат. Я, недолго думая, рванулась за ней.

– Кошка, стой!

Ну и куда мне драконов укрощать, если от меня обычный кот удрал?!

– Вернись немедленно!

Но чёрный хвост лишь быстрее замелькал впереди, подпрыгивая вверх и вниз вместе со своей норовистой владелицей. Плохое начало дружбы со свекровью. Мне велено упрямую мяуську уважать, и если я её потеряю, взаимопониманию между мной и Хатериман это вряд ли поспособствует.

– Стой, паршивка ты такая!

Пышная юбка противно путалась в ногах, мешая мне бежать. Я её потеряла! Как меня где-то на переходах потеряла Суокэ.

– Полночь! – позвала я.

И, к моему удивлению, на мой зов откликнулись:

«Мяу!».

Вредина отзывалась откуда-то из-за стены.

– Полночь! – позвала я снова.

В ответ получив очередной «мяв».

Пытаясь сообразить, каким образом кошка могла вещать внутри стены, я наткнулась взглядом на чёрное слуховое или вентиляционное окошко, темнеющее провалом в полуметре над моей головой.

Вот пушистая гадость! И как её теперь оттуда вытащить? Может, если позвать поласковой, кошечка сама выпрыгнет из своей темницы.

–Кс-с, кс-с, кс-с!

– Мяв!

Продолжился наш диалог без особого смысла, но полный эмоций.

Стены в этой части дворца были выложены огромными облицованными кирпичами. Они были довольно грубо сколочены и

словно бы не слишком сильно пригнаны друг к другу, между большими камнями были выступы, за которые легко казалось ухватиться.

Не знаю, что я пыталась сделать, хватаясь то за один кирпич, то за другой. Может, надеялась подтянуться и, заглянув внутрь слухового окошка, дотянуться до свекровиной любимицы?

Пальцы, ухватившись за один из кирпичей наверху, вдруг соскользнули, кирпич сдвинулся, становясь вертикально, а стена передо мной отодвинулась, открывая чёрный проход.

Ну, конечно! Очередной потайной ход? Сколько же их тут? Ладно, не моё дело. Моё дело разглядеть чёрную кошку в чёрном ходу, схватить и выбраться на свет божий обратно.

Я просунула голову вперёд – кошки не было видно.

«Мяв» – теперь доносилось откуда-то впереди. Что оставалось? Рискнуть? Тем более, что там, внутри, оказалось не так уж и темно. Из множеств маленьких окошечек ну уровне чуть выше моего роста вливался свет.

– Кс-с! Кс-с! – снова попыталась приманить я пушистую вредину, безуспешно.

Пришлось лезть за ней в кошачий лаз.

Как я и полагала, стена, сдвинувшись, встала на место. Ладно, без паники. Принцессы во дворцах не теряются. Если не найду выход отсюда – позову на помощь. Не в пустыне ж? Раз тут повсюду слуховые окошки, кто-нибудь да услышит? Без паники и вперёд за приключениями.

Внутри дворцовых стен ничего так себе. Только пыли и паутины многовато.

– Мяв! – снова позвала меня за собой кошка.

И, ободрённая, я вновь двинулась вперёд.

Неожиданно раздавшийся совсем рядом голос мужа заставил меня замедлить шаг и замереть, прислушиваясь.

– Чем ты недоволен? – в голосе Эвила явственно слышалось раздражение.

– Я думал, что ты поговоришь со мной прежде чем примешь очередное спонтанное решение.

Этой, кажется, Атайрон?

Судя по тону, братья спорили или ссорились. Уж не из-за меня ли? Очень не хотелось бы, потому что тон старшего брата, обвиняемого в чернокнижии, не обещал ничего хорошего.

– Не понимаю, чем ты недоволен?

– Думаю, что отлично понимаешь. Мы в весьма шатком положении. И твои любовные увлечения его не укрепляют.

– Мне надоели разговоры о драконах! Если они вам с матерью так дороги, почему бы самим не озаботиться их приплодом. В конце концов у тебя теперь есть свой дракон. Женись. Может быть тебе повезёт больше?

– Я сейчас говорю вовсе не об Анжелике, – терпеливо возразил Атайрон и я с облегчением тихонько выдохнула.

– А о чём же тогда? – раздражения в голосе Эвила лишь добавилось.

– О последствиях твоего прежнему увлечения.

– О чём ты?

– О вчерашней посылке от самопровозглашённого короля Эпалла, до сих пор правящего землями Розовых Песков.

Розовые Пески? Надо же, как романтично? Звучит всякой лучше Змеиных Островов.

– Слухи достигли твоих ушей?

Насмешка, прозвучавшая в словах Эвила, пропала даром. Атайрон, судя по всему, пропустил её мимо ушей.

– У меня чуткий слух, брат.

– И хорошие шпионы.

– Но ты же не думал скрыть от меня отрезанную голову посла?

– Эпалл ответит за свои действия.

– О твоих неразумных намерениях я тоже в курсе.

– Сколько времени ещё мы будем пререкаться? Не достаточно ли, брат? Я давно не ребёнок, и не нуждаюсь в том, чтобы ты меня контролировал или страховал.

– Тогда перестань вести себя как глупый мальчишка. Чистое безумие отправляться туда одному.

– Не одному. Вместе с драконом. ТО, что ты называешь безумием вполне разумное с моей точки зрения.

– Разумно?.. Это самоубийственно.

– Никакого риска. О какой опасности может идти речь, если я собираюсь предать огню врага, не опускаясь на землю.

– Не будь столь самоуверен. Самоуверенность погубила твоего отца.

– Как и твоего до этого, если верить рассказам матери. Не учи меня управляться с драконами, я оседлал первого из них в тринадцать.

– Мне не нужны были драконы.

– Ты сам похлеще любого их них.

– Не заговаривай мне зубы! Мы не закончили обсуждать твоё путешествие... ты действительно думаешь усмирить целой королевство с одним драконом?

– Не понимаю, чего ты так паникуешь. Все рады моему решению.

– Которое поспособствует – чему?..

– Тому, что никому нельзя отрубать голову моим посланцам.

– Даже если до этого ты отрубил голову дочери того, кто оказался столь... хм-м? – неблагодарным?

– Я не отрубал Эденсун голову!

– Лучше бы отрубил. Сразу. Ещё до всего, что закрутилось вокруг неё.

– Хватит! Что сделано, то сделано.

– Верно. Но ты совершаешь одну глупость за другой. А мы не имеем право этого делать. В этой игре, что вы с матерью затеяли, нельзя так часто ошибаться. Это прямая дорога к гибели.

– Они все гиены, Атайрон. Дракона им не достать.

– Вот об этом я и говорю. Нельзя недооценивать гиен, братец. А драконов уже убивали раньше. Почему бы этому не повториться в будущем?

– Чего ты от меня хочешь?

– Возьму армию.

– Рисковать флотом в это время года? Рисковать людьми? Терять время? Один я к завтрашнему вечеру вернусь домой с победой. Армия же будет балластом. Да и лишних гробов лучше избегать. Подданные и так ворчат, не будем давать им повод для очередного бунта. Иначе придётся снова заливать улицы драконьим пламенем, доказывая всем и каждому, что власть – это я.

– Ты делаешь глупость, брат.

– Если ты действительно хочешь быть властью, тебе нужно сделать три вещи: первое – послать армию в земли Розовых Песков. Назначь меня генералом, и я принесу тебе голову Эппала, как вчера тебе под ноги бросили голову посла. Второе – заставь провести Ритуал как можно скорее и реши вопрос с принцессой Анжеликой. Либо сделай её своей настоящей женой, либо похорони...

– Довольно! Аккуратнее с советами, брат! Особенно когда я их у тебя не просил! – голос Эвилла звучал, как сталь во время боя.

– И третье, – словно не слыша его, продолжил Атайрон. – Ты должен стать отцом. Пока у тебя нет наследников, ты не король. А пока ты не упрочил своего положения, над всеми нами висит угроза смерти. Хочешь стабильности и уверенности – нужно действовать решительнее и беспощаднее, брат.

– Решительнее и беспощаднее, говоришь?

– Да. Но при этом – осторожней.

– Я услышал твои слова.

– И?..

– Я сам полечу к Розовым Пескам. И мой дракон откусит голову Эппала в назидание остальным бунтовщикам.

– Ты глупец!

– Не забывайся! Ты слишком фамильярен. Хочешь, чтобы другие считались со мной? Так считайся сам. Я не только твой брат, Атайрон. Я – твой король.

– Даже так? – в голосе Атайрона звучали злость и горечь одновременно. – Простите, ваше величество, Я забылся. Надеюсь, челом бить в пол, чтобы вымолить ваше прощение за мою заботу вы меня не заставите?

– Пока обойдёмся без этого. Но впредь...

Эвилл не договорил. Я услышала удаляющиеся шаги.

Глава 20

Свыкшиеся с полумраком глаза различили очертания наглой беглянки, вылизывающей заднюю лапу в паре метров от меня. Стоило шевельнуться, кошка блеснула зловещей зеленью глаз в мою сторону. «Кс-кать» я больше не стала, красться – себе дороже, просто двинулась в её сторону.

Презрительно и оптимистично задрав хвост трубой «мадам» двинулась дальше. Матерясь про себя, я вынужденно следовала за ней. Стоило прибавить шаг, подлючка сделала бы тоже самое. И ещё неизвестно куда бы юркнула.

Через пару десятков шагов в лицо подул ветерок. Повернув голову, я обнаружила, что на пару шагов впереди свет падает не под углом – сверху, а словно бы со стороны.

Осторожно я продвинулась вперёд.

– Мяв! – кошка мягкой мордочкой потёрлась о мои ноги, незаметно ко мне подкатившись.

– Ах ты, хитрюга! – я подхватила её на руки без малейшего сопротивления. – Ты специально меня сюда вела? Ну, давай посмотрим, что тут у нас?

Проход был узкий, тучному человеку не протиснуться, крупному – только бочком, и эту трещину-щель в каменной стене затянуло плетущемся плющом, словно занавеской, сквозь которую мы с кошкой проскользнули легко, как шёлковая нить в игольное ушко.

И оказались в очень странном, уединённом, красивом месте. Со всех сторон меня окружали стены и камень, между которыми раскинулся дворик – словно оазис или кусочек рая на земле. Всё вокруг было зелёным – стоящий посередине огромный дуб, увитые цветами, напоминающим нашу сирень, только сирень кустарник, а эти цветы заплетались в пышные гирлянды, поднимаясь по стволу. И по стенам. То здесь, то там ветерок раскачивал пышные бледно-розовые гроздья соцветий, наполняя воздух сладкими запахами. Цветы и камни то боролись, то спорили между собой за пространство, то мирно сосуществовали, а в результате такого содружества пространство преобразилось в прелестную картину, радующую взор.

Солнечный свет ярко освещал всё вокруг, от множественный каменных выступов отбрасывалась тень. С полумрака глазам стало больно от яркого освещения.

Я сделала несколько нерешительных шагов вперёд, по плитам, между которыми лежал многолетний каменный мох.

Впереди высилось нечто вроде балкона, и я направилась к нему. Заглянув вниз, не знаю, от чего замерла больше – от ужаса или от восторга. Вверху, в полукруглые своды, светило небо, полное света, воздуха и свободы. Но стоило опустить взгляд вниз, перегнувшись через парапет...

Круглый широкий колодец, по стенам его цвели плесень и плелись плющи – не сплошной линией, клочками, словно падали, зацепились и прижились. Кольца колодца воронкой расширялись кверху, и сужались внизу.

Дна не было – вместо него пенилось синее море. Вернее, отсюда, сверху, оно смотрелось маслянисто-чёрным и жутким.

Вся красота этого места сразу поблекла в моих глазах. Я не экстрасенс, но... несмотря на всю красоту, от этого места веяло жутью. От его тишины, которое морской гул внизу лишь подчёркивал, от лёгкого покачивания цветущих растений и даже от сладковатого запаха, в котором мне мерещился оттенок падали.

Подняв голову, я увидела между собой и небом металлическую ажурную решётку. И поняла, что хочу уйти отсюда прямо сейчас.

Сделав несколько шагов назад, попятившись, уткнулась в мягкое препятствие и, не оборачиваясь, почему-то поняла, что это Атайрон.

– Что ты здесь делаешь? – требовательно прозвучал вопрос.

Повернувшись к нему лицом, я продемонстрировала Полночь, которая спокойно и безмятежно продолжала мурчать у меня на руках, щуря загадочные зелёные глаза.

– Ловлю кошку. Вернее, ловила. Потому что успела поймать.

– Это место не для непосвящённых.

– Кошка, видимо, в курсе, – пожалала я плечами. – Заодно теперь и я. Меня убьют, чтобы тайна не просочилась?

Я говорила не всерьёз, естественно, стараясь свести инцидент к шутке.

– Жаль, ты не появилась раньше. Уверен, твой муж был бы рад встрече, – с сарказмом отозвался Атайрон, присаживаясь на один из

многочисленных каменных выступов.

Кажется, он ещё не отошёл от ссоры? По крайней мере выглядел очень сердитым.

Откровенно говоря, я не понимала, как относиться к Атайрону. Вернее, если уж быть совсем точной, мне было непонятно, как он сам относится ко мне. Вроде бы там, в Драконьем Логове, он с риском для жизни закрывал меня от драконьего огня. Но при встречах его нельзя было назвать дружелюбным. И те речи, что он вёл насчёт меня каждый раз – тоже.

– Что это за место? – спросила я, чтобы заполнить чем-то неприятную тишину.

– Отсюда приносят жертву морским богам, – невозмутимо кивнул он в сторону колодца.

– Тем, кто не угодил своим господам?

– Если что, не мы строили этот дворец. Так что упрёки не по адресу, принцесса.

Странно было каждый раз слышать подобное обращение. Почти каждый раз я успевала забыть о собственном статусе.

– Ты в курсе случившегося? – резковато спросил Атайрон.

– А что-то случилось? – признаваться в подслушанном мне не хотелось. Мали ли как дело повернётся?

– Эвил собирается в одиночку лететь воевать земли достославного батюшки не менее достославной Эденсун.

– Это опасно?

– Ты идиотка?! – рывкнул он на меня так, что я невольно вздрогнула, поднимая на него взгляд.

До сих пор никто не осмеливался повесить на меня голос. Да и в прежней моей жизни подобное случалось не часто. Я предпочитала общение с воспитанными, неглупыми людьми, которые редко выясняют отношения на повышенных тонах.

Для меня умение человека держать себя в руках многое значит. Тут я всегда расходилась в оценке с моими современниками: для меня крик и повышение голоса не показатель глубины чувств или статуса, он всегда ставит человека в моих глазах на несколько ступеней ниже, чем тот стоял до этого.

По моему глубочайшему убеждению, человек кричит от бессилия и страха – всегда. Счастливые исключения составляют глупцы – тем

просто нравится громыхать по поводу и без повода, они общаются криком. Но эти слои населения всегда характеризовались одним кратким словом «чернь», от них многого не ждёшь.

Атайрон же представлялся мне человеком иного склада. И вот теперь – оскорбление, крик?

Видимо, всё прочитав по моему лицу, он и сам устыдился собственного порыва.

– Да, принцесса. Это не просто опасно – это смертельно опасно. В Розовых Землях умеют бороться против драконов. Нужно остановить моего брата и предотвратить его необдуманные действия.

– Вы полагаете, это в моих силах?

– Уверен в этом.

Стоит ли чувствовать себя польщённой?

– Если он не послушал вас, с чего вы думаете, что меня услышит?

– Ему ненужно вас слушать. Объявите, что готовы к Ритуалу. Это вынудит брата задержаться. Он обязан присутствовать.

Я смотрела на Чернокнижника в полной растерянности:

– Готова к Ритуалу?.. Но я не готова!

– Вы любите Эвила? Если да, если решили идти этим путём, к чему откладывать? Вам всё равно придётся это сделать. Так давайте воспользуемся этим как надёжной уловкой задержать брата от заведомо рокового шага?

Я колебалась. Да, он был в чём-то прав, и раз противостояние с Молнией всё равно неизбежно?.. Почему бы и нет?

Потому что – страшно! Одно дело, когда у тебя событие в перспективе, и совсем другое, когда уже вот-вот на носу. Но и отпускать Эвила одного бог весть куда, если это опасно?..

– Хорошо, – наступая свои страхом на горло, кивнула я. – Идёмте с Драконе Логово.

– Что? Прямо сейчас? – усмехнулся он.

– Если у меня получится оседлать Молнию наедине с вами, может быть, это и вдохновит меня на дальнейшие подвиги.

– А если не получится?

– Тогда говорить о дальнейшем бессмысленно.

Я ведь капитан-очевидность, правда?

– Только вот как быть с любимой кошкой вашей матери? Я не хочу скормить её драконам, и не хочу, чтобы она потерялась.

– Полночь не потеряется. Где бы она ни была, но к матери всегда найдёт дорогу. Однако, чтобы угодить вам...

Лёгкий щелчок пальцами и в одной из стен стало образовываться нечто вроде портала. Как будто две параллельные плоскости накладывались друг на друга, образуя нечто весьма странное и причудливое, напоминающее перемещение чёрной дыры в пространстве. Видимо, для кошки это было не в новинку и не в диковинку. Боднув мне в ноги и в последний раз на сегодня мявкнув мне на прощание, она неторопливо направилась прямо в черноту-червоточину в центре вращающегося и искажающегося нечто. И её словно засосало внутрь. В лицо мне ударило ветром и холодом, и всё исчезло.

– Где она теперь? – ошарашенно спросила я.

– В комнате матери, рискну предположить. Теперь мы можем идти?

– Так же, как полночь? Через Кротовую Нору?

– Кротовую Нору? В первый раз слышу, чтобы Порталы так называли. И – нет, я не могу построить Портал в Драконье Логово. Вернее, могу, но не стану.

– Почему? – я спросила, потому что он ждал этого вопроса

– Это рискованно, – прозвучало в ответ. – Драконы – порождение магии и они, подпитываясь ею, способны разрушать любые чары, поглощать их. С хозяевами в определённые моменты делиться силой, накопленной ими магии. Ты это узнаешь на своей шкурке, если всё пойдёт хорошо.

– Не совсем хорошо поняла: что значит – делиться магией?

– От рождения у тебя ведь нет магических способностей.

– Конечно, нет!

– Почему же ты так в этом уверена? Твоя бабка была сильной Тёмной ведьмой. Рискну предположить, что и тебе с этого пира что-то перепало.

«Неужели Анжелика самостоятельно устроила наш с ней обмен?», – пронеслась в моей голове мысль и тут же угасла, как отлетевшая от костра искорка.

Практической пользы в подобном знании всё равно не было. Так какой смысл об это думать?

– Но даже если ты родилась без магической искры, твоя связь с подвластным драконом её тебе даст.

– Ещё одна приятная новость?

– Мне почудилось, или в твоём голосе слышна ирония? Да, предполагалась приятной.

– Пусть тогда будет так.

Мы без приключений добрались в уже знакомое место. Странно, но на этот раз я не боялась. В сердце было темно и спокойно. Я просто хотела сделать это. Раз и навсегда разрешить все сомнения и противоречия. Нельзя же всё время изводить себя нерешительностью?

При нашем появлении пространство наполнилось шорохом крыльев, будто тысячи летучих мышей взвились в воздух. Драконы, все трое, как и в прошлый раз, словно поделив помещение между собой, находились в разных частях «арены», предназначенной им служить домом. Молния была приметна и отличима от остальных за счёт своих изящных размеров. Она была меньше, легче, подвижнее.

Стоило мне войти, как её алые глаза сразу же обратились в мою сторону. Она опустила клыкастую голову, но на сей раз не обнажила их против меня.

Просто наклонилась и глядела.

Как и в прошлый раз, я безотрывно смотрела ей в глаза, на этот раз пытаюсь транслировать свои мысли, а не читать её. «Ты нужна мне, а я – тебе. Рано или поздно тебе всё равно придётся избрать всадницу. Почему бы ею не стать мне? Я буду тебе хорошим другом. Я стану заботиться о тебе и любить. Ты нужна мне, чтобы спасти жизнь человека, которого я люблю, чтобы занять подле него место. Я нужна тебе, чтобы тебе не быть одной. Ведь у твоих собратьев есть Всадники, и лишь ты одна до сих пор одинока. Давай объединим усилия? Давай разделим нашу дальнейшую жизнь на двоих? Давай будем вместе, как положено магией, породившей твой род?».

Молния не отводила взгляда и не моргала. Но никаких образов или ответных мыслей с её стороны не приходило.

Что ж? Пришлось действовать на свой страх и риск.

Когда знакомишься со зверем впервые раз, нужно протянуть ему руку – так меня учил в своё время дед. Он был ветеринаром и первоклассным конюхом. Лошади, собаки, кошки – они знакомятся, обнюхивая протянутую к ним руку. А после этого либо идут на

контакт, либо нет. Сближаться без этого со зверем всё равно, что кидаться делать обнимашки с человеком, не спросив даже его имени.

Сделав вперёд несколько робких шагов, я вытянула руку. Дальше Молния либо сделает ответный шаг, либо нет.

По счастью, она сделала.

Как в замедленной съёмке, цепenea, то ли от ужаса, то ли от восторга, я видела, как её шипастая бронированная голова склоняется ко мне. Как надо мной зависает её ноздри-прорези, откуда вырывалось горячее дыхание. Глаза, едва ли не с меря ростом, лениво прикрыты веками.

Ладонь коснулась твёрдой, как камень и гибкой, как резина, кожи у змеиных ноздрей. Сердце обмерло, заходясь в испуге, а рука уже скользила дальше.

Горячая и жёсткая кожа. Таковую, пожалуй, и дробовик бы не взял, а возможно и снайперская винтовка. Пули попросту рикошетили бы.

Даже в моём мире, в современной мне действительности, будь популяция драконов высокой, людям пришлось бы туго. Это идеальное орудие убийство. Попасть ракетами в них сложно, вертолёты далеко не так маневренны и быстры. Хотя, конечно, рядом с железным монстром любой, что из плоти, рано или поздно, проиграет.

Здесь же, в средневековом мире магии, что можно противопоставить дракону, льющему пламя с высоты?

Вести завоевания при помощи драконов, должно быть, одно удовольствие. Но вот после того, как мир будет поставлен на колени, что с ним станут делать Санисторы? Что смыслят они в экономике, политике? Что изменят они для простого народа или даже знать? Ничего! И вряд ли стремятся к этому. Они хотят власти не для других, а для себя.

И, – вдруг поняла я с грустью, – возможно, и в нашем мире, как в миллионе других, если они существует, все власть имущие гонятся лишь за удовлетворением собственных амбиций. До всех, на ком держится их трон, им мало дела.

Молния шевельнулась, распрямляя крыло. Оно, словно платформа, подошло к моим ногам. Я осторожно ступила на него, как на лифтовую платформу и меня медленно и аккуратно приподняли вверх.

Восторг и ужас продолжались. И от того, и от другого кружилась голова.

Когда крыло подошло к драконьему хребту, оставалось просто шагнуть. Что я и сделала.

Земля осталась где-то внизу, подо мной волновались тугих мускулы тела, обтянутые пластичной и жёсткой кожей.

Вспышка света сверкнула перед глазами, и материализовавшаяся цепь зазвенела у меня под ногами.

– Протяни цепь между шипами, закрепи замком, а потом пристегнись.

Я старательно и чёткой выполняла все указания. Одна часть меня ликовала, вторая – паниковала.

«Я сейчас буду летать – сама!» – пел во мне оптимист.

«Я сейчас полечу... у-у-у!», – ныл пессимист.

Занимая между ними срединную позицию, вынужденная прислушиваться к обеим голосам, я просто делала то, что мне говорил Атайрон.

Чернокнижник сам легко поднялся на Пламя.

Не знаю, что он сделал, но купол, закрывающий от нас небо, стал быстро таять. Миг и мы были уже не в помещении, а на дне огромной арены.

«Летим?», – раздался в моей голове чужой голос.

– Летим! – всё так же раскачиваясь в душе на качелях между страхом и радостью, отозвалась я.

Раздался тот самый звук, что я впервые услышала в день свадьбы на площади – рёв льва и орлиный клёкот, усиленные в сто крат, невероятно мощные.

Дракон поднялся и мир закачался внизу, упруго отталкиваясь от нас и брыкаясь, будто не желая отпускать.

– Взлетай! – заорала я зачем-то, словно, если мы не оторвёмся от земли, я потеряю всё, что имею.

Откликнувшись рёвом, в которой я уже не слышала угрозы, а лишь радостное предвкушение полёта и неведанной мощи, дракон, распахнув крылья, оттолкнулся от земли.

Зазвенела, затянувшись на моём поясе, цепь. Толчок был такой силы, что кости внутри меня словно загудели, как провода, по которым пошёл ток. Тупая боль промчалась от к рукам по позвоночнику и

обратно, в лицо волнами хлестал ветер, я почти глотала его – лёгкие едва ли не разрывались от гипервентиляции, и чтобы хоть как-то уменьшить воздушный поток, чтобы не задохнуться, я припала к спине дракона, где потоки воздуха, растревоженного ударами драконьих крыльев, были в разы слабее.

Мне мешали волосы, мешались юбки. Всё это как знамя, полоскалось вокруг меня. Если бы дракон был не такой горячий, могло быть прохладно, но...

У полёта было множество неприятных нюансов. Из-за размеров крыльев обзор был почти закрыт, мало что можно было разглядеть, лишь в просвет между крыльями, большей частью, когда они опускались или, когда Молния планировала, распластав крылья по ветру, как отдыхающий пловец, не двигающийся, а лишь лежащей на воде. Было слишком много воздуха, слишком много резких рывков и движений. Я была неопытным всадником.

Но полёт – есть полёт! Ничего подобного почувствовать человек в других условиях не может, а потому и описать это чувство... представьте, что вы разогнались на мотоцикле и оторвались от земли. Вот нечто подобно испытывала и я.

Сила дракона. Высота неба. Восторг перед тем, что я сумела это сделать. Благодарность Молнии за то, что она позволила.

Это был самый чудесный момент в моей жизни! Я была на седьмом небе от счастья.

Но на самом деле летела не высоко. Атайрон поднялся выше и двигался чуть впереди, указывая нам путь. Мы следовали за ним.

А под нами лежал город и тени от наших драконов бежали по нему, как порой бегают солнечные зайчики. Только чёрные зайчики не бывают так черны.

Дворцы в рощах и маленькие деревянные домишки нищих кварталов, дома купцов, кладбища, бордели, площади, фонтаны – все они простирались под нами и нескольких взмахов крыльев хватало, чтобы исчезали из поля зрения одни и появлялись другие. Причалы, гавани, суда, рыболовные корабли, покачивающиеся на волнах лодочки и челноки.

И снова мы проносились над городом, возвращаясь уже обратно.

Меня вновь объял страх и недаром: терять высоту в жизни даже страшнее, чем набирать её.

Глава 21

В очередной раз прорезав пространство характерным воинственным драконьим клёкотом, Пламя и Молния начали снижаться. Логово сверху, когда удавалось глянуть вниз, смотрелся очередным чёрным провалом и как-то с трудом верилось, что такие большие драконы смогут проскользнуть в такое маленькое узенькое пространство!

Но они проскользнули – вошли как по маслу. И то чувство триумфа, которое я испытывала вчера после контакта с Молнией было ничем по сравнению с радостью, переполнявшей моё сердце сейчас!

Всё тело ныло с непривычки, будто я пробежала кросс. Пот охлаждал кожу, что стало особенно заметным после того, как я соскользнула с дракона, предварительно дрожащими руками успев отцепить металлическую цепь.

Соскользнув вниз, я попала в чьи-то крепкие руки.

– Эвил? – с радостным удивлением воскликнула я, но стоило мне заглянуть в лицо любимому, приподнятое настроение как рукой сняло.

Или лицевые мышцы его устроены иначе, чем у других, либо он был зол.

– Что не так? – нахмурилась я, пытаюсь представить, чем он мог быть недоволен.

Что я сделала не так?

– Брат? – в голосе Атайрона тоже было маловато светлых оптимистичных ноток.

– Что ты себе позволяешь?! – судя по тому, как воинственно двинулся к Чернокнижнику мой король, настроен он был серьёзно.

– Не начинай, Эвил! – раздражённо тряхнул головой Атайрон. – Я уже порядком устал от наших споров.

– Ты устал?!..

– Да что происходит? – я попыталась встать между ними обоими, но Эвил оттолкнул меня, не то, чтобы грубо, но вполне решительно. Что было не в характере складывающихся между нами отношений.

– Драконьи полёты, Анжелика, в нашем случае не просто полёты. И в первый раз учить тебя взлетать должен был я. Я твой муж! И твой

король.

– Прости, Эвил, – растерянно пролепетала я. – Я не знала. Я думала, раз ты хотел, чтобы Атайрон меня учил... и ведь он маг, он мог меня подстраховать.

– Я тоже маг! У нас одна мать и одна сила!

Заметив, как я расстроена, Эвил несколько смягчился:

– Я не виню тебя. Ты не знала. Конечно, твоей вины нет. Но ты, брат? – лицо Эвила снова исказилось злостью. – Как мне понимать твоё поведение?! Ты претендуешь на мою женщину?!

– Не говори ерунды. Я всего лишь...

– Всего лишь – что? Пытаешься взять очередной реванш?

– Я не соперничаю с тобой ни в чём. Я всего лишь хотел...

– Чего ты хотел?! Как назвать твой поступок, брат? Ты тайком обзаводишься драконом...

– Я не обзаводился тайком!

– Ты убедил меня в заговоре, который, возможно, существовал только в твоём воображении, в результате чего погибла Эденсун, – нарочито игнорируя его слова, продолжал обвинения Эвил, наступая на брата.

– Я что, сам против тебя людей нанял? Ты совсем обезумел, что ли?..

– Ты пытался избавиться от Эденсун.

– Мне было плевать на Эденсун. Ты сам разобрался со своей плясуньей.

– А теперь ты осмеливаешься летать на моём месте! С моей женой и твоей будущей королевой!

– Не пей того вина, что пьёшь сейчас. Оно странно на тебя действует. Твои обвинения абсурдны. Ты сам приказал мне подготовить свою девку к Ритуалу...

Эвил схватил брата за грудки и резко встряхнул. Ростом он был пусть немного, но выше старшего брата.

– Не смей называть девкой мою жену, брат, – на сей раз голос Эвила звучал тихо, но ярости в нём от этого словно бы только прибавилось. – Или останешься без языка. Я приказал тебе обучить её и подготовить. Но лететь должен был я сам!

– Похоже, ты готов выдвинуть против меня любое обвинение, лишь бы меня опорочить, – сжав руки брата, Атайрон заставил его

разжать пальцы.

Белые от ярости, источающие волны ненависти друг к другу, оба брата в этот момент выглядели не лучшим образом.

– Прекратите! Вы, оба! Немедленно! Не произошло решительно ничего такого, из-за чего стоит ссориться. Недопонимание и опрометчивые шаги это неприятно, но не повод ссориться всерьёз.

– Не обольщайся, дорогая, – ядовито прошипел в мою сторону Чернокнижник. – Этой ссоре гораздо дольше времени, чем твоему замужеству.

– Прекрати так разговаривать с моей женой!

– А то – что?.. Рискнёшь учинить драку, как глупый мальчишка? Очнись! Я сделал всё, как ты хотел! Ты хотел эту девчонку – я сделал всё возможное и невозможное, чтобы ты её получил. Вопреки всему! И вот твоя благодарность? И не начинай песню про Первый Полёт!

– Она должна была лететь за мной!

– Ты с драконами нас застал, а не в постели! Неужели ты не понимаешь, что просто смешон? Ни ей, ни мне друг от друга ничего не надо, а будь это иначе, мы оба держались бы друг от друга подальше. Да что у тебя в голове за мысли, брат? Неужели ни один из нас с ней не достоин доверия?

– Ты! Ты смеешь говорить мне о доверии? Каждый раз, стоит мне увлечься женщиной, как рано или поздно ты обязательно встаёшь между нами.

– Твоя глупая ревность встаёт между вами, а вовсе не я.

– Убирайся! – рявкнул Эвил. – Убирайся с глаз моих – вон!

Атайрон, презрительно кривя губы, резко развернулся на каблуках и направился к выходу. Гулкое эхо множило его шаги, делая их резче и громче.

Даже драконы притихли.

Я чувствовала себя... странно. Слово воздушный цветной шарик, внезапно наравшийся на колючку. Только что он плыл, цветной и радостной, и вот теперь цветной, но рваный, и потому грустный лоскуток.

В глубине души мне казалось, что Эвил перегнул палку. Конечно, я о многом не знала. Что там о многом – о большинстве, но Чернокнижник действительно здорово мне помог. И в его отношении к

себе я никогда не чувствовала сексуального подтекста. В чём-то он был даже до обидного безразличен.

Обнажившаяся ревнивая сторона в характере Эвила не могла не огорчать. Она произвела на меня отягощающее впечатление.

– Прости, – проговорил он, подходя ближе и обнимая меня за талию.

Я не противилась. Но скорее потому, что не осмеливалась, а не потому, то не хотела.

– Я понимаю, что сейчас выгляжу в твоих глазах бледно. Унылая участь младших братьев на фоне старших. А Атайрону всегда мастерски удавалось меня взбесить в самый неподходящий момент! Так что, если твоё мнение на мой счёт не самое лучшее, это, пожалуй, даже справедливо.

– Я хочу думать о тебе лишь хорошо, а твой брат не кусок сахара.

– Но и не кусок дерьма, хочешь ты сказать?

– Никогда бы так не выразилась, но... по сути верно. Он думал о вас. И заботился.

– Да. Ему приходилось. Мать вменяет ему это в обязанность с тех пор, как ему исполнилось четыре. Тогда у неё родился я. Чтобы заслужить её одобрения, ему приходилось делать так, как она того хочет.

– Обычное детское соперничество. Это нормально, – попыталась я смягчить момент.

– Соперничество, может быть, и обычное. Но Атайрон не обычен. Он может быть опасен. Этот зверь страшнее драконов, которых ты так боишься.

– Что сказать? Люди всегда страшнее самого лютого зверя. Зверь ведом инстинктами, но настоящее зло способен сотворить только человек. Никто, кроме последнего, не делает зла ради зла. Это только наша, сугубо человеческая черта.

– Действия Драконов я могу угадывать и контролировать. Но Атайрон мне не подвластен. Подчас я плохо понимаю его мысли. Он рождён со странным дефектом – совершенно лишён чувства совести.

– Ты это серьёзно?

– Вполне. Мать никогда не говорила, ему не делай того или иного, потому что это не хорошо, опасно, жестоко. Она говорила: «Не делай этого, потому что я этого не хочу». Единственное существо на всём

свете, что было ему дорого и только потому он прислушивался к её мнению.

– Думаю, ты тоже ему дорог.

– Надеюсь на это. Но достаточно ли дорог, чтобы он держал своего внутреннего зверя в клетке и не вредил мне?

– Ты считаешь, он на это способен?

– Я хотел бы думать, что нет. Не потому, что боюсь Атайрона, хотя, может быть, и следовало бы. В прямом противостоянии все шансы за то, что я проиграю.

– Мне кажется, что кто-то себя недооценивает?

– Нет. Это правда. Там, где я буду колебаться, что-то обдумывать, где меня будет мучить совесть и сомнения – он будет разить быстро, на инстинктах. И потому у него шансов больше. Но я страшусь не этого. Сама возможность того, что тёмная сторона его природы возьмёт над ним вверх настолько, что он сможет стать мне врагом меня убивает. Насколько? Ты сама видела, любовь моя. Я утратил контроль настолько, что выглядел в твоих глазах чистым идиотом.

– Это не страшно. Если любишь человека, любишь его и в слабости. С кем же и можем мы позволить себе такую роскошь, как не с близкими людьми?

– Он знал, что я сорвусь. И нарочно выставил меня перед тобой глупцом. Ему это приятно.

– Зачем ему это делать?

– Поверь, моя подозрительность вовсе не на пустом месте. Мы повздорили и не сошлись во мнениях. Вот он и уколол в ответ. Атайрон крайне мстителен. Именно это, в сочетании с коварным, изобретательным умом и делает его опасным противником. Но меня страшит не конец противостояния, а сама его возможность. Ведь я так люблю моего непутёвого старшего брата, – с горькой улыбкой проговорил мой король.

И чувствуя, как он раним и уязвим в этот момент, я ощутила к нему такой прилив нежности. Желание защитить и страх – а вдруг не получится?

– Извини за вспышку ревности, – сжимая мою ладонь в своих руках, поднося её к губам и легко прикасаясь к ним поцелуем, похожим на прикосновения лёгких крыльев бабочки, проговорил он.

– Ты ведь не думал того, о чём говорил?

– Что он может попытаться тебя обольстить? Увы! Но это было бы вполне в его стиле. Боюсь только, что я дал осечку. Не следовало подсказывать ему этот сюжет, – вздохнул Эвил. – Особенно теперь, когда он так зол.

– Он злится, потому что не хочет, чтобы ты геройствовал и тут я могу его понять, Эвил. Сегодня, блуждая по дворцу я, как и следовало ожидать, заплутала и невольно подслушала ваш разговор. Потому и пришла сюда, потому мы оба и поторопили события. Ты не полетишь на эти Розовые Пески, или как их там называть? – один. Я не допущу этого. Я на твоей стороне, но тут твой брат прав – не надо геройствовать. Герои долго не живут.

– Ты должна кое-что знать, любовь моя. Должна знать правду. Как бы не сложилась в дальнейшем жизнь, помни, что Атайрон предан только своей семье. Ни клятвы, ни дружба, ни честь – всё то, что держит других людей в повиновении, на него не распространяется.

– Буду надеяться, что эти знания мне никогда не пригодятся. А вы помиритесь.

– Чтобы помириться, мне придётся просить у него прощения. Младший брат мог сделать это легко, но короли прощения не просят.

– Да. Тяжело быть королём. Видимо, им, беднягам, даже и семье верить нельзя?

– Боюсь, у королей нет семей. У них только поданные.

– Ссоры между братьями до добра не доведут. Ничего особенного, из рук вон, Атайрон не свершил. Вам нужно держаться друг друга.

Эвил улыбнулся с мягкой грустью:

– Ты говоришь совсем как моя мать.

Улыбка сошла с его лица, и оно вновь сделалось сумрачным, задумчивым и замкнутым. Эвил словно смотрел куда-то далеко, в одну ему видимую даль.

– Сколько я помню себя, в моей жизни всегда был Атайрон. Он всегда был для меня особенным. Я восхищался им: его силой и ловкостью, его бесстрашием, его способностью ни перед чем не колебаться. Даже его жестокой, едва ли не звериной, свирепостью. Умением мгновенно и быстро принимать правильные решения, быстрой реакцией на любые события – в этом мой брат весь. И я любил его, – на мгновение уголки его губ скорбно опустились. – Любил даже больше покойного отца и живой матери. Но мы так

похожи и так не похожи. Это он должен был родиться королём. Для него не существует препятствий, а я... я каждый раз переступаю через самого себя, через что-то важное, без чего я уже не я ради призрачного трона! Ради долга перед почившей династией! Ради драконов, славы и всего того, что словно латы в бою, в какой-то мере да, защищают, но куда больше мешают дышать и двигаться. Он настаивает на том, чтобы противник был истреблён быстро и беспощадно, а я с трудом могу видеть противника в простом крестьянине, которому плевать, кто будет сидеть на троне. И карать, и награждать его за то, что он попросту живёт своей жизнью – несправедливо. Но брат говорит, что короли должны быть жестоки. Иначе им не удержать власть. А когда столп власти падает, под собой он повергает в первую очередь тех, кто менее всего виновен.

Эвил прикоснулся рукой к одной из опор, поддерживающих свод и крутанулся вокруг, как часто делали это и мы, будучи детьми, играя во дворе.

– Если я двину к Розовым Пескам целую армию, будет большая бойня. Если полечу только я и мой дракон, большой крови можно избежать.

– Но во втором случае лично для тебя риск будет в разы выше. Твой брат заботится о тебе. Это естественно!

– А что ты посоветуешь мне, моя королева?

– Я ещё пока не совсем королева.

– Это дело времени. Мы оба знаем, что ею будешь только ты. Не уходи от ответа.

– Что вы хотите услышать? Ваше решение милосердно, но... рискованно. Как добрая королева, я должна восхищаться вашей храбростью и жертвенностью, но как любящая женщина я готова согласиться с вашим братом. Справедливо щадить жизни и, наверное, невозможно оставить без внимания столь дикую выходку. Завтра они постараются и нам головы оттяпать, если не принять меры сегодня. Но один ты лететь не должен. Давай после Ритуала полетим все вместе?

– Вместе?

– Да. Ты, я и твой брат. У нас трое всадников. Конечно, я могла бы предложить это сделать вдвоём, но я здраво оцениваю собственный шанс. Я новичок, и, если не стану балластом, считай, повезло. Но новичок я, а не Молния. Она станет следовать за вами. Мы тебя

подстрахуем. Атайрон получит возможность влиять на ситуацию. И всё будет хорошо.

– Мы сделаем это. Сделаем это втроём. Ты права. Так будет правильнее всего. И, возможно, примирит меня с братом. Мы прикроем друг другу спины, ведь нет в мире ничего важнее, чем семья и верность.

Глава 22

Есть такая примета у студентов – в день экзаменов обязательно волноваться. С чем она связана, не знаю, но по себе тоже неоднократно подмечала, что, если не волнуясь накануне знаменательных событий всё катится к чертям, идёт не как надо. То ли мироздание такие образом берёт плату за удачу нервными клетками, которые, как ложно известно, не восстанавливаются, то ли волнение держит тебя в тонусе, и ты действуешь быстро и собрано, но факт остаётся фактом.

Если не волнуешься, всё катится к чертям и идёт не как надо.

В то утро я не волновалась. Напротив, была в приподнятом настроении, будто впереди ждал праздник. С восхода солнце светило ярко, на небе не было ни облачко. Сумеречный дворец был пронизан его лучами насквозь. Косым восходящим лучам удавалось дотянуться даже туда, куда обычно им не проскользнуть. Из-за этого света, ярко играющего на всех гранях, окружающий мир походил на сказку.

Служанки помогали принять ванну. Купальня во дворце, что вполне логично, ничем не напоминала привычные ванны наших квартир. Она тоже словно бы была из сказки, а вместо металлического эмалированно-акрилового корыта здесь была чаша бассейна.

Фрески на стенах, яркие солнечные зайчики, прыгающие по воде – не горячей, скорее, прохладной, успокаивали нервы и бодрили.

Я была спокойна. Чего волноваться? Всё получится. Не может не получиться.

Это будет мой день. Точнее – наш! Можно считать, что это наша вторая с Эвилем свадьба. Настоящая.

Наряд, что выбрали для меня в этот день был красив, но в самом крое костюма было нечто агрессивное: жёсткие лаконичные линии рукавов и воротника. Ноги обтягивали кожаные брюки, но их мало кто мог заметить под платьем, больше напоминающим пальто. Оно было мягким и в тоже время весьма тёплым. С учётом того, что подниматься придётся высоко, а чем выше в облака, тем холоднее.

Когда девушки завершили мой наряд, дверь отворилась и вошёл Эвил. Он старался выглядеть спокойным и уверенным, но всё же от

меня не укрылось, что он переживал.

– Анжелика, – с мягкостью проговорил он, обнимая меня за плечи и почти с отеческой нежностью прикасаясь к моему лбу горячими губами. – Сегодня ты станешь драконьим наездником. И мы будем равны – ты, я и Атайрон. Победоносный триумvirат. Я знаю, насколько это для тебя трудно. И благодарен, что ты решилась пройти через это, как бы нелегко это не было.

– Любовь моя, это всего лишь церемония. И я не боюсь, уверяю тебя. Мне было страшно, но это прошло. И сейчас я всем довольна.

Странно. Мне показалось, он едва уловимо вздохнул. Чего он опасается? Что знает такого, что пока неизвестно мне?

Так, не позволять себе сомневаться ни в чём. Никаких сомнений – они ни к чему. Всё будет хорошо. Ведь всё *уже* хорошо. Мы поладили с Молнией.

Эвил сделал едва уловимый жест и один из его стражников с поклоном приблизился. В его руках сверкнула маленькая серебряная коробочка, инкрустированная красными драгоценными камнями, похожими на наш рубин.

Мужчина открыл шкатулку, и Эвил извлёк оттуда массивный золотой перстень с изображением ощерившейся драконьей морды. Лишь глаза сверкали огненным блеском.

– Возьми, – проговорил Эвил, беря меня за руку и надевая мне кольцо на палец. – Я сделал это для тебя лично. Это не просто золото. Я добавил в него капельку моей магии. Кольцо будет связывать нас и пока ты его носишь, я буду знать, что ты жива. А ты будешь знать, что жив я.

– Ты правда сделал его для меня?

– Правда. Придёт время, я подарю тебе не только кольцо – весь мир. Мы завоюем его вместе.

– Война – не самое романтичное занятие для влюблённой женщины, – улыбнулась я ответ.

Но подарок благодарно приняла.

Кольцо сидело, как влитое и, возможно, благодаря вплетённой в него магии было легче, чем выглядело.

Обняв меня, Эвил страстно поцеловал меня в губы.

– Ты жена истинного короля Десятицарствия. Ты – моя жена, – выдохнул он страстно. – Это самое главное. Этот перстень всего лишь

символ, но моя любовь принадлежит тебе. Пусть он всегда напоминает тебе об этом. И если крылья дракона подломятся, пусть моя любовь будет тебя хранить.

Как ни странно, но встреча не столько успокоила, сколько разбредила волнения.

Через очередные тайные ходы следуя за проводниками я вышла на огромную площадь, заполненную людьми. Толпа походила на волнующееся море, людей было так много, что и лиц не различить – сплошная стена.

Я ещё подумала, что, если что-то пойдёт не так, может начаться чудовищная давка. И тогда кто-нибудь непременно пострадает.

Я ещё не видела Молнию, но уже чувствовала, как она нервничает. Как раздражает её это толпа. Какой бессмысленной кажется.

Она хотела лететь. И я разделяла её желание.

Простонародье от палаток, в которых находилась ближайшая к королю знать и его брат Айртон отделяли воины, одетые в красные камзолы.

Где-то там, в лабиринтах тёмных, неведомых переходов была Хатериман. Мать Драконьего Всадника и Чернокнижника.

Эвил уселся на высокий трон под пышным навесом.

Я ждала знака. Помню, как звонко чирикал птички и каким безоблачным и ярким было небо. И в глазах рябило от солнца, света и толпы.

Три дракона стояли в центре площади, окружённые воинами и опутанные цепью. Опираясь на сложенные крылья, словно на передние лапы, они время от времени вскидывали украшенные короной из шипов голову и сотрясали площадь рёвом, от которого содрогались даже камни под ногами, и качались, как волны.

Люди в толпе считали себя в безопасности? Наивные. Драконов не могли сдерживать цепи. При желании они могли порвать их, как ребёнок клочок бумаги. И воины – достаточно выдохнуть пламя, чтобы половина армии обратилась в пепел.

Но в невежестве иногда благо. Люди пришли насладиться экзотическим шоу. Они уже привыкли видеть, как драконы откусывают очередной королеве голову.

Но не сегодня. Только не сегодня. Сегодня всё будет иначе.

Драконий Путь – драконья дорога. И я пройду её. Сейчас. Я вернусь к этим людям их королевой.

Каждый раз подходя к Молнии я чувствовала, насколько люди ничтожны в сравнении с драконами. Насколько эти создания мощны и как удивительно, что они всё же подчиняются нам, людям, простым смертным.

Молния смотрела на меня огненно-яркими глазами. Жуткими и непонятными. И в глубине этих глаз метались непонятные мне образы. Ушедший страх вновь стремительно возвращался.

В прошлый раз рядом всегда был Атайрон. А сейчас я была один на один. Никаких страховок.

Я испытала настоящую паническую атаку и в какой-то момент едва не сорвалась с места в попытке убежать. Но это было невозможно. Не на глазах у тысячи свидетелей.

«Два раза не умирают», – сказала я себе и медленно двинулась вперёд, не сводя глаз с Молнии.

Пламя и Злого Рока я в тот момент вообще не видела. Только гибкую и быструю Молнию. В ней сейчас заключались все надежды и страхи – вся моя судьба.

Чем ближе я подходила, тем злее выглядела моя драконица. В какой-то момент она стремительно наклонила голову, обнажая острые зубы и клацнула ими в нескольких сантиметрах от моего лица.

Удовольствие смертельно ужасное. Я пережила свою смерть. И даже не сразу поняла, что моя голова, руки и ноги остались на месте, а Молния опустила к моим ногам чёрное крыло. Как и в прошлый раз, стоило ступить на него, оно подняло меня, давая возможность усесться на место всадника.

Я с облегчением перевела дыхание – мне не откусили голову, не растерзали и всё в итоге сложилось лучшим образом.

Площадь наполнилась людскими криками и улюлюканьем. Рывкнув грозно и ожесточённо, Молния ринулась вперёд, не дожидаясь, пока я отдам приказ. В первый момент я ещё пыталась пристегнуться, но это было бесполезно – я рисковала сорваться вниз, если бы продолжала цепляться за свои цепи.

На очередной всплеск людских криков Молния ответила мощным угрожающим рёвом и стала стремительно набирать высоту. Цепь с

жалобным всхлипом треснула, и драконья тень чёрной кляксой заскользила над городом.

Распластавшись по драконьему хребту я изо всех сил уцепилась обеими руками, в один из шипастых выступов. Теперь оставалось только расслабиться и постараться выровнять дыхание.

Я жива. Ритуал завершён. Всё позади.

Наивная! Какая же я в тот момент была наивная!

Земля стремительно отдалялась, с каждым взмахом мощных крыльев Молнии. Город поплыл подо мной, похожий на графическое изображение в компьютерных играх. И вновь я задыхалась от порывов ветра, плотного, как вата, угрожающего застрять в горле.

В первом момент полёта я не испытывала ничего, кроме облегчения. Подобное чувство испытываешь, достигая безопасного места после преодоления трудного и опасного участка пути. Интуитивно держалась и никак не пыталась повлиять на ситуацию. Я бездумно смотрела на то, как подо мной скользят башни замков и скаты домов, как роци и сады перемежываются с мощёными мостовыми, а позже просто накатом грунтовых дорог, изрытых колеёй от колёс телег и карет.

Как я уже упоминала ранее, обзор был не так, чтобы очень хорош. Рассмотреть удавалось хоть что-то лишь в просвете между взмахами крыльев. Этого было достаточно, чтобы хоть как-то ориентироваться, но явно недостаточно, чтобы получать эстетическое удовольствие. Если последнее вообще возможно в данных условиях.

Я поняла, что драконица направляется в сторону моря и с облегчением вздохнула, предвкушая возвращение. В прошлый раз всё было точно также: облетев город, мы развернулись над морем чуть дальше пристани и вернулись в Драконье Логово.

У меня успели замерзнуть руки и, хотя перчатки были за поясом, я не рисковала за ними тянуться, боясь менять своё и без того кажущееся не слишком устойчивым, положение. Кроме того, в перчатках руки станут совсем плохо слушаться. Если опустить их ближе к драконьему телу, станет намного теплее – всё равно, что к печке прижать.

Мы всё летели и летели. И я стала подозревать, что норовистая драконица вовсе не собирается разворачиваться. И прозревая,

осознала, что никак не влияю на ситуацию.

Я не управляю полётом. Я понятия не имею, куда мы направляемся. И что мне делать дальше?

Я и у себя-то на земли вряд ли сумела нормально ориентироваться, окажись над бурными волнами, но там я хотя бы представляла, в каком направлении можно найти Америку, а где Китай. В этом же мире я даже названия частей света не знала. Я была слепа, как сдохший навигатор.

Надо мной бездонное небо, подо мной нескончаемое море. И всему этому не предвиделось конца.

«Поворачивай назад! – попыталась я пробиться к мозгу драконицы. – Возвращайся назад, домой».

Мне ответили резким, оглушительным воплем и резким пикированием вниз. На какой-то момент я поверила, что меня сбросят, но всё же я удержалась. Или Молния плохо старалась.

Она явно дала мне понять, что слушаться не намерена. И из нас двоих командовать будет именно она. Норовистое, вредное чудовище! У которого я оказалась в полной зависимости.

«Спускайся вниз», – снова попыталась я перехватить бразды правления.

И снова, как в прошлый раз, безуспешно. Казалось, мои попытки подчинить себе Молнию бесили её, выводили из себя. Наш полёт делался в разы экстремальней. Драконица кружилась в небе, выписывая мёртвые петли, разъярённо нахлёстывая крыльями по воздуху. И я в этой болтанке чувствовала себя клещом, вцепившимся в собачий хвост.

Пару раз потерпев крах, я сдалась и терпеливо ждала, к чему же приведёт это жуткое путешествие. Рано или поздно Молния всё равно снизится. И, возможно, потом откусит мне голову. Всё, что угодно, возможно, но утешительно одно – вечно лететь она не сможет. Рано или поздно мы сядем. Куда-нибудь. Или, в лучшем для меня случае, всё-таки повернём назад. Главное, победить паническую атаку.

Человеческий организм и психика устроены так, что рано или поздно мы адаптируемся ко всему, даже к смертельной опасности и раздражитель перестаёт восприниматься нами как острый. Раз ты не реагируешь на запросы программы, она перестаёт их делать. А наш мозг во многом схож с программами.

Я смирилась с тем, что лечу непонятно куда. И просто ждала, когда это кончится.

Но видимо кому-то нам, наверху, нравилось играть со мной в непонятную игру. Словно лягушке, мне сверху всё время подливали кипяточку.

В первый момент мне показалось, что я сама себя пугаю. Всё не может быть так плохо, как выглядит. Но... всё оказалось плохо. От линии горизонта действительно тянулась, надвигаясь, лилова-сизая полоса грозы, разрастаясь во все стороны. И Молния, словно назло мне, направлялась именно в эпицентр приближающегося шторма. Летела к самой чёрной его точке.

– Нет! Чёртова ты скотина! Мы же обе погибнем! Разворачивайся немедленно, пока не поздно! Полетели назад!

Если бы я только могла, наверное, в этот бы момент пристрелила Молнию, как бешенную. Она, что? Ненавидит меня? Почему она так со мной поступает? Зачем?

Или глупо требовать от зверя много? Но ведь Эвила и Атайрона их драконы слушались. Что я делаю не так? Я ей неприятна настолько, что гадюка хвостатая готова собственной жизнью рискнуть, лишь бы мне досадить?

Ветер усиливался. Он бил с такой силой, что ревел в ушах, сдувал с пути моего гневливого крокодила с крыльями. И мы болтались, как... неприлично даже писать, что и где.

То ли мы летели дольше, чем я думала и темнеть стало раньше, то ли буря была такой силы, что стало темно, как в сумерки. Между небом и землёй засверкали синие огненные стрелы молний и рявкнул гром.

Молния отозвалась раскатистым эхом.

Судя по всему, её стихия лишь веселила? И боялась тут опять лишь я одна?

Только тут до меня дошло, что дракониха притащила меня туда, где царствуют её стихийные тёзки. Но, поскольку вряд ли эти магические звери являются мастерами метафоры, это обстоятельство скорее всего ничего не означало. Просто совпадение.

Небо и земля сошлись то ли в битве, то ли в танце, то ли в страстной схватке. Сверкало неистово, грохотало оглушительно, а под конец пространство разродилось дождём.

Оглушённая и утомленная, я больше не сопротивлялась. Остатки моих сил уходили лишь на то, чтобы кое-как держаться на спине моего взбунтовавшегося транспорта, чтобы не свергнуться вниз, в пучины вод. Интересно, если это случится, Молния полетит назад? Или продолжит стремиться к одной ей ведомой цели? Если она вообще есть.

Молнии плясали близко и, хотя и представляли собой непосредственную опасность, отчего-то пугали меньше, чем раскатистый гром.

Я словно попала в фильм ужасов. Все спецэффекты в одном наборе: ослепительные фейерверки, ревуший ветер, стремящийся разорвать в клочья всё на своём пути, громовая канонада с такой силой ревела, что грозила разорвать барабанные перепонки.

Вместе с тем я вскоре почти не реагировала на все эти сверхмощные раздражители. Адаптировалась, можно сказать. Смирилась с мыслью о том, что могу погибнуть в любой момент. И перестав сопротивляться тому, чему помешать не было возможности, делало то единственное, что мне оставалось – держалась.

То ли моя апатия возымела действие, то ли дракониха утомилась меня мучить, или (что, скорее всего) прилетела туда, куда изначально стремилась, но мы начали снижаться. И хотя теряли высоты мы с такой скоростью, что в ушах зазвенело и сделалось чувство, будто в них плеснули кипятка, я всё равно была рада.

Вообще, если так посмотреть, у меня в последнее время не жизнь, а сплошная радость: взлетаю – радуюсь, снижаюсь – радуюсь; взобралась на дракона и голову не откусили – радуюсь, спускаясь, осталась при голове – опять же несказанная радость.

Впереди показалась гряда острых скал, выступающих из воды. Чем ближе мы подлетали, тем очевидней становилось, что это не скалы и не рифы, а острова. Земли под ногами было больше, чем виделось сверху. Но она была бесплодна, сочилась ядом. Атмосфера самая что ни на есть кладбищенская. Вода бурлила, вокруг секли молнии, а от чёрных мрачных скалистых пик курился дым, кажущийся в сумраке чёрным.

Гостеприимством тут даже не пахло. Ни зелёного клочка, ни деревьев, ни водопадов – словом, ничего, что так любят показывать в фильмах о тропических островах. Земля, к которой мы приближали,

снижаясь, напоминала преддверие Ада; хуже, чем пустыня – обломок, оставшийся после Апокалипсиса. Дымящиеся руины.

Мощные драконьи лапы упруго стукнулись о землю, голова для равновесия вытянулась вперёд, костяшки сложенных крыльев упёрлись в содрогающиеся камни. Оглушительный рёв, который издала Молния, перекликался с громовым голосом небес.

Мне тут не нравилось. Что не удивительно. И опущенное к моим ногам лестницей крыло не вдохновляло. Вниз совсем не хотелось. Вверх, к слову, тоже, но вниз – больше.

Я испуганно припала к спине моего монстра. Не помогло. Тряхнув головой, как собака после купания, дракониха сбросила меня. Падать пришлось к несколько этапов, отчаянно цепляясь за костяные наросты в попытка и слабой надежде не размозжить себе голову. Впрочем, на самом деле на надежды у меня не оставалось времени. Ни на что не было времени, я и не думала, а действовала чисто интуитивно, на инстинктах.

В итоге я склонна думать, расправляться со мной у Молнии не было намерения. Если бы она хотела меня прикончить, ей бы ничто не помешало. Но она, сбросив меня на землю, где камень выступал над странным массаами, с виду напоминающее нечто среднее между хлюпающих болотом и пузырящейся, застывающей магмой, прорычав что-то гневно-невразумительно-оглушительное, она взмахнула крыльями и была такова.

Молния улетела. Оставив меня в гордом одиночестве чёрте где.

Я в тихом отчаянии наблюдала, как она поднимается всё выше и выше.

Вообще-то пребывать в отчаянии – это не моё. Не люблю я это дело. Но в сложившейся ситуации трудно оставаться оптимистом. Минусов до черта при практически полном отсутствии плюсов.

Плюс был только один, правда, жирный: я всё ещё была жива. Вопрос в том, надолго ли? Ладно, не отчаиваться и не сдаваться пока дышишь – мой девиз. Конечно, самостоятельно мне этот пустырь, словно слепленный из огня, воды и темноты, не покинуть, но, может быть Молния одумается и поймёт, что на самом деле любит меня (хотя вряд ли, но – вдруг?). Или Эвил найдёт способ меня отыскать, ведь он не только король, но и маг? Должен же он был предвидеть подобную

возможность? Для чего-то ведь подарил он мне тот перстень перед полётом?

Самое главное не отчаиваться. Продержалась в полёте сквозь бурю, продержусь и на земле. Какое-то время. Главное, запретить себе думать о том, что можно застрять здесь надолго.

Надолго в любом случае не получится, жажда и голос не позволят. Но смерть от голода, холода, одиночества и жажды не самое приятное окончание жизненного пути.

Тут пришла в голову мысль, что в общем-то, если хорошенько подумать, то я как бы уже мертва. И бояться-то нечего. Я ведь теперь точно знаю, что мы после смерти не исчезаем. Правда, покидать Эвила, этот новый мир и всё, что с ним связано мне не хотелось.

На мгновение сделалось стыдно за то, что о своей настоящей родне – матери, отце и брате с его детишками я после своего перерождения, грешна, вспоминала нечасто. Да что нечасто – вообще не вспомнила. Но ведь случившееся не было моим выбором? Выходит, я ни в чём не виновата?

От мыслей о грустном прошлом и возможном беспросветном будущем меня отвлекло какое-то движение в магме. Поначалу я не особенно-то этим и озадачилась, подразумевая, что это всего лишь глюк. Тут всё в той или иной степени колыхалось и двигалось.

Но «глюк» не желал рассеиваться. Это выглядело, как будто в пузырящейся вокруг и между камней жижи проглядывали лица. Невыразительные, гротескные, полустёртые, как будто скульптор делал-делал, не получилось, с досады смазал, да и забросил свою работу.

Испуганно охнув, я отодвинулась назад от края каменистого выступа, на котором меня оставила Молния. Надеюсь, что, когда вновь погляжу вниз, морок рассеется.

Зря надеялась. Всё стало только хуже.

Не веря собственным глазам, смотрела я вниз. Так не бывает. Чудовищ не существует. Давно. Если существовали когда-нибудь вообще. Я никогда не задумывалась о том, что в своей прошлой жизни по-настоящему меня пугали только другие люди.

Но здесь... здесь жили драконы. И это нечто, чему в принципе не было названия. Я даже не уверена, что само слово «жили» тут в принципе уместно.

Продолжая пузыриться, магма, словно из неё чья-то невидимая рука лепила фигурки, преобразовалась в фигурки, приобретала форму и очертания. Как будто из реки, на камни, всплывая из недр и глубин, выбиралось *нечто*...

Как дать название тому, чего ты никогда не встречал? Как его охарактеризовать? Если к длинному телу тигра пристроить пасть аллигатора, то можно получить смутное представление о том, на что пришлось любоваться мне. А за ним двигалось нечто ещё похуже, человеческих очертаний, но нечеловеческий пропорций, передвигающееся ползком, на четвереньках.

Выбравшись из своей «грязи», чудо-чудное, диво-дивное, отрянулось и, задрав морды кверху, уставились на меня алыми глазами. Почти такими же огненными, как глаза драконов.

Вперевалочку, не спеша, новорожденные из грязи монстрики поползли в мою сторону. И в самой их неторопливости было нечто омертвляющее. Они не сомневались, что добыча от них не уйдёт. По большому счёту бежать мне было некуда. Тут кругом лишь грязь, камни, ветер и вода. Но стоять на месте и ждать смерти я всё равно не буду. Перепрыгивая с валуна на валун, стараясь на промахнуться и не попасть в расщелину, я попыталась скрыться.

Но вскоре вынуждена была остановиться. Впереди тоже стояли твари. Пострашнее тех, что двигались за моей спиной.

Именно так на земле на страшных картинках рисуют демонов и сатану. Голый человеческий торс, раздвоенные копыта, огромные гениталии, звериная вытянутая морда со свиным тупым рылом, пылающие злостью алые глаза и два острых бычьих рога между вздыбленной шерстью.

Ах, да ещё крылья. Почти как у драконов. Перепончатые, жёсткие, чёрные, будто лакированные.

И тут я поняла, что, если срочно и быстро кто-то не придёт мне на помощь, как в кино, я погибла. Противопоставить этим тварям мне решительно нечего. У меня с собой даже оружия нет, хотя, положив руку на сердце, вряд ли оно бы помогло.

Беззвучно (твари из гряды практически не издавали звуков, в отличие от любящих поголосить драконов) демон скачками двинулся в мою сторону. Скакал он быстро, в отличие от меня, тяжёлой в праздничных одеждах и неуклюжей.

Всё же просто стоять и смотреть на приближающуюся смерть я была не в силах. Я должна была что-то делать, даже если заранее понимала бессмысленность собственных действий. Но не овца же я на заклании, чтобы смириться и ждать. Я не из тех, кто смиренно кладёт голову на плаху.

Другого оружия, кроме камней, не было. А оно, конечно, эффективного результата не даст. И всё же, я постаралась добраться до груды камней, что было нелегко, учитывая, что на козлиных ногах демон скакал куда веселее.

Как ни странно, но первый на меня набросился не демон, а человекоподобный ползущий монстр.

Глава 23

Угодивший в него камень размазал фигурку словно пластилин, в первый момент заставив меня воспрянуть духом. Но триумф мой длился недолго, потому что это весьма странное нечто тут же самовосстановилось, поправив форму. А за ним уже тянулся ещё более причудливый грязевой крокодил. И у меня было такое чувство, что я брежу наяву – всего этого просто не могло быть. Мне, как страусу, хотелось спрятать голову в песок, забраться под одеяло с головой и просто переждать, когда монстр развеется, как сон.

Но они «развеиваться» не спешили. Я отчаянно пыталась придумать хоть что-нибудь, но ничего дельного в голову не приходило.

Тогда я снова бросилась бежать. Или, вернее, прыгать по валунам. В какой-то момент споткнулась и, растянувшись, ощутила прикосновения чего-то твёрдого. Обернувшись, в ужасе увидела, что грязевой крокодил впился своими нереальными челюстями в мою юбку, как это делают, играя, собаки.

Тут бы драматично заорать: «Нет!», – но от ужаса перехватило дыхание и кричать не получалось. Я попыталась вырвать пышную юбку из длинной пасти и в тот самый момент клешня грязевой обезьяны уцепилась за другую сторону юбки и потянула на себя.

В другой обстановке подобная ситуация меня бы только позабавила бы. Но сейчас мне было не до смеха. Наверняка я не знала, что со мной станет, когда эти твари до меня дотянутся, но подозревала – ничего хорошего.

Рванувшись, мне удалось разорвать материал и скатиться вниз, между зубьями каменных валунов. Нельзя сказать, чтобы я сильно от этого выиграла. Я оказалась зажатой между каменными выступами, в любой момент опасаясь застрять. Нужно было выбираться вверх, но сверху растекались морды чудовищ.

А потом я увидела протянутую ко мне руку демона. Да чтоб им всем!

Дикая ярость накрыла меня внезапно. Мне казалось, что меня сейчас просто разорвёт на части от злости. Никогда прежде я не испытывала ничего подобного. И вместе со злостью с рук моих

сорвалось нечто тёмное, такое же тёмное, как тот зловонный дым, что струился тут повсюду. Это походило... даже не знаю, на что. Туман? Эктоплазму? Нечто среднее?

С удивлением я глядела на сорвавшееся с пальцев чудо. словно сеть, оно набросилось на узкую и длинную пасть крокодила-пластилина и тот в несколько коротких минут превратился обратно в тину. Или грязь. Или трясину. Ну, из чего он там сотворил свою плоть.

Воодушевившись результатом, уже куда более осознанном движением я набросила точно такую же «сеть» и на обезьянку. От пережитого за день напряжения страх во мне словно закончился, а на его место пришло весьма опасное, обманчивое ощущение собственной безопасности и всесилia. Я будто нашла секретный код неуязвимости в компьютерной игре, облегчающей прохождения уровней.

Всё обрело смысл – действие Молнии и этот бесконечный полёт сквозь бурю через море. Инициация. Видимо, этот бесплотный образ темноты, грязи и огня являл собой место силы и именно отсюда будущие маги каким-то образом черпали свои способности.

Окрылённая, я выкарабкалась из небольшой ямы, куда угодила, вырываясь от моих противников. И, увидев неподалёку примостившуюся на камни драконицу только утвердилась в моих подозрениях.

Раскрыв победно крылья, моя красавица огласила окрестности раскатистым клёкотом. А потом сорвавшись, ринулась вниз, в мою сторону.

Но долететь не успела. На полдороге они столкнулись с рогатым демоном.

К моему ужасу, демон оказался не один. Они слетались, словно огромная стая, со всех сторон – рогатые, огромные, жуткие. Их руки украшали огромные острые когти, которых в первый момент я не заметила. Или, возможно, они успели трансформироваться, выпуская их, как это делают кошки.

Издав воинственный клёкот, Молния распахнула пасть, изрыгая волну пламени, в котором трое из демонов воспламенились сразу. А остальные просто разлетелись, как комары, в разные стороны с тем, чтобы через мгновение сгруппироваться вновь. И ринуться в новую атаку.

В волнении и страхе наблюдала я, как рогатые атакуют. В воздухе они были меньше размерами, следовательно, подвижнее. И нападали с разных сторон, используя для атаки все части тела – когти, мускулистые руки и ноги, увенчанные раздвоенным копытом ноги и мощные, шипастые крылья.

Молния против демонов была похожа на огромный корабль против маленьких юрких катеров. По всему статья мощнее, сильнее, но на этот раз именно габариты и мощь были на руку её противникам, имеющим численное преимущество и фору в скорости.

Одним выдохом Молния уничтожала с добрый десяток противников. Но на их место уже летело два. Она вертелась юлой, отбивалась мощным хвостом и крыльями. Нельзя сказать, чтобы положение её внушало опасение, пожелай того драконица, она легко могла улететь. Что-то подсказывало мне, что покинуть Чёрный Остров выползшие из грязи чудовища сумели бы вряд ли, но она не улетала. Я чувствовала, что из-за меня. Отбиваясь от демонов, Молния пыталась снизиться, но раз за разом вынуждена была вместо этого отгонять противников, назойливых, как муравьи. Пока из рога, крылья и копыта больше досаждали, чем действительно вредили, но надолго ли?..

Словно прочитав мои мысли, демоны изменили тактику. Часть из них по-прежнему атакывали мою красавицу, в то время как вторая явно наметила жертвой меня. Молния вынуждена была не только обороняться сама, но и охранять меня, стараясь не подпустить ко мне демонов.

Неизвестно, чем бы это для нас кончилось, не подоспей помощь.

Оглушительный, как гром, рёв, прокатился вокруг. Молния отозвалась радостным клёкотом. Пламя рекой полилось сверху – Злой Рок присоединился к своей норовистой и капризной сестре.

Пользуясь паузой, моя крылатая и грозная подруга стремительно опустилась вниз, за мной. Сказать, что вовремя – ничего не сказать. Из ближайшей грязевой лужи отпочковались новые обезьяно-люди и пластилиновые крокодилы.

Пики валунов задерживали их движения, но мне уже пришлось пустить клубы черного дыма и эктоплазмы, однако, с учётом того, что в полку монстров из грязи всё время прибывало, а я маг совсем новоявленный, боюсь, в открытом противостоянии между мной и ними расклад был бы не в мою пользу.

Делая круг перед посадкой, Молния ударила по чавкающей, тяжело хлюпающей массе огнём, обращая врага в расколовшиеся головёшки.

Над нами кружил Злой Рок, отвлекая неприятеля, прикрывал наше отступление. Каждый новый огневой залп, ударяя в землю, словно срезал с её поверхности слой, кроша камень в щепы. Было нечто неистовое в сокрушающей драконьей мощи. И в том, что направлена она была на то, чтобы сохранить тебя. Ты в какой-то степени владел этим. И это было чудесно – чудесно настолько, что словно бы обростал крыльями сам.

Молния, чтобы снизиться, очистила пространство, как напалмом, очередной рекой пламени. Из горизонтального положения полёта, она опустилась в вертикальное и лапы пружинисто ударили по камням. Преклонив голову к земле, Молния в очередной раз окатила камни и всё, что двигалось по ним, за исключением меня, пламенем.

Я, не теряя ни секунды, бросилась вперёд и, как по стене, цепляясь за кожистые выступы и бугры поднялась вверх с лёгкостью, удивившей даже меня саму. Стоило мне подняться на хребет, Молния, не дожидаясь указаний, сорвалась с места, набирая высоту.

Припав к её спине, я чувствовала себя счастливейшей женщиной на свете. Ни высота, ни буря, ни норы моей новой питомицы меня больше не пугали.

Тень, закрывшая от меня уже низко клонящееся к горизонту солнца, дали мне понять, что Эвил и Злой Рок летят впереди. Я не была одна. И муж не бросил меня. Хотя у меня оставались к нему вопросы, главным для меня в тот миг было, что он всё-таки пришёл. И поддержал, как мог.

Молния издала высокий, победный клик и Злой Рок отозвался гортанным рыком. Тени от драконов бежали по волнам, ещё волнующимся после недавней бури. Пенистые барашки царапинами расчертили глад воды, тёмной и глубокой.

Но какая бы не была глубина и чернота внизу под тобой, всё это неважно, пока тебя держат крылья.

Не могу точно сказать, сколько мы пролетели перед тем, как Злой Рок первым начал снижаться. Молния послушно последовала за ним,

на сей раз решив придержать свой дурной нрав. Не исключено, что она просто устала.

Мы опустились на скалистый остров, величиной не больше первого, но, слава богу, на нём не было ничего сверхъестественного.

Эвил, успевший первым сойти на землю, поддержал меня.

– Ты как? – в его голосе звучало искреннее волнение и беспокойство, которое подняло в моей душе тину ярости, до этого почти мне незнакомой. – В порядке, дорогая?

– Да с какого такого я в порядке? – выругалась я, оттолкнув его от себя. – Что это вообще было?!

– Змеиный Остров.

– Что? – не сразу поняла я.

– То место, куда отнесла тебя Молния называют Змеиным Островом.

– Это там чуть не погиб твой брат?

В моей голове быстро проносились мысли, одна параноидальней другой. Сразу скажу, драконицу в случившемся я была готова винить в последнюю очередь. Я помнила, как мужественно она сражалась за меня, разгоняя двурогих демонов. На Эвила я хоть и злилась, но в душе склонна была оправдывать. Так или иначе, он прилетел за мной, то ли потому, что заранее знал, где искать, то ли отследив через подаренное кольцо, которое так вовремя подарил.

От мысли, что Эвил знал, на что меня обрекает или пусть хотя бы допускал возможность случившегося, но не предупредил меня ни о чём, как раз удушливое облако и поднималось из глубины моей измученной души. Но более всего я была склонна винить Атайрона. Как-то подозрительно совпадало...

Хотя что совпадало? Что и его Пламя отнёс на этот проклятый Змеиный Остров?

– Да.

– Ты знал, что такое может случиться?

– Что Молния отнесёт тебя сюда? Нет, клянусь! Я боялся, что ты не сумеешь с ней управиться, что можешь потерять контроль, потому и надел на тебя кольцо. Это была всего лишь подстраховка, не более.

Похоже на правду. Может ею быть.

– Твой брат может быть в этом замешен?

– С того момента, как дракон подпускает к себе всадника и между ними устанавливается связь, никто другой, кроме последнего, не может управлять им. Положим, я мог бы полететь на Молнии, если бы захотел отыскать тебя или прийти к тебе на помощь, хотя это рискованно, но ни в одном другом случае она и близко к себе не подпустит. Управлять чужим драконом не под силу ни одному магу. Дракон может поменять всадника, отдав предпочтения новому перед старым, хоть это и большая редкость, при этом рвётся его старая связь с прежним хозяином. Молния артачится, но она явно отдаёт тебе предпочтение. Так что ответ на твой вопрос – нет! Атайрон, даже если он и был замешен в каких-то интригах против твоей предшественницы, не мог подчинить Молнию, да ещё на расстоянии, прилететь на Змеиный Остров.

– Драконы разумны, это я поняла. Но почему она это сделала? Зачем сначала сбросила меня в эту яму, кишашую нечистью, а потом так отчаянно обороняла? Передумала убивать?

– Она не собиралась тебя убивать. Змеиный Остров не всегда был островом. Когда-то на месте всех этих скалистых обломков лежала древняя земля. И ею управляли мои предки.

– Санисторы?

– Предки со стороны матери. На этой земле жили маги и оборотни. По легенде их преступления были столь темны и велики, что даже Тёмные Боги отвернулись от них, лишив своей защиты. И тогда Светлые Силы стёрли Древнюю Землю с лица планеты, расколов её на тысячи мелких осколков, залит водами океана. Но даже и в виде осколков древние Чёрные Земли сохраняют свои ядовитые магические свойства. Змеиный Остров – место силы. Здесь пробуждается в людях магия.

– Темная?

– А есть другая? Магия всегда тёмная, любовь моя. Но человеческий разум способен преобразовывать её во благо, правда, это требует определённых усилий.

– Выходит, Молния принесла меня на Змеиный Остров в расчёте на то, что во мне проснутся магические способности?

– С того момента, как у тебя образуется связь с драконом, в тебе уже есть магия. Ведь драконы, они... как бы это понятнее сказать? Они магия и есть. Они способны поглощать её, вытягивая из других

существ, людей в том числе, глуша её на определённых территориях и откачивая, как пиявки откачивают кровь. Собирая, удерживают в себе, как в резервуаре и перекачивая, при необходимости, в своего владельца.

Вот это здорово! Этакий личный банк с магической пылью.

– Магия уже была в тебе, – продолжил Эвил, мягко обнимая и привлекая меня к себе. – Но Молния сделала всё возможное, чтобы заставить тебя её использовать?

– Зачем? – недоумевала я. – Зачем ей это? Она ведь не человек?

– Нет. Не человек. Драконы разумны по-своему. Не так как мы с тобой, но всё же...может, Молния слишком тщеславная дама и не допускает мысли о том, что ею может управлять простая смертная? Ей нужна фея.

– В таком случае она просчиталась. То тёмное нечто, что заставляло рассыпаться подползающую ко мне нечисть, никак не напоминало солнечную пыльцу.

Эвил улыбнулся:

– Ты не представляешь, как я счастлив, Анжелика.

– Счастлив?

– Да! Безумно. Я так тебя люблю, и ты моя жена. И все эти испытания – они остались позади.

– Если бы я их не прошла, ты следующее говорил бы тоже самое?

– Заслуженный упрёк. Да, ты не первая, любовь моя, но ты – ты единственная. Анжелика, не уверен, что должен это говорить, но хочу сказать! Хочу, чтобы ты знала. И, пожалуйста, поверь мне – ради тебя я впервые всерьёз задумывался о том, чтобы всё перечеркнуть. Всё то, к чему мы так трудно и упорно шли. Хотя – мы ли шли? Или всего лишь только моя мать?

Ты заставила меня впервые подумать о том, что весь проделанный мной путь я преодолел не ради своих, а ради чужих целей. До тебя я никогда не задумывался о том, чего хочу лично я. Не потому, что полвека назад злые враги вырезали всех Санисторов и их кровь взывает к отмщению; не потому, что мой отец жил и умер с мыслью о троне и невыполненным долге перед династией. Не потому, что мать всегда считала меня достойным власти – чего хочу я сам? Хочу ли я огромного могущества и власти? Достоин ли я их?

Эти два месяца, что прошли со дня нашей свадьбы – ничего в жизни не было лучше них. И ужасней – тоже. Как часто я думал о том, что драконы могут отнять тебя у меня. Ночь за ночью я видел один и тот же сон. Мы на площади, окружены людьми. Начинается Ритуал и всё идёт по старому сценарию. Молния убивает тебя так же, как других. И я стою над залитой твоей кровью, вымощенной серым камнем мостовой и ненавижу всё это, а больше всех себя. Уже ничего не изменить и не вернуть. И тебя нет!

Эвил судорожно сжал меня в объятиях, зарываясь лицом в мои волосы. Мне было больно и тесно, но я терпела, понимая, что он не осознанно доставляет мне неудобство и причиняет боль, что он нуждается в этом контакте, в нашей близости.

– Я просыпался в холодном поту и с облегчением, которому не найти слов. Это был только сон. Ты была жива, рядом, тихо и спокойно дышала во сне. Но с каждым подобным пробуждением мой страх становился всё невыносимей. Ведь кошмар мой мог стать реальностью с большой долей вероятности. Мог настать тот день и час, когда от него не суждено будет очнуться. Были моменты, когда мне хотелось всё бросить, забрать тебя в охапку, но... но куда мы могли с тобой убежать? Ни крестьянами, ни купцами мы быть бы не смогли, а среди знати мы оба слишком хорошо известны. Увы! Я слишком далеко зашёл в моей борьбе. С этой дороги свернуть можно только в могилу. При любой ошибке, стоит дать слабину, и мои враги постараются меня уничтожить. И тебя вместе со мной.

Отказаться от драконов? Такая мысль тоже приходила мне в голову раз за разом. Но, оставшись без контроля, набирая силу, теряя ограничения, неизменно накладываемые человеческим разумом на силу Зверя, Молния могла превратиться в совершенное оружие. К тому же она единственная надежда на воспроизведение драконов – последняя драконица в мире.

И всё же... я готов был ради тебя отказаться от драконов. Атайрон, узнав о моих намерениях, пришёл в ярость. Он убеждал меня, что мать этого не потерпит и, реши я притворить моё решение в жизнь, в любом случае избавится от тебя.

Только один шанс оставался у нас быть вместе, рядом. Спасибо, любимая, что ты достойна прошла этот путь! Спасибо, что справилась.

Всегда приятно слышать ласковые слова любви, слова страсти. Доброе слово, как известно, приятно и кошке. Что говорить от человека? Оставались ли во мне сомнения? Конечно, я вообще к ним склонна. Но сомнения не мешали мне верить Эвилу.

Я с радостью подставила свои губы под его поцелуй, который был пронзительным, долгим и нежным. Вскоре нежность сменилась страстью, т которой я и не думала отказываться? Почему? Зачем? Мы были на это острове совершенно одни, если не считать наших драконов, кружащих в небе чуть вдали.

Солнце село. Над нами взошло ночное светило, его острый диск взрезал остатки облаков в мелкие грязноватые комки ваты, плывущие по небу.

Руки Эвила была горячими, такими горячими по контрасту с прохладным ветром, овевающим мою кожу, отбрасывающим мои волосы мне за спину.

Я застонала, сладострастно откидывая голову, когда его пальцы сжали мои соски сквозь тонкий материал платья, забравшись под тяжёлый плащ. Умело и тонко он разжигал во мне пламя, то нежно щекоча их, то пощипывая до сладко-саднящей боли. Его губы, его язык вторгались в мой рот то деликатно, будто готовые отступить при первом же намёке, то почти грубо, сминая, смятая, кусая, посасывая, вылизывая.

Он взял меня стоя – на груди камней лежать не удобно.

Его проникновения было желанным. Я вжималась в его тело, вбирая в себя каждый вдох, каждый новый удар, каждое касание. Я поглощала его страсть, разделяла её, впитывала и возвращала – наступление за наступлением, удар за ударом, проникновение за проникновением.

Он был горячим, жарким, берущим. Жадно впитывающим мои стоны, вбирающим моё тепло, упивающимся моей ответной страстью.

Он был повсюду – его целующие меня губы, его обнимающие меня, поддерживающие руки; его скользящий в глубины моего тела твёрдый, горячий, словно бархатный, мужской стержень; его тепло и любовь, его едва уловимый, чуть горьковатый запах сухих, вызывающих в памяти образ разогретых солнцем, луговых трав и цветов – всё окутывало меня, поглощало, распинало и рождало заново.

Я цеплялась за Эвила как лиана, которой не подняться вверх без поддерживающей её колонны.

Казалось, я могу обнимать бесконечно эти широкие плечи, чувствовать на своих губах сладкие касание его губ; принимать эти дивные толчки, наполняющие моё лоно наслаждением.

Когда я позже вспоминала нашу первую брачную ночь, то в памяти было больше окружающих деталей, чем нас самих. Наша страсть в ту ночь была искусственной, деланной, направленной больше на самих себя, чем друг на друга, но в итоге давшей куда меньше.

Там, после Змеиного Острова, после жутких монстров, после всего, что удалось пережить, мы воссоединились подлинно. Наши тела перестали быть игрушками для наслаждения, они стали проводниками наших душ, оболочкой наших чувств. Каждое прикосновение, каждый поцелуй служили одной цели – выразить любовь, наполняющие наши сердца и принять то искреннее горячее чувство.

Только пережив ту ночь на бесплотных скалах, я постигла суть разницы между тем, чтобы заняться сексом с сексуальным партнёром и испытать, пройти через близость с любимым человеком. Тот, кто пережил последнее уже вряд ли согласится на сурогат и заместитель.

Любовь нельзя «заниматься». Любовь не бизнес, не хобби, не развлечение. Любовью нельзя заниматься, как нельзя заняться жизнью или смертью. Ты либо живёшь, либо нет; либо мёртв – либо нет. Ты либо любишь, либо – нет. Любовь может быть величайшей наградой или карой, когда она есть, но не вызвать её искусственно, не убить до естественной её смерти – нельзя.

Секс и любовь не тождественны, хотя одно понятие часто подменяют другим. Благодаря Эвилу в ту ночь я это поняла.

Любовь – это волшебство, это чудо, это сказка и это всегда нечто большее, чем ты сам. Любовь всегда готова делиться, отдавать и принимать любимого.

А секс? Это животный инстинкт потребления. Но часто, лишённые любви, тоскующие по ней, мы готовы тонкий лучик света принять за яркий солнечный свет, которого многие из нас никогда в жизни не видели. Правда в том, что раз в жизни познав это настоящее, мы сгораем и больше не нуждаемся в суррогатах. Это как пить самогон после изысканнейших вин – лучше не пить ничего.

Я тянулась к Эвилу телом и душой. И это было... тот, кто любил, знает. А тех, кого это обошло стороной – не знаю, завидовать им или сочувствовать?

Горькая правда жизни в том, что любовь – это самый большой клад, который можно найти в жизни. Самое прекрасное богатство. А если ты обладаешь кладом, ты боишься его потерять. Всегда. И у того, кто им владеет, всегда найдутся завистники.

Любовь – это полёт. Но летать бывает очень сложно. Не потому ли большинство из нас отказывается от своих чувств, что ходить по земле не так увлекательно, но куда более надёжно.

– Любимая моя, – прошептал Эвил, изливаясь в моё, лоно, прижимая меня к себе с жадностью скупца.

– Это было чудесно. Лучшее, что случилось со мной в жизни, – сказала я чистую правду от всего сердца.

Глава 24

Я вернулась с триумфом. Меня приветствовал весь город, громко рукоплещая и выкрикивая приветствия. Я впервые познала славу и вкус её ударял в голову сильнее шампанского, он был слаще клубники со сливками и, боюсь имел досадный побочный эффект – на это слишком легко подсаживаешься. Хочется ещё и ещё! Вот так люди и заболевают звёздной болезнью. Стоит раз пройти через врата всенародного обожания и этот вкус хочется пробовать вновь и вновь. Но источник, как правило, быстро иссякает, сменяясь горьким вкусом.

Толпа переменчива. Сегодня она носит тебя на руках, завтра – порицает, послезавтра о тебе все забыли, и ты чувствуешь себя покинутым и брошенным.

В старых сказках, которые, как известно, ложь с намёком, герой проходит через три испытания: огонь, воду и медные трубы. Последние мне представляются Славой и Властью – две силы, распинающие и растлевающие душу. Тот, кто познал это, кто испил чашу и не предал себя, остался верен нравственным и моральным нормам, не купился на вседозволенность, не озлобился, не возгордился – тот воистину король и царь.

Но таких мало. Раньше королями рождались и жили с короной на голове. К тому моменту, как достигали зрелости, привыкали к блеску и были готовы к тяжести, но теперь – теперь мы редко бываем готовы.

В моей прежней жизни скромной учительницы истории я была хорошим человеком. А что мне оставалось? Меня мало что искушало. Не было красивых мужчин, богатства, ярких соперниц, достойных врагов. Всё было иначе. Ну не за директорское же кресло убивать друг друга? Хотя и там подковёрной грызни хватало.

Меня пугал этот новый мир. Пугали открывающиеся возможности. Владеть драконом – это не лопату в руке держать.

Не успела я отдохнуть после полёта, как ко мне пришла одна из придворных дам Хатериман и с улыбкой, показавшейся мне фальшивой, передала приглашение явиться на обед к Госпоже-Матери. Отказаться было бы невежливо, да и желания такого не возникало. Мне самой было интересно встретиться с матерью Эвила. Добра я от

неё не ждала, но личность она была интересной. К тому же мы теперь друг другу не чужие люди, и если всё пойдёт как надо, когда-нибудь в моих детях будет течь её кровь.

Мне хотелось бы преподнести какой-нибудь подарок, но правда была в том, что здесь, при том, что всё считалось моим, не было ничего, что по-настоящему принадлежало бы мне. Кроме подарков Эвила, с которыми бы я не рассталась за все блага мира.

– Принесите платье, подходящее к данному случаю, – отдала я распоряжение Суокэ и Мирайе. – Что-нибудь нарядное и достаточно скромное для того, чтобы одна женщина могла вызвать одобрение у другой.

Хатериман на этот раз сидела не на полу, как в прошлые наши встречи и неспешно разливала по маленьким чашкам ароматный чай. При моём появлении она поставила чайник и протянула мне руку для пожатия.

– Рада поздравить тебя, Тайима, с тем, что тебе удалось стать Драконьим Всадником. Теперь ты *действительно* одна из нас.

По её виду было незаметно, чтобы известие было радостным. Скорее из разряда тех, с которым приходится мириться. Не слишком приятна мысль о том, что эта красивая и яркая женщина предпочла бы увидеть меня среди мёртвых.

– Оставь нас, Танитисан, – приказала она служанке, и та немедленно вышла из комнаты.

Хатериман молча смотрела на меня чёрными глазами и в её взгляде сквозила неприязнь ко мне.

– Вы не рады моему восхождению, сударыня?

Хатериман насмешливо вскинула голову, выжидающе глядя на меня, чем очень напомнила своего старшего сына.

– Я вам не нравлюсь. Я поняла это с нашей первой встречи. Вы надеялись, что страсть вашего сына будет более преходяща, а драконы не оставят мне надежды. Но вот я здесь. И нравится вам это или нет, но нам придётся дальше жить вместе и будет лучше, если мы попытаемся поладить.

– Нам не обязательно ладить, девочка. Довольно будет жить без вражды. Тебе не нужна моя любовь, как я вполне обойдусь без твоей почтительности.

– Я не была непочтительна! – возразила я горячо. – Почему вы так относитесь ко мне, как будто я в чём-то провинилась. Или просто недостойна быть рядом с вашим сыном?

– Потому что ты недостойна. Ты слаба, Анжелика Ванхелия. И мы оба знаем об этом.

– Я не считаю себя слабой. И ваша враждебность ко мне неоправданна. Чем я вам не угодила? В чём мой грех?

– Твой грех в том, что мой сын слишком сильно любит тебя, девочка. В том, что от этой любви от теряет разум.

– Да разве это плохо?! Со мною он счастлив!

– Короли рождены не для счастья, дитя. Впереди у нас столько испытаний, он не должен размякнуть. Ему нужно быть воином.

– Я – королевских кровей. Брак со мной принёс ему земли, деньги и союз. Я не жалкая рабыня. Да, я слышала историю об изменах, предательствах и свержении законной власти. Но мои предки владели нашей землёй до того, как Санисторы пришли и взяли то, что ранее им не принадлежало. Ванхелии владели Оруэлом задолго до того, как вошли в состав Десятицарствия. Я ровня вашему сыну, а теперь мы соединены магией так же, как соединены клятвами.

– Всё так. Разве я возражаю? Ты достойна, ты избрана и любима. Моим сыном. Означает ли это, что я обязана любить тебя? Не думаю. Да и возможно ли это – полюбить кого-то по обязанности.

– Мне будет достаточно вашего уважения.

– А разве я выказывала что-то другое?

Сам её тон был ядовит и холоден как тёмные испарения Змеиной Пустоши.

– Я готова полюбить вас. Как и Атайрона. А вот вы меня не любите! С самого начала невзлюбили. Могу я сделать хоть что-то, чтобы изменить положение вещей?

Хатериман усмехнулась, усмешка её была полна издёвки.

– Насчёт меня сложно сказать. А вот любовь Атайрона не так уж сложно получить. Только облегчит ли это твою жизнь? Я сомневаюсь. Хотя... чем ещё тебе заниматься, как не завоеванием любви? Как все Ванхелии, вы не блещите умом.

– Вы дошли до прямых оскорблений? Что заставляет вас так думать?

– А с чего бы мне думать иначе? Ты во дворце уже три месяца. И что? Что ты знаешь о своих подданных? Что ты знаешь о министрах твоего мужа?словно гусеница, ты свила кокон и спряталась от всего мира, живя иллюзиями о любви и фантазиями о счастье. Таковую ли королеву ждут подданные?

– Этот ваш упрек не справедливее других. Никто не способен решать больше двух задач сразу. Моей целью были драконы...

– Зачем нам драконы?

– Не понимаю, о чём вы спрашиваете?

– Что же тут непонятного? Для чего, по-твоему, нам нужны драконы?

– Чтобы охранять свою власть и порядок в стране, естественно.

Я чувствовала себя так, будто сдаю экзамен.

– Пока нет никакой страны. Есть земли, которые мы хотим завоевать. Но рано или поздно эта цель будет достигнута. Что дальше? Никто из нас не умеет править – один мой сын маг, второй – воин. Всё окружение Эвила состоит из бравых вояк. Но когда война закончится, Анжелика-Тайима, когда меч войдёт в ножны, нужны будут другие люди. Люди, разбирающиеся в экономике, политике, этикете, строительстве. Мало завоевать – нужно удержать. Вывести из тьмы на свет.

– Я уверена, что Эвил сумеет с этим справиться. Если бы вы не толкали его всё время вперёд, он мог бы начать строить своё будущее именно здесь. Мы можем создать новое государство, а эта земля и это дворец будет её колыбелью.

– Ты действительно веришь в это? – Хатериман поднялась и, шурша юбками, подошла ближе.

– Да!

– Я же говорю, что ты глупа, Анжелика. Отсюда ничего не построить. Мы должны завершить начатое объединение, закончить завоевание. Вслед большим переменам приходят враги. А война позволяет истребить их как можно больше, это существенно облегчает жизнь в мирное время. Ты же их тех, кто будет скулить о милосердии, щадить и всё портить. Ты не должна мешать моему сыну! Твоя задача – стоять за его спиной, всегда оставаясь на его стороне, даря ему силы. Большого от тебя не требуется, но и меньшего – тоже. Эвилу нужна

твоя верность. Ты должна будешь оставаться рядом с ним, чтобы не случилось.

– Ничего другого я и не желаю, – холодно, в том моей драгоценной свекрови заявила я. – Но, к сожалению, этого, кажется, мало, чтобы растопить лёд между мной и вами?

После встречи с дорогой свекровью я больше не боялась звёздной болезни. Я поняла – у меня в этой жизни есть от неё надёжное противоядие.

Настроение было безвозвратно испорчено. У Хатериман был обычай говорить неприятные вещи, имеющие смысл. И доля истины в её словах была. Мне, как будущей королеве, стоило всерьёз задумать о том, как устроено государство. Я понятия не имела о том, что за люди служат моему мужу.

С другой стороны – когда есть король, королевы играют при нём несколько иную роль. Стараясь накрутить меня, заставить влезть в государственные дела мою любимая свекровь пыталась вбить между мной и Эвилем клин. Лично я не собиралась помогать ей в этом.

В итоге я приняла решение сделать всё возможно, чтобы больше узнать о делах государства, но так, чтобы не мешать и не раздражать супруга.

Однако случайная встреча с Атайроном всё изменила. Мне пришлось думать совсем не о тех вещах, о которых я собиралась.

– Поздравляю, – отвесил он лёгкий поклон, в котором насмешки было куда больше почтения. – Вы упорная женщина, принцесса Анжелика...

– Принцесса? – гордо вскинула я голову. – Мне кажется, я доказала, что достойна вашего брата, а рядом с королём может стоять только королева.

Не то, чтобы я действительно кичилась содеянным... ну, ладно, может быть и кичилась – совсем чуть-чуть, – но встреча с Хатериман испортила мне настроение. Меня так и подмывало сорвать на ком ни будь злость и даже осознание того, что Атайрон совсем не подходящая для этого кандидатура меня не останавливало.

Атайрона моя реплика заставила поморщиться. Так реагируют люди с отличным слухом на фальшиво взятую ноту:

– Видимо, Анжелика, вам кажется, что вы сказали нечто заслуживающее внимания. На мой вкус слишком помпезно и пафосно.

– Я уже успела заслушаться комплиментов от вашей матушки, – раздражённо процедила я сквозь зубы. – Выслушать ещё и ваше обо мне мнение так сразу я не способна!

– С чего вы взяли, что я горю желанием им поделиться?

– У меня создалось мнение (возможно, ошибочное), что наша встреча не случайна. А ещё я почти уверена, что вы не испытываете ко мне симпатии – это в лучшем случае. Из этого легко сделать вывод, что вам от меня что-то нужно...

Он насмешливо приподнял бровь:

– И это что-то, конечно, очередная шпилька, загнанное в ваше самолюбие? Хорошего же вы обо мне мнения.

– Не лучшего, чем вы обо мне, – парировала я.

– Но вы правы в одном. Наша встреча не случайна. Я действительно подкарауливал вас в этом тёмном переулке, надеясь застать одну.

– Зачем?

Не насторожиться после такого заявления было бы, по меньшей мере, странно. Я и насторожилась.

– Вы ведь помните, что планировалась до того, как Ритуал отвлек нашего дорогого Эвила от завоевания Розовых песков, вернее, карательной операции?

– Карательная операция, – упавшим голосом произнесла я.

– Вы ведь не рассчитываете, что теперь, после того, как Молния вам подчинилась, планы изменились?

– Хотите сказать, что Эвил собирается напасть на отца почившей Эденсун?

– Не на отца, а на поданного, осмелившегося бросить нам вызов.

– Он бросил вам вызов после того, как по вашей вине погибла его дочь. Чисто по-человечески его можно понять.

– Чисто по-человечески? – сделал Атайрон большие удивлённые глаза. – Дорогая Анжелика, иногда ваши заявления заставляют меня усомниться в вашем разуме. Если короли станут чисто по-человечески понимать своих врагов и относиться к ним снисходительно, как вам того, кажется бы хотелось, от королевства останутся одни лоскуты.

– Вы, полагаю, ратуете за жестокое подавление?

– Естественно. Власть держится на страхе и уважении, а её фундамент – это чувство выгоды у подданных поддерживать сторону властителя. Людям должен быть выгоден союз с сюзереном, но они должны бояться его прогневить. Страх и любовь – вот что способно держать нас в повиновении. Если кто-то нарушает границы, их нужно поправить как можно быстрее, иначе в образовавшуюся брешь уйдёт всё! Король – человек лишь наполовину.

– В таком случае я от души сожалею, что Эвилу досталась столь тяжкая ноша!

– Я тоже. Но на попятный идти поздно. И я затеял этот разговор не для того, чтобы спорить с вами, сестра.

– Сестра? – опешила я.

– Мы – жена моего брата, а значит, между нами теперь почти кровная связь. Поэтому, да, сестра. Моё обращение вас удивило?

– Неважно, – тряхнула я головой. – Продолжайте. Вы не спорить пришли и не ссориться – это я поняла. Осталось выяснить, чего же вы всё-таки хотите?

– Эвил наверняка будет противиться моей идее, поэтому я хотел бы, чтобы предложение исходило от вас, а не от меня. И вам следует быть настойчивой, выдвигая его.

– Какое предложение?

– Во время наступления три дракона лучше одного, Анжелика.

Сказать, что мне его предложение не понравилось было бы неправильно. Не понравилось – это всё же не совсем правильное слово. Я вообще не видела себя в роли завоевательницы. Вот от слова «совсем». Во-первых, от одной мысли что я могу убивать людей – в данном случае тот факт, что пламя станет изрыгать Молния мало что меняет. За штурвалом, образно выражаясь, буду я. Брать смерть людей на свою совесть мне совершенно не хотелось. Не говоря о уже о том (себе-то можно не врать, а говорить правду?), что любое сражение – это риск. Как не сильны и не мощны драконы, нашими противниками выступят не мальчики из церковного хора.

Что я смыслила в тактике и военной стратегии? Правильно, ничего. И знать об этом больше совсем не хотела.

– Вы должны сообщить Эвилу о своём желании присоединиться к нам. Анжелика. Уверен, вам он не откажет.

– Я отнюдь не уверена, что жажду познать ратную славу, брат, – с иронией проговорила я. – Меня растили для светлиц и рукоделия.

– Вы клевете на себя. По крайней мере я слышал о вас совсем другое.

– Чтобы вы обо мне не слышали – всё ложь!

– Вы настолько трусливы, что боитесь врага даже с высоты птичьего полёта? Или ваша любовь к моему брату не настолько сильна, чтобы толкнуть вас на подвиги?

– Возможно, я просто умнее, чем вам бы того хотелось?! Думаете, мной так легко и просто манипулировать? Что до любви к вашему брату – всё, абсолютно всё, что я делала и делаю в последнее время, продиктовано моим чувством к нему. Но я ещё не успела прийти в себя после Ритуала и Змеиной Пустоши, да там один полёт в облаках чего стоил! А вы и ваша маменька уже набросали план новой полосы препятствий. Это несправедливо.

– Я не пытаюсь вами манипулировать. Это простая арифметика, принцесса... ох, нет, простите, королева, – снова отвесил он в мою сторону издевательский поклон. – Три дракона больше чем один.

– Почему бы вам не взять армию?

– Потому что наша армия, как и наша власть на настоящий момент, больше мифическая, чем реальная. Вы нужны своей семье, Анжелика, и сейчас нужны именно как Драконий Всадник, как Воительница. Если мы победим, вы сможете гордиться собой. Барды сложат о вас песни и баллады...

– И кто теперь тут невыносимо пафосен? – фыркнула я.

Вот всю жизнь мечтала, чтобы про меня песенку спели. Так хотела, аж плакала. Ради такой замечательной перспективы чего жизнь не рискнуть?

– А если мы проиграем? – жёстко спросила, сузив глаза.

– Если проиграем? Кому? Королю Розовых Песков?

– Звучит так уничижительно, что противоречит одно другому. Вы требуете поддержки третьего дракона, значит, как противник он чего-нибудь да стоит? Если мы ему проиграем?

– Не проиграем.

– Но если?...

– Если проиграем, сложенные песни станут прославлять не нас. И ваше имя свяжут с позором и неудачей. Но вы, если останетесь живы,

сможете, поджав хвост, отползти к вашему трусливому папеньки в Оруэл.

– Замечательная мысль! Только я отправиться могу в Оруэл, не участвуя в сражениях и не рискуя собственной шкурой!

– Я думал, вы смелее, Ваше Величество.

– То, что вы думаете, милорд, вообще-то не мои проблемы.

Мы расстались недружественно, если не сказать – враждебно.

Встреча с мужниным братом настроение испортило даже больше, чем встреча с его матушкой. Потому что, как не крути, а мысль о том, чтобы в итоге сделать так, как от меня хотели меня не покидала.

Что за несчастливый у меня характер? Вечно ведусь на всяческие махинации и манипуляции!

Поговорив со всем своим новоявленным семейством, мне теперь осталось дотерпеть до вечера и поговорить и его завоевательно-карательных планах с ним самим. А уж потом делать выводы.

Хотя в глубине души я подозревала, чем всё закончится. Оставалось надеяться на то, что сам Эвил мою инициативу не поддержит.

Глава 25

– Ты чем-то озабочена? – спросил Эвил, когда мы, утомившись от страсти, вышли на балкон вдохнуть свежего воздуха.

Вечер выдался душным. В местных краях почти всегда стояла духота и за всё время пребывания здесь мне ещё ни разу не хотелось накинуть на плечи что-то теплее шёлка, если не считать полётов под облаками.

Как и в прошлый раз, звёзды были большими и яркими. Они сияли сверху, сверкали вдали, отражаясь от тёмных вод залива. Их лучи дробила рябь течения, и словно серебристая дорожка простиралась тонкой стрелкой от линии горизонта в нашу сторону.

Мне не хотелось портить такой чудесный вечер ворчанием и жалобами, но в иные моменты мы с Эвилем редко встречались.

– Твоя мать сегодня приглашала меня разделить с ней трапезу.

Даже не глядя на мужа я почувствовала в его позе напряжение.

– Атайрон тоже нашёл время, чтобы поздравить меня.

– Приятно слышать, что мои родные ценят тебя.

Я ощутила приступ раздражения. Иногда я уставала от всех этих красивых слов, изысканных чувств, высоких отношений. Да, всё это сказочно возвышенно и прекрасно, но это как всё время на каблуках танцевать. Иногда становится невтерпёж аж до визга! Я не родилась принцессой, возможно, всё дело в этом?

– Думаю, мой повелитель догадывается о том, что не всё так гладко, – не без сарказма, с иронией произнесла я, наконец-то перестав любоваться пейзажем и заглянув в лицо мужа.

Он недовольно нахмурился.

– О чём ты говоришь, дорогая?

– О том, дорогой, что твоей матери я не нравлюсь, – словно стараясь закрыться от намечающейся ссоры, я скрестила руки на груди. – Она явно бы предпочла увидеть на моём месте кого угодно другого – любого! – лишь бы не меня.

– С чего ты взяла?

Голос Эвила звучал ровно, но я кожей, сердцем, всем нутром чувствовала, что поднятая мной тема ему не по душе.

– Это сложно не заметить. Я старалась, честно – но мои таланты не безграничны. Сегодня госпожа Хатериман заявила, что я недостаточно хорошо разбираюсь в политике твоего двора. А я вообще не в курсе, что он тут есть? Не считать же двором молчаливую, как тень, прислугу?

– Не понимаю... вы чем-то недовольны, госпожа?

Вежливые интонации Эвила пропитались холодом, как губка водой. Он всем своим видом выражал предупреждение: «Осторожно».

Но я не хотела быть осторожной. Я хотела... чего, кстати? Наверное, я до конца точно не знала, не могла этого чётко обозначить. Хотела, чтобы рядом со мной был близкий человек – по-настоящему близкий, с которым, как говорится, и в горе, и в радости. Я любила Эвила, но между нами словно была невидимая стена – дистанция. Он был так ласков, он был со мной мягок, он передарил мне за эту неделю едва ли не ювелирную лавку и драгоценности, наверное, стоило состояние? К моим ногам легли шелка, каждое моё желание предугадывалось. И наши ночи раз от раза становились лишь жарче.

Так что с его стороны я сейчас, наверное, выгляжу, капризной? Но мои чувства не были капризом.

– Я всем довольна, любовь моя, просто... просто мне тесно.

– Тесно?

Он не понимал.

– Да. Тесно. В этой комнате, в которой пусть в роскоши, но проходит день за днём.

– Разве тебе запрещено покидать свои покои? Ты не пленница в моём дворце – ты госпожа.

Он действительно так считал? Настоящей госпожой во дворце была его мать. Нет, я не завидовала её власти и не хотела её отнять, просто повсюду, куда бы я не пошла, чтобы не делала, я чувствовала на себе незримый, но вездесущий взгляд Чёрной Хатериман. Ей принадлежало всё. И она боялась, что я заставлю её делиться – к этому она была не готова. И именно это заставляло её меня ненавидеть. Если бы на моём месте была другая – она бы ненавидела её так же, как теперь ненавидит меня.

Оставаясь одна, я начинала подозревать, что весь этот Ритуал с магией был тщательно придуман Черной Госпожой и рассчитан на то, чтобы победителей не было. Но Атайрон каким-то образом переиграл

мать на её же поле. Между желаниями и интересами, матери и брата он, по непонятным мне причинам, решил держать сторону брата.

Только любви Эвила я обязана жизнью. Ему же я была обязана короной. И магией, которая теперь проснулась во мне. А самое главное, он подарил мне любовь.

Я всё это ценила. Но я не чувствовала себя в безопасности. Спала ли я, ела ли, прогуливалась в парке – затылком и кожей чувствовала на себе неприязненный взгляд, как у кошки, пасущей в засаде мышь.

– Атайрон не только поздравил меня.

Эвил не сводил с меня взгляда, ожидая развития. И я не обманула его ожиданий.

– Он рассказал о том, что твои планы насчёт Розовых Песков не изменились.

– Зачем?

– Зачем рассказал?.. Возможно, твой брат считает, что втроём у нас больше шансов одержать победу с меньшим риском?

– С меньшим риском для кого?

– Для вас, ваше высочество?

– Серьёзно? – теперь пришёл черёд моего мужа загораживаться от меня, скрещивая на груди руки. – Твоё участие в нападении на военную крепость может как-то улучшить наше положение?

– Ну... оно определённо его не ухудшит, – осторожно уронила я, чтобы не вызвать вулкан негодования.

Зря опасалась. Эвил, как всегда, отлично владел собой.

– Ухудшит, любовь моя, если вместо того, чтобы думать о стратегии боя и собственной безопасности, я стану присматривать за тобой, ежесекундно волнуясь о твоей безопасности.

Его слова бальзамом лились на мою душу. Я не рвалась в драку чтобы всех порвать и предать геенне огненной. Мне вполне комфортно было и в моей роскошной светёлке.

Подняв руку, Эвил осторожно провёл ладонью по моим волосам, с нежностью и некоторой горечью глядя мне в лицо:

– Что за игру он снова ведёт? Зачем вкладывает столь опасные идеи в твою голову?

Повернув голову, я поцеловала ласкающую меня руку:

– Возможно, любовь моя, он хочет проверить мою верность тебе и готовность к жертвенности?

– Мне не нужны жертвы с твоей стороны. От своей жены я не жду ратных подвигов.

– Но... я согласна, Эвил, что сейчас я буду скорее обузой, чем подмогой. Но ведь не просто так я прошла весь этот путь? Зачем было становиться Всадником, если...

– Потому что только так мы можем получить новых драконов! Наши с тобой драконы должны быть в паре. А от тебя я хочу получить любовь, нежность и верность. Для того, чтобы спалить Пески мне и Пламени в компанию ненужно, достаточно Рока. А о том, чтобы ты близко приблизилась к линии огня и речи быть не может! Я поговорю с братом. Пусть впредь не несёт чепухи.

Для приличия я сопротивлялась, но в душе осталась довольна и самим запретом, и той формой, в каком он был сделан. Мой муж ценил меня, любил и оберегал. Чего больше мне желать.

Я прибывала в отличном расположении духа, приподнятом и радостном в аккурат до того момента, как без всякого предупреждения дверь распахнулась и в мои покои, в нарушение всех правил этикета (да, я уже успела в них разобраться достаточно, чтобы понять нарушение границ) словно смерч, ворвался Атайрон.

Не знаю, что у них там с братом произошло, но выглядел он просто кипящим от злости.

Мои служанки испуганно притихли, словно стайка птиц, застигнутых на солнечной полянке ястребом. Словно какая-то незримая сила раскидала их в стороны, заставляя сливаться с предметом интерьера и подпирать собой стены.

Стремительным шагом Атайрон пересёк разделяющее нас расстояние и навис надо мной, сидящей в кресле у камина с книгой в руках, как меч. Для убедительности уперев руки в бёдра. Смотрелось это эффектно – классически-чёрный низ и белый верх. Рубашка с пышными рукавами а-ля принц эпохи Рококо была ему к лицу.

– Что-то случилось, брат? – невозмутимо поинтересовалась я, не сводя взгляда с нахмуренного лица.

Высокий лоб в районе переносицы пересекли гневливые морщинки-молнии.

– Пока нет, дорогуша.

Наклонившись вперёд, он упёрся руками в подлокотники кресла, на котором я сидела, сокращая дистанцию, нарушая все приличия и

субординацию.

– Что вы себе...

– Помолчи, – рыкнул он на меня. – Ты всего лишь глупая безмозглая курица, не стоящая затраченных мной усилий.

Он оскорблял меня на глазах моих служанок! Он посмел почти прикоснуться ко мне, а ведь учитывая мой статус и наши родственные связи...

– Ты замечала, насколько люди глупы?

– Возможно, не люди настолько глупы, а вы всего лишь предвзято к ним относитесь?!

– О, нет! Люди именно что глупы. Глупы, самоуверенны и слишком тщеславны, чтобы заметить протянутую руку помощи. Вы, – бросил он девушкам через плечо. – Пошли вон.

– Нет! Это уже через чур! Как вы смеете распоряжаться моими...

– Вы ещё здесь?! Повторяю, в последний раз и больше не стану – вон!

Судя по тому, как мои девушки быстро удалялись люди ещё и бесконечно трусливы.

– Я жажду объяснений. Что вы себе позволяете?

– Дать вам шанс научиться думать. Хотя бы самую малость. Давайте, Анжелика! Я в вас верю! Почему я настаивал на том, чтобы вы отправились с нами – со мной и с братом?

– Понятия не имею.

– Вторая попытка?

– Вы уже сказали – три дракона лучше, чем два! Что тут думать?!

– Думать, моя прелестная дурочка, нужно всегда. Это просто упражнение способно улучшить жизнь – как минимум, а как максимум – продлить её. Вы действительно считаете, что я могу видеть в вас силу, способную облегчить нам процесс расправы над врагами?

Судя по выражению его лица, сама мысль об этом кажется ему такой же абсурдной, как мне постулат о том, что плоская земля держится на трёх китах, если последние упоминаются не в качестве красочной метафоры.

– Я не понимаю...

– Да. Это я уже заметил. И прежде, чем мы расстанемся, я очень хотел бы, чтобы вы задумались, что была настоящей причиной моего предложения.

И глядя в его чёрные глаза, я словно в зеркале увидела образ Хатериман.

Атайрон не хотел, чтобы я оставалась во дворце в тот момент, когда ни его, ни Эвила рядом не будет.

Боже мой, какая же я идиотка! Мне нужно было найти слова, чтобы убедить Эвила позволить мне лететь с ними, в то время как я упустила свой шанс. Заговорить об этом повторно было бы через чур – ни к чему, кроме как к ссоре, это бы не привело.

Ни один мужчина не готов услышать фразу от своей жены: «Рядом с твоей матерью я боюсь за свою жизнь».

– Вижу, вы наконец-то уловили истину, Ваше Высочество. Постарайтесь распорядиться ею с наибольшей для себя пользой. Моё почтение.

Почтения ко мне Атайрон не испытывал. Но в данный момент меня это волновало меньше всего.

Сказать, что разговор с «драгоценным братцем» испортил мне настроение – ничего не сказать. Была ли я встревожена? Ещё как. Напугана? Пожалуй, да. А главное, я слабо представляла, что делать дальше? Бежать к Эвилу со своими проблемами? Жаловаться мужу на мать? Он предпочтёт списать всё на мнительность, дурное настроение, ПМС и бог весть ещё на что, но поверить, что твоя мать готова всерьёз навредить твоей жене?

Я не чувствовала за собой достаточно силы, чтобы убедить его в том, что угроза реальна. Я и сама отнюдь не была в ней уверена! Да, я не нравлюсь Хатериман, как любая женщина, что имеет возможность посягнуть на нечто такое, что ты считаешь важным, ценным и по праву только твоим не нравится другой. Но какой смысл ей по-настоящему вредить мне?

К свекрови я симпатии не испытывала, но она мать Эвила. Она дорога ему. И склоки между нами накануне серьёзного мероприятия, несущего за собой риски, не предадут ему сил. Я же не желала добавлять ему проблемы.

К тому же, скажу честно, при всём при том, что Атайрону должное я отдавала – доверять ему все же не спешила. Если изначально его целью было заставить меня присоединиться к их дуэту с драконами, превращая наступление в триумвират, вполне логично напугать меня до такой степени, что заставить послушаться решения

мужа. Считал ли он моё участие в бою решающим, не знаю, не уверена, но вот продемонстрировать Эвилу, насколько я импульсивна и своевольна, тем самым настроить его против меня? Такой вариант представлялся мне куда более возможным, чем способность свекрови вредить напрямую.

Ну, что она посмеет мне сделать? Убить напрямую? Вряд ли. Ведь когда Эвил вернётся, ему придётся как-то объяснить, почему единственная принцесса, оказавшаяся способной пройти через все выдуманные их чокнутой семейкой испытания, дойти до трона, обеспечить драконам их естественно-магический приплод вдруг не дотянула до возвращения любимого мужа? Это вряд ли укрепит сыновние чувства в сердце Эвила, да и какая нормальная мать пожелает страданий своему сыну?

Рассуждая подобным образом, я убедила себя, что лучшей тактикой поведения в моём случае будет обезопаситься, окружив себя по возможности наиболее преданными Эвилу слугами и как можно реже попадаться на глаза Черной Хатериман. Наш король не может отсутствовать долго, ведь это не военный поход в прямом понимании слова. Он вернётся в течении нескольких дней.

Вернётся с победой. Эвил пару раз говорил со мной о своих великих планах. Он собирался завоевать жемчужный город Сакиар, когда-то бывший столицей Десятицарствия. Судя по его рассказам, нравы там отличались от тех, что я наблюдала вокруг себя здесь и куда больше напоминали о Франции эпохи классицизма, чем здешние земли, обладающие явно восточным колоритом. Именно оттуда он и собирался царствовать. Все его помыслы были направлены на восстановления своих царственных притязаний. В таком настроении он вряд ли был способен оценить наши подковёрные женские склоки. Он видел себя великим человеком их тех, кто рождается раз в столетие, чтобы править пространством от той черты, где встаёт и до той, куда садится солнце. Великие цели не достигаются без великих жертв.

Умирать во славу его я не собиралась, но кое-чем, например, возможность постоянно клянчить его внимания покровительства вряд ли достойна жены будущего великого царя? Мне нужно учиться терпению, учить самой защищаться от своих врагов.

Чем выше человек поднимается, тем больше он у всех на виду, а чем больше он на виду, тем больше завистников и врагов его окружает. Это такой же неизменный закон природы, как то, что предметы отбрасывают тень. Это неизбежно.

Всё хорошенько обдумав, я приняла решение выждать, будучи настороже.

День, когда Драконьи Всадники направились к Розовым Пескам, выдался пасмурным, небо опустилось к воде. Всё вокруг насупилось и отяжелело, как женщина на сносях, готовое разродиться очередной бурей.

Над главной городской площадью пронёсся утробный, оглушительный гром, наполненный орлиным клёкотом – то ревели драконы, оповещая всех вокруг о несокрушимой силе, незнающей равных в этом мире, лишённом огневой мощи привычной нам военной техники и боевых ракет. Противника этот звук наверняка ввергнет в панику, лишая моральных сил, но с этой стороны звук наполнял нас силой, как попутный ветер развёрнутые паруса.

Наблюдая за тем, как эти магические создания рывком поднимаются вверх, преодолевая притяжение, набирают высоту, я чувствовала тревогу и восторг. Судя по крикам людей, наполняющих площадь, они разделяли моё настроение и чувства – мы непобедимы, пока на нашей стороне такая сила.

Испытывала ли я тревогу в тот момент? И да, и нет. Война есть война, в ней всегда остаётся место для роковой случайности, способной изменить всё. Но на нашей стороне были все козыри. На нашей стороне были драконы.

Было такое чувство, словно весь солнечный свет Эвил увёл за собой. На Чёрную Цитадель опустилась мгла. С моря задул холодный ветер, несущий непогоду. Он наполнил улицы туманом, который сначала шёл клочьями, а потом лёг густой пеленой.

Это был особенный туман. Он будто не оставался за стенами, а проникал в них, заползая в каждую щель, наполнял собой коридоры, комнаты дворца, его тайные переходы, без того утопающие в сумраке.

Несколько раз мне казалось, будто я слышу яростный и тоскливый крик Молнии, но, прислушиваясь, я каждый раз понимала, что обманываюсь. На самом деле было тихо. Очень тихо, ведь туман, в дополнении ко всему, славится свойствами поглощать звуки.

– Ваша милость, может быть, приготовить вам чаю с бергалистом. Он поможет вам успокоиться? – предложила Суокэ.

Поскольку заняться было всё равно нечем, я согласилась.

– И пусть разведут в камине огонь, – велела я, удивляясь тому, как быстро научилась разбрасываться приказами, будто всю жизнь этим занималась.

Правду говорят, что к хорошему привыкаешь быстро.

– Вам холодно? – удивилась Суокэ.

– Нет. Но в комнатах слишком много влаги. Огонь поможет очистить воздух.

– Хотите окурить комнаты благовониями, госпожа?

– Достаточно будет подбросить ароматических трав в огонь. Запах курений слишком сладок. От них у меня кружится голова.

– Как пожелаете.

Чай мне не понравился. Вкус берлагиста напоминал нечто среднее между имбирём и мятой, резкий холодок и вяжущие ощущения на языке были своеобразными и с непривычки не совсем приятными.

– Не нервничайте так, госпожа. Наш король опытный воин, рядом с ним его верный брат.

– Я не нервничаю, – солгала я. – Вернее, нервничаю, конечно. Скорее просто беспокоюсь.

Мне снова показалось, что я слышу взволнованный клёкот Молнии.

– Подайте мой прогулочный костюм.

– Зачем, госпожа?

– Хочу прогуляться.

– Но мы ведь только недавно пришли?

– Ты что, перечить мне решила или обсуждать мои решения?! – раздражение и страх всё же нашли выход в возможности излиться на неосторожно попавшуюся под горячую руку фрейлину.

Хотя я почти тут же устыдилась своей внезапной вспышки и сказала уже вежливее и мягче:

– Мне необходимо прогуляться. Хочу удостовериться, что Молния не слишком тоскует по своим собратьям.

– Тоскует, миледи?.. Но ведь драконы не люди? И они вряд ли скучают подобно нам?

– Просто подай мне плащ. И скажи охранникам, пусть будут готовы, – вновь чувствуя накачивающее раздражением, велела я строгим голосом.

– Как пожелаете, госпожа, – сухо отозвалась Суокэ, делая почтительный реверанс.

Мне не нравилась эта девушка. Нужно будет подыскать ей замену при первом же удобном случае.

Всем своим видом выражая неодобрение моим решением, Суокэ помогла мне облачиться с тёплой платёе для вечерних прогулок и подала шёлковый плащ на бархатной подкладке.

Охрана преданно пристроилась за моей спиной. Их гулкие шаги в полумраке будили тени, воскрешая в памяти легенду о железном командоре. Свет от факелов расплывался мутным сияющим пятном, больше подчёркивая темноту, чем разгоняя её.

На улице было так душно, что я пожалела, что надела плащ. Пышные юбки казались тяжёлыми и как никогда неудобными, словно липли к ногам, мешая идти. Было трудно идти, было нечем дышать, земля плыла под ногами будто волна.

Я споткнулась и едва не упала, не поддержи меня охранник.

Молодой симпатичный парень с тревогой взглянул мне в лицо:

– Вам нехорошо, ваше высочество? – с тревогой спросил он.

– Всё в порядке, – слабым голосом отозвалась я. – Просто голова закружилась. Сейчас пройдёт.

На свежем воздухе действительно полегчало. По крайней мере меня хоть больше не штормило, правда, дурнота периодически накачивала волнами.

Ненавижу туман! В нём так легко потеряться.

Как только мы переступили порог Драконьего логова стало понятно, что желание прийти сюда ни одну меня посетило. В проходе, неподалёку у входа стояла Хатериман в окружении своих верных стражников. При ней же была и её верная, бессменная Танитисан.

Я ни минуты не сомневалась, что свекровь не случайно пришла сюда в одно время со мной. Я знала, кого мне следует благодарить за нашу встречу. Суокэ уж совершенно точно не задержится у меня в усужение.

Насыщенный синий цвет был к лицу королеве-матери. Он смотрелся на ней строго, в тоже время подчёркивая её властный

статус.

Спокойным, уверенным шагом она приблизилась, не сводя с меня змеиного взгляда. Всё-таки чёрные глаза удивительно жёсткие. В той же степени, что и яркие. Невозможно притвориться, сделать вид, что не видишь их взгляда, направленного в твою сторону.

Мы остановились друг против друга, меряясь взглядами. Мне не хотелось уступать, но она была старше. И она была матерью моего возлюбленного. Поэтому в итоге я первой склонила голову, выказывая уважением:

– Госпожа?

Хатериман смерила меня ледяным, чуть насмешливым взглядом:

– Добрый вечер, Тайима. Что ты здесь делаешь?

– Хотела удостовериться, что с Молнией всё хорошо.

Тонкая царственная бровь надменно выгнулась:

– А что плохого, по-твоему, с ней может здесь случиться?

Её тон был как лёгкие пренебрежительные пощёчины. Он выводил из себя, а выходить из себя ни в коем случае нельзя. Любой ценой требовалось сохранять спокойствие.

– Я не знаю, госпожа. Просто мне показалось, что я слышала её крики. Вот и разволновалась. Всего лишь хотела убедиться, что с ней всё в порядке.

– Как трогательно, что в итоге ты так привязалась к этому милому созданию, – с откровенной издёвкой протянула Хатериман, сцепляя руки пере собой.

– Что ж? Раз вы здесь, значит, всё в порядке и я, пожалуй, вернусь к себе, – отступила я.

Но Хатериман покачала головой:

– Не торопись. Нам давно следует поговорить по душам. И сейчас, когда мы одним, самое время.

– Я так не думаю.

– Я так думаю, – не повышая голоса отрезала королева-мать.

Пожалела ли я в этот момент, что не послушалась Атайрона и не отправилась с ними покорять Розовые Пески? Если честно, то ни капельки. Рано или поздно, но серьёзного разговора по душам с этой женщиной нам всё равно было не избежать. Она права. Почему не сейчас? Силы не равны? Так они никогда не будут равны.

– О чём вы хотели со мной поговорить? – решила принять бой я.

Глава 26

– Анжелика, – неожиданно обратилась она ко мне по имени моей предшественницы. – Мне хорошо известно о том, что брак с моим сыном не был твоим осознанным выбором. Ты всегда мечтала о свободе, о возможности жить так, как ты сама захочешь. Мои шпионы следили за тобой с самого твоего детства, мне докладывали о твоих вкусах, способностях и желаниях.

– Похоже, вы не зря платили вашим осведомителям. Но я не понимаю, к чему эти речи?

– Сейчас я могу помочь воплотиться твоим мечтам в жизнь.

– О чём вы?

Я действительно не понимала. Хотя, ладно, я лукавлю. Я понимала, что Хатериман планирует от меня избавиться не тем, так иным способом. И она всерьёз рассчитывала, что я смогу стать ей в этом деле союзником?

– У принцесс нет выбора – их продают словно кобылиц на рынке. Я тоже женщина и понимаю, что это неправильно.

– Зато я, признаться, вас не понимаю, сударыня, – я даже выслушать её не хотела.

У меня не хватало на это терпения. Во мне всё кипело.

– Я люблю вашего сына. Да, когда всё это началось, я действительно готова была на всё, чтобы избежать нашей свадьбы, но ведь я Эвила не знала? Теперь знаю. Я готова жизнь за него отдать. И уж бежать от него точно не намерена. Но даже если бы я его ненавидела, то всё равно не приняла бы подобного предложения. Я не хочу, чтобы ваши драконы поливали огнём наши города.

– Тебе и не обязательно сбегать в Оруэл, – как будто даже с презрением протянула Хатериман. – Я дам тебе достаточно денег, корабль и людей, чтобы ни в чём не нуждаться до конца дней. Ты можешь стать богатой, счастливой и свободной. Ты храбрая и верная девушка и вполне заслуживаешь своего счастья.

Я поняла, что мы обе теряем время. Ни одна из нас не верила, что я соглашусь на это предложение. Она делала его для очистки совести перед тем, как перейти к более решительным действиям.

Я отчаянно пыталась про себя просчитать следующие шаги Хатериман, но, откровенно говоря, представляла её действия смутно.

– Как вы совершенно верно заметили, я храбрая и верная. Такие люди не сбегают от тех, кого любят, кому дали слово дожидаться. У меня нет причин покидать вашего сына.

Хатериман сдержанно кивнула:

– Я была готова к такому ответу.

– Не понимаю, почему вы так хотите от меня избавиться? Ваш сын не останется один. Рано или поздно он снова женится, не исключено, что по любви. Вы каждую его любимую женщину станете сживать со света?

– Любовь? Для властителя это лишнее.

– Вы ошибаетесь.

– Это моё право.

– Ваш сын не простит вам, если со мной что-то случится. Вы его потеряете, если не оставите плести ваши глупые интриги против меня.

– Я никогда не плету глупых интриг. И с тобой ничего не случится. Ну, в смысле такого, после чего мой родной сын стал бы ненавидеть свою любящую мать.

Я нахмурилась, вопросительно глядя на противницу.

– Не думаешь же ты, девочка, что я подниму на тебя руку? Совершу покушение на твою жизнь? Конечно же, я этого не сделаю.

– А что вы сделаете?

Всё происходящее на тот момент не вызывало у меня настоящей тревоги. Я никак не могла воспринять угрозы Хатериман всерьёз.

– По своей воле или нет, но ты покинешь Чёрную Цитадель, Тайима. А мой сын будет верить в то, что ты совершила это по доброй воле.

– И вам нет дело до того, сколько людей погибнет из-за вашего сумасбродства?

– Люди всегда гибнут. Таков человеческий удел.

– Поверить не могу! И это вы упрекали меня в отсутствие интереса к государственным делам?! Мне всё понятно! Вы просто боитесь меня и потому хотите отодвинуть в сторону. Но у вас ничего не получится.

– Почему же? – усмехнулась Хатериман. – Дай подумать? Да, конечно. Мы ведь в Драконьем Логове и у тебя здесь есть весьма

сильный союзник? Ты ведь на помощь Молнии рассчитываешь, девочка? Не так ли?

Так оно и было. И то, что она так легко просчитала ход моих мыслей меня не вдохновляло.

– Глупышка, – снисходительно проговорила Хатериман. – Неужели ты не понимаешь, что заслужила всего лишь лояльность, но вовсе не преданность моего дракона.

– *Вашего* дракона?..

– Моего, – кивнула Хатериман. – Ты же не думала, что я не летала? Молния принадлежала, да по большому счёту и сейчас принадлежит мне. Как и мои сыновья. И эта страна.

– Тогда зачем был весь этот фарс?!

– Моему сыну нужна королева. А Молнии когда-нибудь потребуется новая Всадница, весь связь со мной уже не поможет ей обзавестись новым потомством. Но во всей этой связке любовь Эвила к тебе совершенно лишняя деталь. Королева – это церемониал и наследники, большего ненужно.

– Вы – чудовище! Вы это понимаете?! Эгоистичное, властолюбивое чудовище, играющее в своих родных детей словно в куклы.

– Я знаю, кто я. Никогда не питала по этому поводу иллюзий. Правда. Да, я чудовище. И за моей спиной стоит длинная вереница таких же чудовищ. И мои внуки будут такими же чудовищами. Да и твой горячо обожаемый Эвил – он нежен и мягок с тобой, но он такой же, как я. Желая заполучить желаемое, мы не остановимся не перед чем.

– Да с чего вы взяли что я стану или даже захочу вам мешать!? Что за безумие? Будь вы любовницей Эвила, я бы поняла вас, но вы его мать! Так что мы делим?

– Ничего. Любовь к такой, как ты, делает его слабее и уязвимее. Ты не такая, как мы. Ты другая. Сейчас ты не согласишься с моим решением, но пройдут годы, и ты поймёшь, что так было лучше.

– Вы хоть понимаете, какую боль причините вашему ребёнку? Неужели его страдания ничего не значат для вас?

– Ты так уверена в серьёзности его чувств к тебе? – хриплым лающим смехом засмеялась эта невыносимая женщина.

Её слова ножом ударили в самое сердце. Никто не может быть полностью уверен в чувствах другого – чужая душа потёмки. Но я помнила нашу ночь на Змеином Острове, помнила нежность Эвила, его горячую страсть, слова любви.

– Да, я уверена. Ваш сын меня любит.

Улыбка сошла с её лица. Взгляд сделался задумчивым, губы искривились в горькой улыбке:

– Если бы я не щадила его чувств, разве стала бы я возиться с тобой? Куда проще и надежнее было бы тебя просто убить. Но... я же говорю: чувства делают нас слабее. Итак, подведём черту под нашим разговором, дорогая моя – ты отказываешься добровольно покинуть нас?

– Я же уже сказала?

– Верно. Что ж? Значит, покинешь нас против воли. Доброго пути и попутного ветра, Тайима.

Не говоря больше ни слова, Хатериман, отодвинув меня плечом, направилась к выходу с гордо поднятой головой.

Я с недоумением глядела ей вслед.

Я собралась было шагнуть за ней, как тени, неподвижно стоявшие в углах, ожили.

Охранники королевы-матери двинулись в мою сторону. Мои шагнули между нами, обнажив мечи. Но с первого взгляда становилось понятно, что расклад идёт не в нашу пользу.

Внутреннее чутьё на развитие ситуации никогда меня не обманывало... хотя, какое тут чутьё? Простая, но твёрдая логика стояла за то, что намерения моей дражайшей свекрови увенчаются успехом.

И всё же я не желала мириться! Да и как бы я могла это сделать? Приказать охранникам не рисковать собой ради меня и сдать? Это было бы благородно, но, слава богу, даже если бы я и решила поступить подобным образом, меня вряд ли бы кто послушал.

Нападающие, подняв мечи, кружили вокруг нас, выискивая момент для нападения. Обороняющиеся зеркально повторяли их движения, готовые отбивать удары и дорого продавать свою жизнь. Я стояла в самом центре, опасливо озираясь, отчаянно стараясь придумать хоть что-то для спасения себя любимой.

Всё, что приходило в голову, вопреки предупреждениям, прозвучавшим от Хатериман, призвать на помощь Молнию. Но я чувствовала, что ничего не получится – моей красавицы просто здесь не было здесь! Злобная ведьма, видимо, была не так сильно уверена в предпочтении драконихи, раз постаралась сделать так, что в решающий момент её здесь не оказалось. Ну, ладно! Я и без Молнии кое-что могу!

Тёмный шар легко сплёлся между руками, будто вытягивая из пространство темноту или выворачивая его наизнанку – не знаю точно, как описать происходящее. Я словно держала пальцами колючий и острый лёд. Лёгкое потрескивание дало знать о том, что шар наэлектризован, будто шаровая молния. Последнее то, что естественно приходило на ум при сравнении.

Лица нападающих были скрыты под чёрными платками. Эту деталь мой разум отметил проходя, не то, чтобы она вела к каким-то конкретным выводам, перед тем, как я, словно мяч или слепленный снежок, бросила в сторону моих врагов.

Видимо, мои противники лучше меня были осведомлены о действии моей магии. Они бросились в стороны, на пол и были правы – действие шар действительно оказывал как небольшая граната. Мой охранник успел отбросить меня к себе за спину, сбивая с ног и прикрывая собственным телом. Не успели звуки взрыва стихнуть, как меня так же, рывком, подняли на ноги.

– Госпожа, бегите.

Нападающие не дали нам передышки. Оба моих охранника, слава богу, не пострадали, и снова их клинки защищали меня от врага.

Упрашивать себя долго я не заставила, а, подхватив юбки, рванула к выходу. Почти добежала, когда мне наперерез выскочил огромный головорез. Я не помню лица. Не помню даже, было оно скрыто или нет. Для меня он не был в тот момент человеком, лишь угрозой, препятствием, которое следовало либо остановить, либо устранить.

Он с диким устрашающим воплем бросился на меня. Во полумраке синим отливал приближающий клинок. На испуг не было времени. В крови кипел адреналин. Я сумела ловко уклониться от его удара, быстрой серной отпрыгнув в сторону. Его это заставило лишь сильнее расвирепеть и скорее всего мне бы не поздоровилось, но

прежде, чем он повторил попытку меня прикончить, чей-то нож вонзился в его вопящую глотку.

– Идиоты! – заорала одна из безликих фигур на застывших от изумления подручных. – У нас приказ оставить её в живых!

Отлично! У меня фора! Потому что у меня приказа и резона щадить врага нет. Подхватив с пола саблю поверженного врага, тяжёлую, но при этом веселящую руку собственным весом, я бросилась на очередную безликую фигуру, приближающуюся ко мне.

На моё счастье, Анжелика, видимо, неплохо умела обращаться с оружием. Иначе как объяснить то, что я вполне сносно отражала нападение воина? Там, где не хватало силы, я брала ловкостью, скоростью и гибкостью. Ну и на руку было то, что меня стремились зажать в угол и обезоружить, а не убить. Они дрались со мной в полруки.

Я почувствовала, что выдыхаюсь. Видимо, мои защитники уже были мертвы. Что со мной стало, что я думаю об этом без содрогания – как о свершившемся факте. Они выполнили свой долг, а я даже не знала их.

В отчаянии я вновь попыталась использовать магию. Было страшно прибегать к этому средству, ведь я действовала абсолютно вслепую, не зная, к чему меня может это привести. Но отчаянные обстоятельства требуют отчаянных действий!

На этот раз вместо сплетённого в чёрный шар сгустка энергии я изобразила нечто вроде паучьих длинных лап. Эти липкий, гибкие чёрные плети протянулись от моих рук к телам недругов и оплелись вокруг них живыми змеями или ползучей лозой, сбивая с ног, оплетая, опрокидывая.

Они пытались рубить железом, но сказочные чёрные щупальца обрастали новыми присосками, вместо одного их появлялось десять. Удушливой петлёй анаконды плазменные сгустки чёрной энергии обвивались вокруг тел моих врагов и сдавливали их, удушая.

Я ликовала. Проход был открыт.

Тяжело дыша, я направилась к дверям.

Но вскоре поняла, что выйти отсюда так просто не удастся: Хатериман стояла в дверях, наблюдая за разворачивающейся драмой как за увлекательным действием. Она была настолько цинична, что, подняв узкие бледные ладони, заплотировала мне.

– Bravo, Тайима. К моему удивлению, ты оправдываешь имя, что я дала тебе.

В её колючем весёлом голосе звучало искренняя симпатия. На короткое мгновение я даже поверила, что всё случившееся было очередным жёстким испытанием, которое я благополучно прошла.

– Ты сильнее, чем я думала.

Улыбка сошла с её лица, глаза вновь сделались жёсткими.

– Оставьте меня в покое! – гневно прорычала я. – Зачем вы упрямо лепите из меня врага? Ведь мы любим одного человека. Мы могли бы стать если не друзьями, то союзниками.

– Мне не нужны союзники, девочка. Я никогда не работала в команде.

– Вы вынуждаете меня отвечать вам!

Хатериман, закинув голову и хищно обнажив белоснежные ровные зубы, засмеялась весело, заразительно и зло:

– Глупышка! Сила окрыляет, не так ли? Ты поверила в себя? Но твоя сила – это моя сила. И ты не сумеешь обратить против меня моё собственное оружие.

– Увидим!

– Тут нечего и смотреть. Ты умная и сильная девочка, подающая большие надежды. Тем больше причин избавиться от тебя побыстрее.

– Спасибо, что не оставляете мне сомнений, сударыня.

– Не за что. Поверь, сомнения – это не единственное, чего я сейчас лишу тебя. На самом деле против меня у тебя нет ни шанса.

– Это мы ещё тоже посмотрим.

– На самом деле – нет.

Я раскинула руки, надеясь призвать уже выручившую меня несколько раз силу. Она отозвалась попервоначалу ощущением холода на пальцах, но... чёрные сгустки не сплелись, а распались облетающими на пол лепестками. Холод от пальцев побежал по всему телу, и я почувствовала, как вся обмираю и деревенею. Лишь сердце колотилось отчаянно и быстро, стараясь разогнать кровь достаточно сильно, чтобы прекратить парализующее воздействие.

– Что вы со мной делаете? – даже слова давались с трудом, словно застревают между губами.

– Тебе понравился чай, что подала тебе служанка? Зелье, моя дорогая, как семечко, плескалось в твоей крови, ожидая моего лёгкого

воздействия. И вот теперь я могу владеть твоим телом лучше тебя самой.

– Вы... сумасшедшая...

– Если тебе проще так думать. На самом деле я просто люблю всё контролировать и ничего не оставлять на откуп случайностям. Рекомендую эту тактику. Меня она ещё ни разу не подводила. Ты не переживай. Ничего страшного с тобой не случится. Сейчас ты уснёшь и дальше всё пойдёт так, как было запланировано изначально. Счастливого пути, принцесса Анжелика.

– Вы пожалеете об этом!

– Не думаю.

– Обещаю вам – вы пожалеете.

– Приятных снов, моя дорогая, – прозвучало с мягкой издёвкой.

И как я не сопротивлялась – а я сопротивлялась изо всех сил! – её заклинание оказалось сильнее меня. Веки налились свинцом, ноги подогнулись.

Я из последних сил цеплялась за остатки сознания, но добилась лишь того, что смогла осознавать происходящее, но не могла ему сопротивляться.

Мой разум оказался в темнице моего тела.

Глава 27

Придя в себя, я не сразу поняла, почему меня словно бы качают в люльке. Лежать было сравнительно удобно. Ладно, даже просто – удобно.

Открывать глаза была страшно, не открывать – бессмысленно. Чтобы не поджидало меня, оно никуда само по себе не денется, проблема сама себя без моего участия не решит. Хотя не факт ещё, что и моё участие чему-то сможет помочь.

Я оказалась в кровати с очень высокими бортиками, похожей на коробку. И пространство вокруг меня действительно покачивалось. В первый момент это показалось странным, во-второй – я пришла в ярость и отчаяние.

Я была на корабле.

– Госпожа?

Девушка, вышедшая из-за ширмы, радостно мне улыбнулась. Лицо её мне казалось смутно знакомым.

– Наконец-то вы пришли в себя, госпожа! Как вы себя чувствуете? Прикажете питья какого подать? Или ещё чего?

Девушка говорила гладко. Улыбка её мне показалась до отвращения самоуверенной. Будто она не сомневалась, что я ей обрадуюсь. Ну, или, на крайний случай, отнесусь лояльно.

Откинув одеяло, я обнаружила, что на мне тонкая ночная сорочка, хотя, как мне помнится, на мне было совсем другое одеяние.

– Какого чёрта здесь происходит? – тихо рыкнула я и девушка перестала, наконец, улыбаться. Между тонких, ухоженных бровей даже морщинка прорезалась. – Где я? Кто ты такая?

– Кто я?.. – в голосе её звучало неподдельное удивление. – Госпожа, вы что – не узнаете меня? Я Турхан Бэш, ваша верная служанка с детских лет.

В голосе девушки звучала искренняя, неподдельная обида.

– Госпожа, с вами *действительно* всё в порядке?

– Действительно?! Я что-то запамятовала о том моменте, когда утверждала, что всё хорошо. Всё совсем не хорошо. Всё ни к чёрту!

– Госпожа!..

– Молчи. Не говори ничего лишнего. Просто отвечай на мои вопросы.

– Да, ваша милость.

– Где мы?

– На корабле.

– Что за корабль?

– «Мщение», госпожа. Разве вы сами этого не поняли?

– А я должна была это понять?

Девушка изумлённо заморгала, захлопав пушистыми длинными ресницами.

– Но как же?.. Ведь это корабль лорда Дархамира.

Это что-то объясняло? Судя по всему – да. Но играть в «горячо-холодно» или тест-угадайку у меня не было ни малейшего намерения. Да и время поджимало.

– Кто такой лорд Дархамир? И да, пока будешь рассказывать, подай мне одежду. Я хочу одеться.

– Доктор сказал, что вы очень слабы и вам нужен покой, принцесса.

– Одежду! – рявкнула я на девушку, злясь сама на себя за эту вспышку.

Впрочем, настроение у меня было такое, что бесило совершенно всё.

– Быстро! И я задала тебе вопрос. Буду благодарна за ответ.

– Лорд Дархамир – ваш возлюбленный, принцесса. Это за него вы хотели выйти замуж, а вовсе не за Порочного Принца.

Забавно было слышать это странное прозвище. Эвил показался мне каким угодно, но ничего из разряда «порочного» я за ним не замечала. Если, конечно, не учитывать его жажду власти, конечно. Но этим все царские особы грешат. И не только – царские.

– Я собиралась выйти замуж за кого-то лорда? – поморщилась я.

У меня ломило виски, словно в них настойчиво и неотвязно долбил дятел. Но со стороны мою мимику можно было связать с чем-то другим. Нужно лучше владеть собой.

– Не за «какого-то» лорда, а за лорда Северных Долин. Оруэла! Да что с вами, моя принцесса? Вы как будто памяти лишились? Недаром об этих проклятых Санисторах ходит дурная молва! Они чем-то опоили вас, должно быть?

– Раз и навсегда запомни, Турхан, Эвил Санистор мой муж, а в будущем – твой король. Я не потерплю о нём ни одного дурного слова! Если хочешь продолжать мне служить, прими этот факт. Это – первое. Во-вторых, я больше не принцесса – я королева Тёмной Цитадели. И, в-третьих, я потеряла память до того, как покинула Оруэл. В-четвёртых, где моё платье?

Мы успели с туалетом как раз вовремя. Лорду Дархамииру, по всей видимости, успели доложить об улучшении моего самочувствия или он, освободившись от своих обязанностей (какие там могут быть обязанности у лордов на корабле, я представляла весьма смутно, и мне было фиолетово, если честно) и он поспешил нанести мне визит.

Признаться, у прежней Анжелики был отличный вкус. Лорд Дархамиир оказался совсем не таким, каким представился мне вначале – ничуть не похожим на придворного вертопраха, разряженного в пух и перья. Передо мной предстал мужчина с явно военной выправкой, с наружностью, которую принято именовать аристократической. Волевое лицо с высоким лбом, с подбородком, раздвоенным ямочкой, довольно крупным, прямым носом, заострённым к кончику и умными, синими, чуть прищуренными глазами.

Передо мной стоял отнюдь не юноша. Мужчине ещё не было сорока, но тридцатилетний рубеж он явно переступил.

Шагнув вперёд, он с уверенностью взрослого мужчины, знающего себе цену, склонился над моей рукой и легко прикоснулся к ней губами.

– Ваше Величество, я рад приветствовать вас на моём корабле.

Какое-то время я молча разглядывала незнакомое лицо. Потом, спохватившись, отняла у него руку и жестом указала на кресло, приглашая лорда сесть.

– Признаться, я не разделяю вашей радости.

Его брови вопросительно приподнялись.

– Я не понимаю, что я здесь делаю?

– Плывёте вместе со мной.

– В то время, как должна была находиться в Тёмной Цитадели. Объясните мне, что происходит? Я теряюсь в догадках. Что заставило вас сговориться с моей любимой свекровью и действовать против моих интересов? Да и ваших собственных, рискну предположить – тоже.

– Не понимаю, о чём вы говорите, принцесса? Разве вы сами не умоляли меня прийти к вам на помощь и спасти вас от брака с чудовищем, навязанного вам вашим отцом?

– Я вас умоляла?

– Вы не помните?

– Откровенного говоря – нет. Я была столь безумна, что призвала в избавители не только вас, но и высшие, скорее всего, тёмные силы. И была наказана за это – меня лишили памяти. Я так и не смогла вспомнить ничего до того момента, как меня нашли... я уже не помню места, в котором это случилось. Факт остаётся фактом – вас сейчас я тоже вижу впервые. И не могу не задаваться вопросом: что вы здесь делаете?

– Помните ли вы меня или нет, ваше величество, но ответ остаётся прежним – я пришёл спасти вас, как вы того и просили.

– Превью принцесса Анжелика верила подобным сказкам?

– Простите? – выражение силы и спеси на лице лорда Дархамира казалось естественным продолжением черт его лица. И шло ему, безусловно. Они очень органично сочетались.

– Вы не производите впечатления глупца, милорд. Но только глупец бросится «спасать» принцессу от брака, подобного моему. Поэтому я спрашиваю на прямую – в чём ваш интерес.

– Я люблю вас.

– И только то? Звучит неправдоподобно, если взвесить все риски.

На лице моего собеседника отразилось раздражение и колебания. Он словно пытался решить, какую версию изложить: продолжать ли кормить меня сладкими сказками или изложить правду.

– Ваш отец при смерти, принцесса. В Оруэле вот-вот вспыхнет гражданская война. Вы, как законная наследница, можете претендовать на трон...

Я не сводила глаз с лица лорда Северных Долин Оруэла. Его мотивы сделались вполне ясны – зная склонность настоящей Анжелике к себе любимому, он пытался всему путями с её помощью заручиться властью.

– Вы в своём уме? – спокойно поинтересовалась я. – Вы похитили жену Драконьего Всадника. Думаете, Эвил Санистор вернётся домой и спокойно примет тот факт, что его жену умыкнули у него прямо из-под носа? Или, того хуже, решит, что я решила сбежать с вами, моим

бывшим возлюбленным (а уж об этом шпионы не замедлят донести, можно не сомневаться), он помашет нам белым батистовым платочком вслед? Думаете, он пришлёт к нам курьера с розовым конвертом, с поздравительной открыткой «на счастье»? И мы с вами, как в дешёвых балладах менестрелей, поделим трон и полцарства в придачу, будем жить долго и счастливо?

Лорд Дархамир смотрел на меня, прищурившись, постукивая пальцами по подлокотникам кресла в котором сидел.

– Вам доводилось видеть драконов, милорд? – поинтересовалась я, изо всех сил стараясь оставаться сдержанной, не выплёскивать снедающее меня отчаяние, ярость и беспокойство.

– Нет. Но я слышал о них достаточно.

– Уверяю вас – нет. Их нужно видеть, чтобы понять – когда Эвил Санистор начнёт жечь наши города, противопоставить ему будет решительно нечего! У вас не останется столицы, не останется подданных, не останется самой жизни. Похитив меня, вы не станете ни королём, не даже просто фаворитом королевы – вы будете мертвы! Как и тысячи других людей. Мой отец был прав, решив это дело малой кровью. Вам следовало подчиниться воле вашего короля, а не слушать вашу алчность, милорд.

– Я слушал лишь голос моего сердца, принцесса. И сердце повелевало меня прийти к вам на помощь.

– Если так – прекрасно! – с сарказмом протянула я. – Теперь ваша принцесса желает вернуться в Тёмную Цитадель. Велите вашим людям немедленно развернуть корабль и отвести меня назад.

Несколько секунд мы мерялись взглядами.

Лорд Дархамир сжал пальцами подлокотники:

– К сожалению, это невозможно, – как можно мягче проговорил он и мне представился кот, крадущийся к мыши.

Я, в принципе, не сомневалась в ответе:

– Отчего же? – на всякий случай осведомилась я. – Что мешает? Только не говорите мне, что моего возвращения ждут в Оруэле. Для моих подданных чем дальше я от них, тем лучше.

– Послушать вас – подписать вам смертный приговор. Думаете, Эвил простит вам подобное оскорбление?

– Я ничем его не оскорбляла. Меня похитили.

– Думаете, он вам поверит?

– Это уже не ваша проблема.

– Может быть и не моя, но я люблю вас и беспокоюсь о вашем благополучии.

– Вы беспокоитесь только о себе, – отрезала я. – Вы не понимаете?! У нас нет время на споры. Скажите, сколько времени мы уже находимся в пути? Можете не отвечать! Я могу предположить и сама, что где-то на середине пути. А это значит, эмиссары Хатериман Санистор вот-вот нападут на ваш корабль. И когда они потопят нас... у меня больше не останется шансов доказать Эвилу, что я его не предавала.

Осознание этого привело меня в отчаяние. За последнее время я так часто бывала на волосок от гибели, что сама опасность не пугала – но я не хотела, чтобы планы моего врага увенчались успехом, а в памяти мужчины, которого я любила, я осталась ветреной предательницей.

– Вы второй раз упоминаете о матери Порочного Принца? Почему вы считаете, что она замешена в этом деле?

Сказать, что его вопрос меня удивил – ничего не сказать.

– Потому что это она устроила моё похищение! Не думали же вы, что вы справились с этим сами?! О! Именно так вы и думали? Глупец! Послушайте меня, прошу вас или мы все погибнем. Ваша дурацкая инициатива с моим спасением и последующим планом использования в своих целях пришлась очень на руку Хатериман, желающей избавиться от меня любым путём. Но она желает не отправить меня куда подальше от Чёрной Цитадели, а сжить со свету! А это значит, что необходимо с гарантией обеспечить кораблекрушение. И она его устроит, не сомневайтесь. Вообще чудо, что нам удалось поговорить. Не теряйте драгоценного времени. Разворачивайте корабль и направляйте его в самый ближний порт.

– Зачем?

– Чтобы наши враги не дождались нас! Разве это не понятно?!

– Положим, у меня хватило бы безумия послушаться вас. Что дальше?

– Если у вас хватит ума меня услышать, мы оба останемся живы – для начала. А уж дальше что-нибудь придумаем...

Мой голос внезапно перекрыл грохочущий удар и корабль содрогнулся, словно испуганное животное. Было такое чувство, словно

внезапный бич хлестнул по нам сверху. Спустя мгновение раздался тяжёлый всплеск.

– Проклятье! – прорычал Дархамир.

– На нас напали? – испуганно выдохнула я.

Дыхание моё против воли участилось.

– Похоже вы были правы, принцесса! – с горечью проговорил лорд. – Одно утешение, что-либо сделать я уже всё равно вряд ли успел бы.

Сорвавшись с места, он бросился к двери.

– Что нам делать, милорд?! – в отчаянии кинулась к нему Турхан.

– Позаботься о госпоже, – коротко бросил он девушке.

– Как? – удивлённо распахнула глаза моя служанка.

На палубе над нашими головами уже слышались вопли и неистовая беготня. Корабль резко кренился. Не удержавшись на ногах, я упала на колени. Турхан отлетела в сторону и с силой ударилась о переборку.

Не ответив, лорд смерил нас взглядом, в котором сквозили горечь и нетерпение, и скрылся за дверью.

С палубы в каюту доносились крики и смятение, топот ног, бегущих по трапу, возбуждённые голоса, возгласы и вопли.

«Пираты! Пираты!».

Над всем возвышалось хлопанье поспешно спускаемых (или поднимаемых – кто ж разберёт?) парусов.

Турхан бросилась ко мне.

– Что нам делать, принцесса?

Как будто я знала?

– Нужно выбираться отсюда, – сказала я вслух. – Немедленно.

– Выбираться из каюты, ваша милость?

– Выбираться с корабля.

– Но...

– Это – не пираты. А если даже и пираты, то не простые. У них конкретная цель и на этот раз это не шелка с пряностями. Нам нужен план, – в задумчивости покусала я губы.

– План? Какой план?..

Но я отмахнулась от Турхан, как он надоедливой мошки и бросилась к окну. Ещё беседуя с лордом Дархамиром я заметила, что решётка держится на цементе, а значит, можно попытаться...

– Дай мне нож, – потребовала я у девушки.

– Зачем?!

– Не заставляй меня тратить время. Просто – подай. Да и себе возьми. Делай, я как я.

В течении следующего часа мы работали молча, не обращая внимание на весь тот ад, что творился наверху, над нами. А судя по всему, там царила настоящий ад. И судя по взглядам, что бросала на меня Турхан, она отнюдь не мечтала очутиться наверху.

Пираты... в моём мире тоже были пираты. И они представляли угрозу морским торговым путям. Во всех мирах и во всех времена законы объявляют пиратов врагами всего человечества. Зная, что терять им особо нечего, эти морские гиены-падальщики придерживаются собственной доктрины, попасть к ним в руки – не съесть сахарок.

Когда всё это закончится, если останусь в живых, возьму Молнию и полетаю между Тёмной Цитаделью и Землями Розовых Песков. Устраню угрозу, так сказать.

Если меня саму сейчас не устранят...

Проклятая свекровь, будь ты ещё раз проклята!

– Милорд! – донёсся до нас пронзительный возглас. – Они всё равно догоняют! Они просто быстрее нас и ничего с этим не поделают!

В голосе слышалось отчаяние. Мы с Турхан встревоженно переглянулись.

– Надо сдаваться, пока это ещё возможно!

– Мы не можем сдать, что тебе пропасть! – послышался рык лорда Дархамира в ответ. – Орудийные расчёты – приготовиться!

Его крик подхватили другие голоса: «Орудийные расчёты – приготовиться!».

Наверху гремело, стучало, лязгало и кричало – всё, разом.

– Миледи? Зачем мы пытаемся разломать окно? Сейчас начнётся сражение и здесь нам будет безопаснее..

– Нигде не будет безопаснее. Но по моим расчётам до земли плыть не так уж долго. Если мы под шумок одолжим шлюпку, сможем попытаться добраться до берега.

– Это безумие! Ни одна из нас не умеет управляться с веслом!

– Не думаю, что это так уж сложно. Матросы же справляются?

– Они мужчины! А если мы заплутаем посреди моря?!

Если да кабы вокруг росли грибы...

– Я понимаю, план не ахти какой. Но оставаться здесь для меня верная смерть, я предпочту пусть даже маленький шанс вырваться.

– Вам следует довериться лорду Дархамису, ваша милость. Вы – всего лишь женщина, мужчина лучше знает...

– Дорогуша, жизнь научила меня простому правилу – доверяться не следует никому. И что мужчины и женщины равно ответственны сами за себя. Хочешь жить – действуй! Потому что в критический момент большинство людей в первую очередь спасают себя и своих близких.

– Так лорд Дархамис любит вас!

– И всё же я предпочту действовать. Пили уже эту чёртову решётку!!!

– Пли!!! – раздавшийся сверху вопль заставил нас смолкнуть и притихнуть, прислушиваясь. – Правый борт!

Корабль вздрогнул и раздался оглушающий гром орудий.

– Держаться по ветру! Вашу ж!.. – вослед приказу понеслась грубая брань.

– Милорд! Нам до них залпом орудий не достать!

В ответ на это кажущееся резонным замечание прилетело:

– Всем расчётам открыть огонь!

А потом, видимо, снаряды угодили в нас. Затрещала корабельная обшивка, канаты, снасти – что там ещё есть на кораблях? Нас, подбросив, уронило на пол.

– О, господи! – выдохнула я, поднимаясь на ноги.

Турхан стонала в трёх шагах, заваленная чем-то, просыпавшемся с полка.

– Эй? Ты в порядке? Не ранена?

Но я понимала, что точного ответа сразу и не дать. Организм на адреналине не способен дать точный сигнал и поначалу всё кажется лучше, чем часто бывает на самом деле.

– Кажется, да, ваша милость.

– Вставай! Нужно действовать.

Я сама себе напоминала заведённого попугая, говорящего одно и то же. У каждого свой способ бороться со стрессом. Кажется, мой в непрерывном изображении деятельности. Я категорически не могу сидеть спокойно в критической ситуации, мои ноги в ситуации форс-

мажора действуют быстрее моего разума. Не могу сказать, что хвастаюсь этим.

– Все в укрытие! – донеслось сверху.

«В укрытие! В укрытие!», – подхватили голоса.

Судя по звуку, раздавшимся за криками, рухнула главная мачта. В этот момент решётка, то ли в результате наших с Турхан усилий, то ли потому, что корабль содрогался и бился на волнах, как раненное животное, поддалась.

Я осторожно высунула голову. По счастью, каюта находилась ниже палубы (странный, но факт!) и подо мной плескались волны.

– Госпожа, это совершенное безумие! – зашептала Турхан. – Я... я плохо плаваю и не уверена, что доплыву.

– Тебе и не обязательно плыть со мной. Если хочешь, можешь остаться.

Мы обнялись, прощаясь. Ни у одной из нас не было уверенности, что мы встретимся когда-нибудь снова. Обстоятельства нашего прощания были драматичны настолько, что шансы спастись были невелики.

– Вот, оберните это вокруг талии, – Турхан протянула мне толстый смоленый трос и помогла закрепить вокруг талии большим неуклюжем узлом. – Да хранят вас Светлый Силы, принцесса!

– И тебя! – кивнула я, обнимая верную служанку в последний раз перед тем, как стала протискиваться в узкое окно.

В какой-то момент, просунув голову и плечи я поняла, что дальше продвинуться не могу. Запаниковав, я попыталась вернуться назад, но и тут не могла пошевелиться.

Вокруг корабля густой стеной стоял туман, через который невозможно было ничего разглядеть. И вся глупость затеянного мной мероприятия предстала передо мной воочию.

Только тут я осознала, что окрестности охватила странная, нереальная тишина, словно люди все разом сгнули. Несколько коротких секунд я слышала лишь потрескивание да скрип балок, плеск волны, собственное сбивчивое дыхание. Словно подслушав мои мысли, пространство взорвалось дикими криками, звучащими на высокой ноте. Крик нарастал, будто приближающийся рёв самолёта.

Испуганно рванувшись вперёд, толкнувшись, что было сил, я почувствовала, как платье лопнуло на мне и сползло с плеч с изрядной

долей кожи, боль прокатилась по всему телу и я, к добру или к худу, оказалась снаружи.

Видимо, Турхан удерживала канат, потому что на воду я опустилась осторожно. Потом он змеёй скользнул сверху. Я попыталась отвязать верёвку, но узел так затянулся, что ничего не получалось. Тяжелея от морской воды, он почти сразу стал тянуть меня вниз, но я решила не тратить драгоценного времени на борьбу с ним и поплыла в ту сторону, где, судя по моим расчётам, составленным в тот момент, когда я взглянула на карту, должен был находиться берег.

Канат натягивался почти при каждом моём движении и словно цепь, тянул назад. Платье и объёмные нижние юбки первое время не только не тяготили, но, наоборот, сохраняли плавучесть, но затем намокли и тоже стали тянуть вниз. Чтобы удержаться на поверхности, мне приходилось изо всех сил колотить руками и ногами по воде, подымая вокруг себя фонтаны брызг.

Впрочем, и без меня брызг хватало. Хорошо ещё корабли, сойдясь, перестали обмениваться снарядами. Я понимала, что далеко мне так не уплыть и что затея изначально остротой ума не блистала. Хотя, останься я на месте, мне перерезали бы горло в тот же миг, как переступили порог моей каюты.

Не видя вокруг себя ничего из-за тумана и качающихся волн, изнемогая под тяжестью одежды и каната, я не слышала скрипа кожаных уключин до тех пор, пока она не оказалась перед самым моим носом.

Я испуганно охнула, когда чьи-то сильные руки подхватили меня и потянули вверх. Испуг и облегчение в этот момент в равной мере разделили моё сердце между собой. Впрочем, мысль о том, что если бы меня хотели прикончить, вряд ли вылавливали бы из воды, принесла успокоение ещё до того как в своём спасителе я признала лорда Дархамира.

– Дорогая моя, боюсь, что здесь для вас совсем не подходящее место. Вы не злитесь на меня за то, что я позволил себе подобную вольность?

– Разве похоже, что я против? – стуча зубами от пережитого напряжения, проговорила я.

Мне на плечи набросили плед.

– Я не ожидала увидеть вас здесь, милорд, – прибавила я.

– Это я понял. Как и то, что в одиночестве вам до берега не добраться, вот и решил вам помочь, воспользовавшись суматохой.

– Вы сбежали? Оставив ваших людей?

– Мой долг защищать мою королеву – в первую очередь.

Гребцы опустили вёсла в воду, и шлюпка почти беззвучно заскользила вперёд. Лорд Дархамир довольно уверенно чувствовал себя на носу шлюпки, а я, измученная и едва живая от усталости, скорчилась на своей лавке. Волосы противно липли к шее, раздражали обнажённые и исцарапанные плечи. Наглотавшись морской воды, я то и дело кашляла, стараясь делать это как можно тише, потому что звуки далеко разносились над водой.

– О чём вы думали, ваше величество? – с лёгким сарказмом в голосе обратился ко мне экс-возлюбленный принцессы Анжелики. – Даже опытный пловец не мог бы проплыть такое расстояние с подобным грузом, – он кивком указал на канат, свернувшийся вокруг моих ног, как кошачий хвост.

– Я не думала, – кашлянула я в ответ. – По крайней мере очень старалась. Куда мы плывём? Вы намерены сдать меня пиратам?

– Жаль, что вы обо мне столь невысокого мнения. Я постараюсь доставить вас на берег, если получится, и, если боги будут к нам милостивы.

– А что дальше?

– Дальше? Ну, если я правильно понял вас, ваше величество, вас насильно заставили покинуть вашего мужа? И, если последние сведения верны, Порочный Принц сейчас находится как раз на землях Розовых Песков.

– Выходит, вы похитили меня, чтобы вернуть?

– Я похитил вас, потому что считал, что вы сами того желаете. Но, как недавно выяснилось, это не совсем так?

Я хмурилась, не спеша доверять словам этого человека.

Рот лорда сжался в тонкую линию и уголок его неприязненно дёрнулся в некоем подобии недоброй усмешки:

– Иногда выполнять свой долг бывает приятно. Иногда – нет. Но долг есть долг. Впрочем, говорить о чём-либо заранее рано, принцесса. До спасения в любом случае далеко.

Глава 28

«До спасения в любом случае далеко», – сказал лорд Дархамир и был прав.

Туман какое-то время был нашим союзником, но вскоре мы лишились нашего укрытия. И если мы какое-то время удивлялись, почему нас не преследуют, открывшийся взгляду пейзаж объяснял всё без слов. Когда ключья тумана растащило в стороны, мы увидели ползущие на нас тучи, надвигающиеся неспешно, как чёрные горы.

Меня накрыло ощущением дежавю. Совсем недавно я уже пережила нечто похожее. И вот – опять: море, ветер, ощущение неотвратимо приближающейся опасности. Как ни странно, ветра не было. Ни дуновения, ни ветерка. Атмосфера душная и гнетущая.

– Теперь понятно, почему они нас не преследуют, – процедил сквозь зубы лорд.

– Почему? – охотно откликнулась я.

– Надеются, что шторм убьёт нас за них.

– Или попросту не рискнули пойти за нами в полосу шторма, мой лорд, – сказал один из гребцов.

По счастью, Турхан тоже была в шлюпке с нами. Это придавало мне силы. Хотя бы ощущение, что она не пала жертвой наших врагов вместо меня. Девушка сидела рядом, держа меня за руку и глядя на чернеющий горизонт испуганными глазами.

– У нас ведь есть шанс спастись, милорд? – спросила она у Дархамира.

Он лишь бросил на неё высокомерный взгляд, но ничем не обнадежил. Дурной знак.

– Мы выстоим в этот шквал? – присоединила я свой голос к голосу моей служанки.

– Это не шквал, моя принцесса. Разве вы не видите? Природа собирается встать на дабы. Вот-вот буря заревёт во всю глотку и плохо придётся всякому, кто не уберётся в укрытие. А достичь его шансов у нас мало.

– И что делать?

– Ничего. Остаётся только грести.

Глядя на небо, продолжая видеть в тучах чёрные горы, я позволяла своему воображению рисовать ущелья, пещеры и пропасти, в которых, может быть, спят драконы.

Что, если попытаться призвать Молнию к себе. Да, Хатериман говорила о том, что драконица подчиняется в первую очередь ей, но ведь меня она тоже послушалась? Да и почему я должна принимать на веру слова моей врага? И ведь попробовать можно?

Продолжая глядеть в быстро темнеющий просвет, подсвеченный алым закатным солнцем, я представляла, как из чёрных пещер выныривает красивый и жуткий дракон и пространство оглашается его угрожающим криком.

Шлюпка всё так же покачивалась на мёртвой зыби. И не было ни ветра, ни дракона. Лишь полумрак, подсвеченный алым лучами, всё сильнее сгущался. И в призрачном свете лица словно светились да стояла противоестественная, сверхъестественная тишина. Духота и зной были невыносимы. Пот выступал на лбу и каплями стекал по коже.

– Твою ж мать! – зарычал Дархомир, резко поднимаясь, отчего шлюпка, подскочив, закачалась на волнах. – Они всё же сунулись за нами в приближающуюся полосу шторма! Да что б им!

Поначалу мне показалось, что он попросту бредит. Но потом, всматриваясь в пустынное пространство океана, удалось различить контуры мчащейся шхуны, резко выделяющейся на фоне пенистых вод. И казалось, для нас совсем не осталось надежды на спасение.

Сжав кулаки, словно натянув внутри себя все мысли в единый жгут, я подняла лицо к небу и взмолилась к той, что была неизмеримо далеко и высоко:

«Если между Всадником и его драконом действительно есть связь приди и спаси меня – сейчас! Или будет поздно».

Небо и вода по-прежнему клубились, сходясь у горизонта. Пространство стало тихо раскачиваться.

«Приди же! Приди!», – кричала я про себя так громко, как только могла.

И когда над водой растёкся оглушительный клёкот орла, соединённый с неистовым рёвом льва я почти не удивилась. В глубине души я знала – в решающий час Молния придёт. Потому что, чтобы там не говорила Хатериман, теперь Молния – моя!

Огромная тень, черней опускающейся ночи и страшной нарождающейся бури, стала опускаться на нас сверху. Пришёл мой черёд подняться навстречу моей грозной подруге.

«Дракарис», – скомандовала я.

В решающий момент подсознание выдало эту странную команду из сериала другого мира.

«Сожги наших врагов! Не опускайся, они могут тебя ранить. Дракарис».

Я не слышала испуганных криков людей, плывущих со мной в одной лодке. Не видела идущего нам наперерез корабля. Я словно летела на моём драконе, и весь мир остался далеко внизу. Сердце моё не знало страха, разум – сомнения и ярость, кипучая и вместе с тем холодная, нечеловеческая текла по моим венам.

Я развернулась так, чтобы не бороться с ветром – а идти одновременно с ним. Я смотрела с высоты вниз и видела, как подо мной по пенным волнам, плывёт судно, кренясь правым бортом, порой взлетая на огромную волну, порой проваливаясь между потоками воды как в яму.

Шхуна тяжело переливалась с одного бока на другой, а мне было так легко описывать головокружительные дуги в воздухе. Взор мой был прикован к волнам, в попытках найти ненавистное судно.

«Дракарис!»

И пламя моих мыслей полилось огнём сверху, огненный дождь ударил по врагам. Свирепый огненный вал ударил, снося всё от носа до кормы. Несколько коротких, как удар сердца, мгновений, и на поверхности океана не осталось ничего, кроме пустынных кипящих волн. Слово мироздание огненным языком дракона слизнуло рукотворное творение.

Одинокий луч солнца прорывался сквозь тучи, превращая воду вокруг в алое расплавленное золото.

Молния взмыла вверх, через мгновение превращаясь в маленькую точку. Эта крошечная точка мелькала то среди свирепых валов, то среди клубящихся облаков.

А испуганные гребцы, выбиваясь из сил, направляли нашу шлюпку в сторону берега.

Я знала, что Молния не ушла. Чёрное пятно мелькало впереди нас, будто намечая пунктиром нам путь. И мы покорно следовали за

ним.

Мы вели негласную гонку вместе с природой – успеть пристать к берегу, обогнать бурю. Океан, словно качели, раскачивался всё сильнее. Но несущиеся к берегу волны, захлёстывающие за борт, не оставляющие на нас не единой сухой нитки, в какой-то мере были нашими союзниками.

Страха не было. Все в хлюпкой, по сравнению с глубиной и мощностью морских волн, лодочке были слишком заняты, чтобы успевать бояться. Одни что есть мочи гребли, другие – вычерпывали воду.

В изнеможении от усталости, промокшие до нитки, мы успели выбраться из воды до того, как шторм разыгрался в полную силу.

– Нужно срочно найти укрытие, – скомандовал лорд Дархамир.

– Милорд, похоже, берег пустынен и вокруг лишь голые скалы. Кажется, на много лье нет ни одного огонька.

– Давайте уйдём отсюда, – в тревоге потребовала я. – Возможно, прилив покроет берег.

На подобную мысль меня натолкнули повсюду валяющиеся водоросли.

Укрытие нашли довольно быстро. Гребцы, рослые малые, которые при герцоге, видимо, исполняли различные роли, не особенно церемонились и, ввалившись в первый же попавшийся дом, потребовали предоставить им кров, еду и ночлег. Испуганные крестьяне, и без нас ютящиеся в небольшой избушке, поскольку семья была по нашим, современным меркам, просто огромная – человек пятнадцать на одну избу, вынуждены были потесниться и отдать нам свой луковый суп.

– Как вы можете предлагать это вместо еды? – рыкнул Дархамир. – Разве законы гостеприимства ничего не значат в этих краях?

Хозяин дома испуганно затрясся:

– Но, добрый человек, у нас больше ничего нет.

– Я видел на насесте нескольких кур. Вели их зарезать, чтобы приготовить супа госпоже и моим людям. Нам нужен мясной бульон.

– Если мы зарежем несущек, некому станет нести яйца, добрый господин...

– Мне плевать! Немедленно зарежь и подай...

– Оставьте этого несчастного, лорд Дархамир, – вступилась я, не в силах больше терпеть подобное обхождение. – Я не желаю смерти его несчастным курам. Уверена, мяса на них едва ли больше, чем на их хозяевах.

– А что? – хохотнул один из гребцов. – Это неплохая мысль. Хватит одной вот той грудастой красотки, чтобы мы все оказались сыты.

Крестьяне робко жались друг к другу. Люди лорда Дархамира вели себя нагло и развязано, как и полагается захватчикам. Правда, мне совсем не нравилась эта роль и единственная причина, по которой я не положила конец всему этому – я не представляла, куда нам идти.

– Если кто-то из ваших людей тронет хоть волосок с наших гостеприимных хозяев, я желаю, чтобы ему отрубили руку. Ну, или любую другую часть тела, которой они осмелятся нанести оскорбление, – со всей резкостью проговорила я. – Успокойтесь, добрый человек, – обратилась я к крестьянину, стараясь его ободрить. – Мы не лиходеи и не разбойники, а люди, которые попали в беду и в такую бурную ночь нуждаются в укрытии. Никто не причинит вам вреда, напротив, вам щедро заплатят. Ведь так, милорд? – обернулась я к лорду Дархмиру.

– Конечно, ваше величество.

– Ваше величество? – благоговейно протянул крестьянин, а остальные его домочадцы косились на моё вымокшее, оборванное платье, скорее опровергающее, чем подчёркивающее мой высокий статус.

– Но не станете же вы есть похлёбку, принцесса?

– Стану. Ведь эти люди говорят правду – у них нет большего. А чтобы прокормить нагрянувших без предупреждения пятнадцать человек, требуются ресурсы, которыми эти несчастные обладать не могут.

– Принцесса, они простые крестьяне, и их долг...

– Да, они всего лишь простые крестьяне. Бедные настолько, что не могут обеспечить вам иной комфорт. Смиритесь с этим. Пятизвёздочного отеля не приготовлено.

– Пятизвёздочного – чего?..

– Я не желаю, чтобы этим людям причиняли вред. Я ясно выразилась?

– Да, выше величество, – сквозь зубы процедил лорд Дархамир.

Он походил в этот момент на огромного волкодава, у которого до предела натянут поводок.

Это было забавно. Я полностью и целиком от него зависела и всё же он подчинялся моей воле. Да, монархический строй, феодальное воспитание, честь аристократа и всё такое прочее – удобная для монарха вещь.

На всеобщее счастье никто не накалял обстановку, все играли по правилам. Атмосфера была натянутой, но – терпимой. Буря, сотрясающая крестьянскую избу до основания, делала не таким невыносимым большое скопление людей на нескольких метрах, огонь в очаге скрашивал картины нищеты на грани бедности, усталость притупляла чувство голода.

Спасть мы с Турхан, как белые люди, отправились на полатях на печи. Не знаю, как Турхан, а меня сон сморил в одно мгновение.

Проснувшись я от громких испуганных криков: «Чудовище! Чудовище!». Распахнув глаза, в первый момент подумала, что я у бабушки в деревне, только мне было явно не семь лет, а значит...

Батяшки, да я ж теперь – принцесса. Даже не принцесса – королевешна. Правда, на печи отоспаться мне это не помешало.

Отбросив с себя овчинный тулупчик, послуживший одеялом, стремительно спустилась вниз, подозревая, что могло стать причиной переполоха. И не ошиблась.

Пейзаж был странным. Горизонт закрывали горы, за которыми, если память мне не изменяет, находилось море. Всё вокруг было покрыто голубовато-сиреневой и фиолетово-лиловой растительностью, которую нещадно колыхал ветер. Холмистая местность добавляла колоритности, придавая виду объём, делая картинку трёхмерной, а не плоской, если можно так выразиться. Небо, по которому рваными клочьями плыли тяжёлые ливневые облака, кое-где оставляло просвет и солнце золотым столбом падало вниз, раскрашивая зелень между цветами необычайно яркими красками. И в этой золотой лужице света грозно восставала моя красавица, широко раскинув крылья и пробуждая в долине ужас громким победным рёвом.

Слыша ото всех «чудовище», я ощутила обиду, как мать за любимое, не в меру расшалившееся дитя, обижается, когда её слишком резвому отпрыску делают замечание. В то же время сердце моё

наполнилось триумфом и радостью. Молния нашла меня и не пожелала покидать! Это дорогого стоило. Кем я была без дракона? Да обычной беспомощной девчонкой с бесполезным титулом. В то время как дракон делал меня сильной и независимой, хозяйкой положения, королевой по сути, а не по названию.

– Успокойтесь! Успокойтесь, всё в порядке, – постаралась я утихомирить людей, в панике готовых разбежаться, куда глаза глядят.

– Чудовище, уничтожив столицу, пришло за нами! Да поможет нам Светлый Бог! – простёр руки к небу мужчины, выглядевший почти стариком, хотя, как я слышала краем уха, ему не исполнилось ещё и сорока зим.

Работа и тяжёлые условия жизни старят человека прежде срока. Или сроки людской жизни в этом мире иные.

– Да успокойтесь же! – от нетерпения я даже ногой притопнула. – Это мой дракон и он пришёл ко мне. Не станет он никого убивать.

Словно опровергая всё только что сказанное, Молния вновь извергла ужасающий рёв. И я решила, что пора уделить внимание моей красавице.

В какой-то момент было страшно – вдруг я ошибаюсь и мы, неожиданно для меня, вернёмся к исходной точке отношений, там, где я боюсь, а драконица пытается проявить норы. Но моя умница без проблем подпустила меня к себе и с радостью приняла мои ласки. Мне казалось, что она понимает, не только образы, но и суть слов, которые я ей шептала.

– Полетай немного, погуляй и возвращайся. Мы отправимся на поиски братьев.

Фыркнув, будто давая понять, что всё поняла, Молния развернула паруса мощных крыльев и с такой силой оттолкнувшись от земли, что та вздрогнула под ногами, воспарила в небо.

Крестьяне, люди Дархамира и даже Турхан смотрели на меня так, словно у меня внезапно появилась вторая голова.

Нужно отдать должное лорду Дархамиру – он держался ближе остальных.

– Вы стали Драконьим Всадником, принцесса? – в его голосе вместо восхищения данным событиям слышалось как будто бы осуждение.

– Разве не за этим батюшка отправил меня за моря? Не за этим отдал замуж за Порочного Принца?

– Вы всегда были удивительны.

– Приму за комплимент, милорд. И благодарю. Да, ещё – найдите мне теплую одежду.

– Тёплую одежду? Зачем? День обещает быть тёплым.

– Но в облаках всегда холодно.

Он замедлил шаг, и я невольно последовала его примеру.

– Вы собираетесь лететь за вашим мужем?

– Вас это удивляет?

– А как же я и мои люди?

– Вас наградят за моё спасение, не сомневайтесь в этом.

– Верная служба моей королеве лучшая награда. Но...

– Что? – в нетерпении нахмурилась я.

– С какой целью ваше величество желает отыскать принца Саркасора? Желаете присоединиться к нему в его карательной операции? Или – воспрепятствовать ему?

– Воспрепятствовать? – я искренне удивилась такому предложению. – О чём вы, лорд Дархамир? Я всего лишь хочу вернуться к мужу. Таков мой план.

– Жаль, если так.

– Неужели? А чего вы ждали?

– Теперь, когда у вас есть дракон, мы могли бы...

– Довольно! Безумие даже слушать это и глупо думать, будто я смогу или даже просто захочу выступить против моего мужа. Я люблю его. И я на его стороне.

– На стороне чудовища?

– Глупо верить сплетням и слухам с вашей стороны.

– Сплетням и слухам? – плотно сжал в линию и без того узкие губы мой собеседник. – Что ж? Пойдите к людям, которых один вид вашего дракона поверг в ужас и спросите, какие бесчинства и ужасы творил ваш муж? Ну, давайте? Чего вы медлите?

– Я не медлю, я просто не собираюсь их ни о чём спрашивать. Это война, лорд! В войне всегда бывают жертвы. И если бы вы сидели верхом на Пламени или Злом Роке, уверена, жертв было бы не меньше, если не больше! Кроме того, Эвил собирался предать огню лишь один замок.

– В таком случае, планы его изменились. Потому что сгорело с десяток городов.

– Это бессмысленно. Откуда у вас такие сведения? Зачем Эвилу жечь города? Какой в этом смысл?

– Вы меня об этом спрашиваете? Я был вместе с вами.

– Перестаньте! Не знаю, когда вы успели собрать сплетни или получить известия, но вы это сделали. И я буду весьма благодарна, если вы поделитесь ими со мной.

– Благодарны? Как мило! И что мне прикажите делать с вашей благодарностью?

– Живите с ней! Можете ничего не говорить, если не желаете. Через пару часов я сама всё узнаю...

– Вы правы. Ваш муж-садист жёг людей из мести.

Я почувствовала себя так, словно к сердцу кто-то прижал кусок льда. Не из-за возмущения поведением мужа – увы мне! А из страха перед тем, что могло подвигнуть его на подобный поступок.

– Из мести? За что он мстил?

– При нападении на замок что-то пошло не так. То ли один из драконов погиб, то ли его проклятый брат-чернокнижник, то ли оба – в этом сплетни и слухи рознятся. Но факт остаётся фактом – теперь, когда-либо одним всадником, либо одним драконом стало меньше, а ты стала Драконьим Всадником, у нас впервые есть настоящий шанс противостоять чёрным магам-Санисторам.

Не слушая его, вне себя от охватившего меня ужаса, я бросилась прочь, мысленно призывая Молнию.

«Быть не может! Не может этого быть!», – билась в голове, словно выброшенная на берег рыба, одна и та же мысль снова и снова.

Атайрон и Пламя – как могли они погибнуть? Они слишком сильны? Может, даже наверняка, лорд Дархомир что-то напутал. Мне нужно убедиться во всём самой, как можно быстрее.

– Госпожа моя? Вы в порядке?

– Немедленно достань мне тёплую одежду!

– Но... в такой глуши не достать достойного вашего величества...

– Да любую –слышишь?! Любую, лишь бы мне не замёрзнуть. И – побыстрей.

Я хотела убедиться, что с братьями всё хорошо. Что ни один из них не нуждается в моей помощи. Потому что, если Атайрон в беде,

даже горе моей ненавистной свекрови не сможет стать для меня утешением.

– Одумайтесь, госпожа! – причитала Турхан, помогая мне одеться, укутывая теплее и явно не понимая, для чего сумасшедшая принцесса кутается в день, явно не предвещающий похолодания. – Как можно добровольно подойти к такому чудовищу.

– Драконы – не чудовища, – одёрнула я её. – Она разумны.

– Но ведь они животные?

– Я бы так не сказала. Они – порождение магии, демонического в них больше животного.

– Вы меня пугаете, госпожа, такими разговорами. Да и какая разница? Демоны ещё хуже животных.

– Ты не поймёшь, – отмахнулась я.

Да я и сама всего до конца не понимала. Меня раздирали противоречия и страхи.

– Может, и не пойму. Но, принцесса, как вы собираетесь искать вашего мужа? Как вообще поймёте, в какую сторону лететь? Капитаны каким-то образом умеют ориентироваться в море по солнцу и звёздам. Но вас ведь этому не учили, хоть вы и учёная?

Этот вопрос и самой мне казался интересным. Или, правильное сказать – тревожащим?

Только волновалась я напрасно. Отыскать след братьев Санисторов оказалось, увы, куда легче, чем я думала. Почему – увы? Очевидно, потому, что след разрушений, тянущийся на протяжении многих километров, не способен внушать оптимизма?

Молния не нуждалась в моих направлениях и указаниях. Я лишь мысленно отдала приказ (или просьбу, честно, тут я сама не уверена) о том, что мне необходимо отыскать других Драконьих Всадников и их грозных подопечных и этого оказалось достаточным.

Не стану описывать полёт. Как и в прошлый раз, он вызывал во мне и восторг и ужас одновременно, но вскоре мои чувства уже никак не были связаны с ощущениями парения. Мрачный пейзаж, открывшийся взгляду, не мог не вызывать тревоги и чувства щемящей жалости. Даже с высоты был виден весь масштаб разрушения. Города, превращённые в руины, оплавившиеся, словно свечи дома и едкий запах копоти, держащийся несмотря на сильно дующий ветер и высоту, на которой я летела. Что же за ад там, внизу? Что пришлось

пережить людям? И почему Эвил пошёл на это? Подобная жестокость была ему несвойственна. Конечно, я могла ошибаться, я слишком мало его знала... и всё же – достаточно, чтобы не верить собственным глазам.

Чтобы довести его до такого, должно было произойти нечто ужасное. Атайрон не мог просто случайно погибнуть, ведь война есть война и любой воин понимает это, беря в руки меч. Война уродует и калечит не только тела, но и души, заставляя пламя ненависти разгораться сильнее и сильнее, до тех пор, пока ничего не останется кроме неё и жажды уничтожения.

Эвил отправился из Чёрной Цитадели с конкретной миссией, чтобы отомстить конкретным людям. Почему же земля подо мной обращена в пепелище? Почему людское горе видно и с высоты птичьего полёта?

Война – есть война, но завоёвывая чужие земли только глупец проявляет бесчеловечность и зверство. Излишняя жестокость завоевателя заставляет людей сплотиться, заставляя их бороться до последнего. Человек может предать своего начальника, короля и даже бога, если увидит в том для себя выгоду – но опасаясь за свою жизнь, никто не опустит меча. Проявляя милосердие, давая понять завоёванному народу, что данному слову можно верить, завоеватель открывает для себя двери городов гораздо легче, чем карая всех без разбору.

Об этом мне однажды с уверенностью говорил Эвил и я верила, что он будет милосердным завоевателем. Ну, настолько милосердным, насколько это возможно.

В том, что простиралось подо мной милосердия не было. Разорванные и обугленные тела, рассыпавшиеся в пепел и кирпичи дома, сожжённые поля и деревья там, где надлежало лежать цветущим садам и лугам – грустное, душераздирающее зрелище.

И я понимала, что где-то там, под камнями и пылью могут быть дети. Это было хуже всего – убитые дети. Чем дальше летела я через земли Розовых Песков, тем больше холода проникало в моё сердце.

Воистину, Эвил сын своей матери. Чтобы не случилось в него с местной знатью, но при чём здесь простой народ? За что он с ним так?

Какого это – стоять на земле, когда на тебя надвигается чёрная тень, изрыгающая огонь, от которого нигде нет возможности

укрыться? И неужели дети, маленькие дети... гибли так?!

Видимо, Молния чувствовала моё состояние. Её движения сделались неровными, нервными. Я крепче прижималась к шипастым наростам, за который держалась руками, хотя даже возможность упасть с высоты отчего-то не казалась в тот момент такой ужасной.

Погибло много людей. Слишком много. Что значит одна жизнь?

В тот момент моя любовь к Эвилу подверглась переосмыслению. Я была его адвокатом и одновременно с тем – прокурором. Одна моя половина пыталась здоровым голосом утверждать, что война – это всегда потери и кровь и я была наивна, если думала, что *это* будет выглядеть как-то иначе. Драконы – это кровь и огонь. Чтобы управлять чудовищем, нужно самой быть чудовищем. Да и мог ли сын такой матери, как Хатериман, быть иным? Я всего лишь хотела видеть желаемое, выдавало его за действительное. Но реальность – вот она: чёрные пепел, клубы едкого дыма и трупы, трупы, трупы... Люди, животные, знать, кони – всё смешалось, всё лежало вповалку. Другим повезло больше или меньше – от них остались лишь обугленные головёшки. А от кого-то, возможно, и этого не было.

Я держалась, пока не увидела в полях целое стало сгоревших коров. Тут же были и пастухи, и собаки, и пара ребятишек. Не знаю, почему это стало последней каплей, но вид покалеченных животных стал той соломинкой, что сломал шею верблюду. Самое омерзительное, что некоторые из них были живы и...

Нет, не хочу пересказывать эти ужасы. Хочу забыть. Или проснуться далеко отсюда и понять, что всё увиденное только сон. Видеть чужие страдания для меня всегда было приблизительно тоже самое, что страдать самой. Невыносимо было сделать то, что я сделала – но ещё хуже просто пролететь над страдающими безвинными душами. Да, мы ежедневно убиваем животных, чтобы их есть и всё же, я надеюсь, что они умирают куда менее мучительно.

Я заставила Молнию извергнуть пламя, отпуская души несчастных, если таковые всё же есть, в Долину Смерти. И во мне самой в тот момент словно что-то сломалось. Или, напротив, родилось – ярость, подобной которой я раньше не знала никогда.

В тот момент я не осознавала, что эта ярость не совсем мне принадлежит. Что не я её источник – а яростный зверь, чёрной тенью несущийся над землёй.

Я представлялась себе карающей дланью, готовой опуститься на голову моему любимому супругу.

Наивная, я понятия не имела о том, что мне ждёт...

Глава 29

Было чувство, будто солнце закрыло туча, но вскоре чёрная тень летела уже передо мной. Теперь над землёй плыло не два острых крыла, а четыре. Выгнув голову, мне удалось увидеть Пламя. Резкий крик-полусвист словно кинжал пронёсся надо мной и Молнией и без слов мы обе поняли сигнал. Нас просили снизиться. Молния пыталась заартачиться и проявить своеволие, но всё же подчинилась моему мысленному приказу. Сама я была слишком сердита и встревожена, чтобы проявлять характер.

Я надеялась, что первым, кого увижу, будет Эвил, а не его брат. Вид у Атайрона всегда был дикий, грозный и нелюдимый и, даже находясь в самом отвратительном настроении я не отважилась закатить сцену. Да и прав на неё в случае с Чернокнижником было меньше.

Хотя... я все-таки королева? И у меня может быть свой взгляд на политику! Так что...

Скользнув на землю, тяжело дыша от гнева и усталости, я дождалась, пока Атайрон приблизится. Он выглядел... тёмным. Казалось, нечто мрачное и жуткое движется впереди его высокой, сухопарой фигуры, как духота и полный штить разливаются в воздухе перед самой грозой.

Вопреки моим ожиданиям, подойдя, он не проронил ни слова, даже просто не поприветствовал, лишь не сводил с меня будто обведённых чёрной тушью, глаз. В его взгляде сквозило нетерпеливое ожидание и... что-то ещё, отчего меня кольнуло дурным предчувствием.

Атайрон явно ждал, чтобы я первой подняла мяч, вступив в беседу. И я не стала с этим долго тянуть.

– Что здесь происходит?! Вы половину страны обратили в руины, уничтожив столько невинных людей? Атайрон, вы что – с ума сошли?! Как всё это понимать?

– Понимать? – нахмурился он. – Разве кому-то нужно, чтобы ты что-то понимала?

– Ты сейчас издеваешься надо мной, что ли? Мне нужно это понять!

– О! Я легко могу объяснить...

– Эвил заверял меня, что это не война, не нападение, а всего лишь карательная акция, направленная на конкретных людей. Он обещал, что всё дело ограничится нападением на один замок, но то, что я видела, пролетая над землями Розовых Песков, мало походит на локальную операцию. Куда больше смахивает на геноцид!

Атайрон, наклонив голову, резко стянул кожаные перчатки с рук. Не глядя на меня, коротко сообщил:

– К тому, чему ты стала свидетелем, Эвил, увы, не имеет отношения.

Я в недоумении воззрилась на моего нелюбезного шурина.

– Я не понимаю...

– Да. Это предсказуемо, – в кривой усмешке на его лице не было ни тени веселья.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хочу? О, нет. Но у меня, кажется, нет другого выбора, как лично сообщить тебе пренеприятную новость.

– Какую новость?

Губы плохо слушались от волнения, хотя я не была готова поверить в самое страшное. Я даже думать боялась, что...

– То, что ты назвала геноцидом (хоть понятие не совсем знакомое, но я могу догадаться, что ты имеешь ввиду) – это моя месть за случившееся с моим братом.

Меня охватила нервная дрожь:

– Атайрон, где Эвил?! – от волнения голос срывался на крик.

Наше состояние, видимо, передавалось и драконам. Они оба нервничала и, то и дело вскидывая крылья, оглашали окрестности раскатистым рёвом.

Он тяжело опустил мне руки на плечи, глядя прямо в глаза:

– Мне очень жаль...

– Жаль – чего? – будто на автомате откликнулся я, глядя ему в глаза, словно взглядом пытаюсь остановить то, что сейчас должно было произойти.

– Что лично приходится сообщать тебе эту новость. Буду честен – я бы предпочёл, чтобы это сделал кто-нибудь другой. Но раз уж ты здесь, чтобы не привело тебя сюда, – я почувствовала, как его пальцы

сжались сильнее, наверное, потому на этом месте будут синяки, но сейчас это не имело значения.

Я была готова едва ли не вытряхнуть из него правду. Или успеть заткнуть ему рот, чтобы никогда её не слышать.

– Эвил всегда любил играть в Белого Рыцаря. Не знаю, в кого в нём это. Возможно, именно потому Санисторов в своё время и свергли...

– Атайрон, я сейчас с ума сойду!

– Вместо того, чтобы ударить сверху, как мы и собирались, он решил вести переговоры, – с иронией и горечью проговорил Черно книжник.

– Что? – поморщилась я, не совсем понимая суть. – Какие переговоры? Зачем? О чём?

– Ну, это не мой брат был их инициатором. Эппалы прислали парламентёра под белым флагом и просили о возможности диалога. Мой брат счёл за благо уважить их просьбу. Благородно, правда?

Я смолчала, потому что весь этот разговор не предвещал мне ничего хорошего.

– Я пытался отговорить его, но он меня не послушал. Он никогда меня не слушал! – горячо прорычал Атайрон. – На все мои возражения, глупец твердил, что уничтожить врага мы всегда успеем, что, возможно, Эппаллы хотят выдвинуть конструктивное предложение. Мой слишком мягкосердечный, для возложенной на него миссии, брат, всегда до последнего старался не проливать крови. «Ведь это кровь моих подданных», – говорил он.

– Он отправился на переговоры? – не выдержала я долгих предысторий. – Один?!

– Мы разделились. Я должен был прикрывать сверху, на случай если что-то пойдёт не так.

– И судя по всему, так и случилось?! Атайрон! – я больше не владела собой и вцепилась в него, схватив за груди и встряхнув, насколько хватило силы. – Где мой муж? Что с ним стало? Он – жив!?

Пальцы Адейра, сжавшись на моих предплечьях, рефлекторно заставили мои руки разжаться, и он резко оттолкнул, едва ли не отпихнул меня от себя.

– Атайрон? Эвил...

– Я не знаю, – прорычал он.

– Ты не знаешь?

– Нет. Я не знаю, жив мой брат или нет. Ясно?!

– Нет, не ясно! Вы отправились вместе! Вы должны были сражаться – вместе! Вы всё время были рядом и с вами были драконы. Как случилось, что ты здесь, а он...

Атайрон постарался взять себя в руки. И я сделала то же самое. В конце концов то, что мне не заявили наверняка о смерти моего любимого меня немного обнадежило. Оставалось маленькая надежда на то, что ситуацию можно изменить к лучшему. Главное, понять, что случилось, чтобы потом решить, как действовать дальше и чем можно помочь.

– Как я и сказал – мы разделились. Он отправился на переговоры, прихватив с собой Злого Рока. Брат посчитал присутствие дракона на передовой, а Чернокнижника с его напарником в арьергарде достаточными гарантиями безопасности и, каюсь, я тоже думал, что мы всё предусмотрели. Но мы недооценили врага, сумевшего смастерить отличную ловушку. Не знаю, каким образом Эппалам удалось привлечь на свою сторону магов Красной Гильдии, который никогда ранее не заключали союзов. К стыду, к моему, я пока так и не смог идентифицировать тот вид магии, что они применили, но дракон был уничтожен практически сразу, как только они приземлились.

– Это невозможно! Ты же сам говорил мне, что драконы способны поглощать и глушить магию любого рода.

– Да! Так и есть! Или, вернее, было. Поэтому мы оказались не готовыми к тому, что случилось. Мы считали, что перевес сил на нашей стороне...

Как часто мужчины действуют именно так. Хотя, нужно быть справедливым, любой может ошибиться, особенно когда в игру вступают прежде неизвестные факторы.

– И как же они уничтожили Рока?

– Пламенем. Я никогда прежде такого не видел. Казалось, земля расступилась, извергая огненный язык, испепеляющий всё кругом, а потом сомкнулась снова.

– Почему ты не вмешался?

– Я не успел. Всё произошло слишком быстро.

– И Эвил?.. Он погиб вместе с Роком?

– Я не уверен. Он мог успеть спешиться и Эппалы могли взять его в плен.

– То есть, ты не уверен? Разве ты не видел?

– Я наблюдал за всем сверху. Когда попытался применить магию – ничего не получилось. Не исключено, что её блокировали. Ты сама знаешь, что для Всадников видимость ограничена. Внизу было слишком много огня и людей. Одного человека отследить оказалось трудно.

– Мы даже не знаем... не уверены, что он жив? А если жив, вдруг Эвил ранен? Ему, возможно, нужна помощь?

– Я делаю, что могу.

– Чем бойня, что ты устроила, поможет? Жив Эвил или мёртв?

– Опасаясь, что следующими станут они, люди, конечно, не встанут на нашу сторону, но я выставил жёсткие условия – я буду сжигать по населённому пункту в день до тех пор, пока либо мне не выдадут брата, либо – не принесут живыми или мёртвыми моих врагов.

– И ты... ты в самом деле готов убивать невинных?

– Это мой брат. И мой король. Ответ – да! Я готов пойти до конца.

– Но чем виноваты простые крестьяне?!

– Анжелика, ты на чьей стороне? – ледяным голосом протянул Атайрон.

– Я люблю моего мужа. Я всем сердцем хочу его спасти. Но... массовое убийство людей делу не поможет. Этим мерзавцем из замка всё равно, что ты залил кровью и пламенем половину страны. Они не уступят до тех пор, пока опасность не станет грозить непосредственно им.

– Но она будет им грозить. Люди станут искать возможность остановить меня. А цену я им назвал.

Сердце моё сжалось при мысли о том, что, если бы Эвил был жив, его бы отпустили. Хотя, с другой стороны, отдав ценного заложника, чем они станут прикрываться как щитом?

– Ты сообщил Хатериман страшную новость?

Атайрон снова посмотрел на меня воспалённым взглядом. И в его взгляде я прочитала страх.

Наверное, если бы мне пришлось сообщать Хатериман новость о том, что я обложалась и по моей вине её любимый сын погиб, я бы

тоже боялась.

– Ты должен это сделать.

И прежде, чем Атайрон возразил, я с уверенностью добавила:

– Если мы действительно хотим спасти твоего брата, мы должны задействовать все резервы. И здесь Хатериман ценный союзник.

– Оба дракона у нас. Нам ненужно её благословение.

– Благословение? Кто говорит о благословении? Нам нужен её жестокий, изворотливый ум и змеиная хитрость. Кроме того, она не простит тебе того, что ты не дал ей знать.

На лице Атайрона отразились сомнения. Пришло моё время положив ему руки на плечи, стараясь поддержать:

– Просто сделай это. Втроем мы найдём выход. И спасём нашего Эвила.

– Хорошо, – согласился Атайрон. – Я свяжусь с ней. А сейчас мы должны скрыться. Здесь лучше не оставаться.

– Почему?

– Это может быть опасным. Садись на Молнию. Нам предстоит пролететь ещё немного.

– Куда?

– К границе вон тех гор.

Я не стала возражать и последовала за моим шурином.

Погибло столько людей и Эвил, возможно, тоже. Почему я ничего не чувствую? Так бывает, когда тело серьёзно ранят – смотришь на бьющую фонтаном кровь и не ощущаешь боли. Но она обязательно приходит после, вместе с осознанием того, что всё реально, всё настоящему.

Как мне жить в этом мире, если Эвил на самом деле погиб? Я не хотела об этом думать, но я должна была. Ведь несмотря на то, что это просто очень больно – терять любимого человека, самое страшное, что жизнь на этом не заканчивается.

Для Хатериман и Атайрона Эвил был не просто любимым и близким человеком. Он был их проходным билетом во власть, их пропуском к трону. И его потеря перечёркивала все их чаяния, надежды и расчёты. Без него у них не было прав на трон Десятицарствия.

Что-то подсказывало мне, что ни один из них так просто с этим не смирится. Что они будут действовать, пытаясь изменить ситуацию под

себя. И их единственная надежда оставаться законно у власти – получение наследника Санисторов.

От всех этим мыслей становилось и горько, и тошно, и страшно. Только Эвил отделял меня от всего безумия, а теперь...

Не поторопилась ли я с вызовом любимой и любящей свекрови? Думаю, что нет. Во-первых, Атайрон и сам бы вскоре пришёл к тому же решению. А, во-вторых, если Эвил всё-таки жив, я надеялась, что мудрость этой ужасной женщины всё же сможет помочь.

Да, она была властолюбивой, жестокой и даже бесчеловечной, но я верила, что сына она, всё-таки, любила.

Драконы опустились на дно глубокого каньона, со всех сторон окружённого естественным препятствием – с виду практически непреступными скалами. Чтобы взять такую вершину, а потом спуститься вниз нашим врагам потребовалось бы много усилий и времени, но ни того, ни другого им не оставляла магия Атайрона и охраняющие периметр драконы.

На дне этого своеобразного кратера нас ждала зачарованная палатка, внутри которой горел огонь, обеспечивающий тепло.

Атайрон, проводив меня внутрь, подал мне чашку горячего травяного отвара:

– Выпей, – потребовал он.

Я с подозрением покосилась не предложенное угощение. Резвившаяся у меня паранойя во всём норовила углядеть опасность. Конечно, Атайрон до сих пор вёл себя со мной лояльно, но... Эвил был с ним, и Эвила с нами больше нет. И во все эти странные речи о том, что Атайрону не хватило магического искусства для противостояния, я не то, чтобы не верила – но позволяла себе сомневаться. Его недаром знали и боялись. Он был одним из лучших.

– Я не голодна, – покачала я головой.

– Я и не пытаюсь тебя накормить, – он явно старался держать себя в руках и не выказывать раздражения. – Это поможет тебе согреться и успокоиться.

– Я спокойна.

Он не стал спорить, просто поставил чашку на металлический треножник, видимо, заменяющий здесь столы.

– Я обдумал твои слова и пришёл к выводу, что ты права. Необходимо поставить Хатериман в известность. Для того, чтобы

связать с ней, мне придётся оставить тебя.

– Зачем? – подозрительно воскликнула я. – Что мешает тебе сделать это в моём присутствии?

Я думала, что он начнёт искать отговорки, но Атайрон не стал тратить на это время.

– Ничего, – честно ответил он. – Я просто хочу поговорить с матерью наедине.

– Ты собираешься сказать нечто такое, что я не должна знать?

– Анжелика, не каждый день приходится матери сообщать о том, что её любимый сын, возможно, мёртв. Я не уверен, что при этом мне нужны свидетели.

– Я не свидетель. Я член вашей семьи, хотите вы того или нет!

– Да. Всё так. И всё же, ты останешься здесь.

По тону Атайрона я поняла, что спорить бесполезно.

Он просто вышел из палатки, а когда я шагнула за ним следом, зябко кутаясь в меховой плащ, на дне каньона кроме меня, драконов и снега никого не было.

Оставаться в палатке я не могла, меня, словно внутренний жар, снедала тревога. Около Молнии я чувствовала себя защищённой и не такой беспомощной. Рядом с ней я в любой момент могла подняться в небо и лететь. Да, конечно, Хатериман говорила о том, что прежде Молния принадлежала её, но то было прежде, а теперь? Теперь вряд ли она отослала драконицу мне на помощь. Молния выбрала меня. Значит, мы вместе. Возможно, та, кого я так боялась, теперь единственное существо в этом мире, на помощь которого я могу рассчитывать.

Если жизнь меня чему-то и научила, то только тому, что по-настоящему всегда нужно действовать, самой решая свои проблемы. В этом мире каждый слишком занят самим собой и на помощь другим не остаётся времени, сил или желания. Никто кроме тебя не сможет сделать всё так, как ты хочешь. Загвоздка была в том, что в каждом мире и каждой социальной прослойке свои правила игры, свои условия выживания. И, вынуждена признать, будучи учительницей в 21 веке, в России, мне выжить было легче. И решать проблемы – тоже. Да, там у меня не было богатства, и дополнительного бонуса в виде дракона и магии, но там и не было такого количества завистников и врагов. Когда у тебя ничего нет, никто на твоё место и не хочет. Тебе

нечего защищать. Когда ты никого не любишь, тебе не за кого переживать. Ты свободен, отвечаешь за самого себя.

Будучи женой Порочного Принца, урождённой принцессой, Анжелика, в теле которой я существовала, была пешкой в чужой игре. Кому может потребоваться двигать на шахматной доске такую пешку, как учительница истории? Когда через тебя люди могут получить власть, всё меняется. Тебе чаще льстят, чаще стараются услужить, тебе чаще говорят о любви, но в большинстве случаев это всё – ложь, ложь, ложь. Ты просто средство, с помощью которого достигается богатство, более высокий уровень существования.

Что такое любовь? Почему мы, эгоистичные и легкомысленные существа, любим? Потому что тот, кто нам дорог, делает нашу жизнь лучше. Мы любим родителей – ведь без сильного покровителя в этом мире ребёнку не выжить. А потом мы благодарны за те блага, что получали, будучи слабыми и немощными. Жена любит мужа за защиту и заботу, что он даёт ей, а муж жену – за дом, за очаг, за пищу и верность, за тех детей, что они дарят друг другу, за жизнь, что разделяется на двоих.

Я любила Эвила всем сердцем, которое сейчас готово было расколоться от одной мысли, что его нет. Он был нежен со мной и пока он был рядом, я ничего не боялась. Он меня защищал. Благодаря ему моя жизнь делалась легче и проще. И мне не приходилось сомневаться в том, что не моё происхождение тому причиной.

Но если бы я встретила его будучи не принцессой Анжеликой, а Ангелиной из 21-го столетия, были бы мои чувства к нему теми же? Боюсь, что нет.

Мы часто в нашем времени плачемся, что не стало настоящих мужчин и женщин, способных создавать семьи и долгие отношений. Каждый готов переводить стрелки на другого, обвинять, но правда в том, что, когда взрослые люди ждут друг от друга беззаветной родительской любви, отношения обречены на поражения. Мы любим тех, кто способен отдавать: физические ресурсы, тратиться морально. Чтобы любили нас, мы должны сделать то же самое. Если что-то взял – отдай взаимы и будь благодарен за то, что получил. Если за родником не ухаживать, рано или поздно, каким бы сильным не был источник, он иссякнет. Никто не бывает вечным без причины.

Мои современники, я сама – мы все хотим брать. Большинство из нас желает обладать правами без обязанностей, а так не бывает. Любовь – это труд, беспрестанная работа не над партнёром и его воспитанием, а над воспитанием самого себя.

Если бы я вела себя с Эвилом так же, как вела себя в своём веке, он вряд ли испытывал ко мне и десятую долю той нежности, что я в нём вызывала сейчас. И хоть держать язык за зубами пришлось вынужденно, для всех это было к лучшему.

От мыслей о прошлом я переключилась на размышления о будущем. Мне срочно нужен был план действия, но план – это чёткая последовательность действий по направлению к цели, а тот белый шум, что заполнял голову планом назвать сложно.

Мне нужен Эвил. Потому что я люблю его и потому что моя жизнь без него обратится в кошмар. Горько было думать о гибели Злого Рока, ведь он был первым, кто поднял меня в воздух. И у Эвила теперь нет дракона. Значит, мы разделим крылья моего на двоих, лишь бы было с кем делиться!

Внезапно поднялся ледяной ветер и над каньоном собрались тучи. Это было до противоестественного стремительно. Молния разрежала пространство, но ударила она не сверху вниз, как бывает при нормальной грозе, а вышла из земли, серебряным острым росчерком, будто кто-то невидимым ножом вспорол тонкую ткань бытия и над землёй повисло сияющее окно, из которого мне навстречу шагнула Хатериман, за ней следом двигался Атайрон.

Мать Эвила с ног до головы была в чёрном, расшитым серебром и расшитого мелкими алмазами-стразами, одеянии. Выглядело это так, словно на чёрном сожжённом стволе блестели капли-слезинки.

Прогрохотал оглушительный гром и портал свернулся.

Хатериман двигалась легко и стремительно. Это было существо без возраста, её внутренняя недобрая сила сквозила в каждом движении. И лишь глаза казались ещё черней, чем окутывающая её тёмным облаком одежда.

Она остановилась в нескольких шагах от меня. Мы обменялись взглядами, который сложно назвать добрыми.

– Здравствуй, Тайима. Никогда не думала, что скажу это, но я безумно рада, что ты всё ещё жива.

– Не вашими стараниями, – постаралась огрызнуться я.

На бледных бескровных устах морщинками наметился оскал усмешки, но растворился прежде, чем успел до конца сформироваться:

– Вопреки.

Атайрон мрачной тенью застыл позади матери.

Удивительное дело, но ни один из братьев не заставлял меня себя чувствовать так, как их жуткая мать. Я её уважала, но и ненавидела – всем сердцем. Прекрасно иметь другом такую женщину, как ведьма Хатериман, числить её среди врагов – страшновато.

– Идём в палатку. Здесь ветрено.

– Мне это нисколько не мешает.

Она не ответила, молча направилась к указанному месту.

Вот ведьма! Как она это делает? Я ей не верила, я её опасалась и понимала, что драконы – моя защита, я понимала, что глупо следовать её приказам, особенно после всего, что случилось, но, вопреки всем доводам рассудка, я подчинилась, последовав за ней. Она оказывала на меня давления, я подчинялась, как и все, кто имел дело с этой ведьмой, хотя, я готова в этом поклясться, никакого магического воздействия не было.

– Атайрон, оставь нас на время, – бросила она сыну, даже не поворачивая головы, через плечо. – Нам с Анжеликой нужно поговорить наедине.

Перехватив мой умоляющий взгляд, Чернокнижник поспешил отвести глаза. Но, шагнув к выходу, проговорил:

– Я буду рядом.

Очень утешительно.

– Можешь больше не опасаться покушений на твою жизнь. С моей стороны, по крайней мере.

Она щёлкнула пальцами и слетевшая с них тёмная плазма, точно такая, что стекала и с моих в определённых обстоятельствах, приняла форму мягкого кресла и в следующий момент полностью стала им.

Вторым щелчком она наколдовала кресло позади меня.

– Садись, дорогуша.

– Я лучше постою...

– Я сказала – сядь, – она даже голос не повысила, хотя фраза и прозвучала, как свист бича.

Меня словно толкнуло невидимой рукой, не сильной, но ощутимо. И я села, меряя мою неприятельницу гневным взглядом.

– Это уже слишком!

– Прости. Не люблю, когда на меня смотрят сверху вниз. Всегда приятней общаться, глядя собеседнику в лицо, когда оно на одном с твоим, уровне.

Я не знала, что сказать. Эта женщина – она превосходила всё, что я знала о людях. Или не добирала до моих представлений – как посмотреть.

– Вы только что потеряли сына. Неужели у вас совсем нет сердца? – воскликнула я.

– Есть ли у меня сердце? Наверное, да. Хотя я бы предпочла, чтобы его не было. Но, увы, я всё ещё чувствую боль. И она тем острее, чем меньше согласен её признавать. Но, клянусь тебе, тот, кто заставил меня плакать, будет молить о смерти, как об избавлении. Я умею мстить.

– Не сомневаюсь. Даже не будучи вашим врагом, я на своей шкуре прочувствовала, на что вы способны, – холодно сказала я.

– Хорошо, что на этот раз я послушалась сердца, а не голоса разума. Если Эвил... – голос её на мгновение дрогнул, но это было единственное, чем это невозможное существо выдало, что оно, как и я, из плоти и крови, а не демон из преисподней. – Если Эвил мёртв, то ты наша единственная надежда.

Перехватив мой недоумевающий взгляд Хатериман откинулась в своём кресле, с превосходством и иронией взирая на меня:

– И мне придётся изрядно потрудиться, чтобы ты не свела её к нулю.

– Почему я единственная наша надежда?

– Потому что, как ни сильны я и Атайрон, но без Санисторов у нас нет законного права на трон Десятицарствия.

– Но я – не Санистор!

– Нет. Ты жена Санистора и можешь стать матерью его ребёнка.

– Что?! Конечно, могу, но семьдесят пять процентов против двадцати пяти, что я не беременна от вашего сына.

– Это печально. Но ты была с моим сыном, значит, можешь носить под сердцем его дитя.

Я была настолько глупой, что и в тот момент ещё не сообразила, куда клонит это чудовище.

– Но через девять месяцев ваши подданные поймут, что это всё ложь!

– Не поймут, – твёрдо и властно взглянула она на меня. – Если ребёнок родится в положенный срок. Или – чуть позже. Такое тоже случается.

Я застыла, недоверчиво глядя на моего врага.

– Вы... вы сейчас о чём говорите?

– Мы постараемся спасти моего сына, если он ещё жив. А если нет... объявим нашим верным подданным, что королева теперь ты, раз носишь наследника Санисторов под сердцем.

– А если я не беременна?

– Если ты не беременна, Атайрон это исправит. К тому же, он теперь единственный Драконий Всадник, владеющий живым драконом. Если Эвил пал...

– Вы – сумасшедшая! Я никогда на это не соглашусь!

– Очень жаль, если так. Я не сторонница применять насилия там, где оппонента можно склонить к сотрудничеству.

– То, что вы предлагаете – это же омерзительно! Вы не мать, вы чудовище!

– Я – мать, и как мать, я скорблю. Но я не могу позволить, чтобы всё, за что мы боролись столько лет, закончилось полным пшиком. Ставки в этой игре слишком высоки. Куда выше обычной маленькой человеческой морали.

– Ничто не бывает выше человеческой морали. И никакая цель не оправдывает подобных поступков!

– Не устраивай истерик раньше времени, возможно, что Эвил останется жив и всё обойдётся. Я сказала тебе правду за тем, чтобы у тебя было время всё обдумать и в решающий момент смириться. Как и полагается женщине.

– Что-то вы не смахиваете на смиренное создание!

– И всё же что, как не смирение, заставляет меня двигаться вперёд.

– Я ни за что не соглашусь! И вы не заставите меня!

– Поверь, насчёт последнего ты сильно ошибаешься. Но будем надеяться, что до этого не дойдёт. Есть шанс, что всё утрясётся, хоть он и ничтожно мал.

– Ненавижу вас! Всем сердцем!

– Как угодно, дорогая. Поверь, из нас двоих тебе гораздо легче. Терять мужей больно, но терять дитя – этого словами не передать. И, в отличие от тебя, мне некого ненавидеть.

– Если ваш сын мёртв, не означает ли это, что пора признать поражение?

– Может ещё добровольно петлю затянуть вокруг своей шеи? Мой сын мертв, но есть ещё один сын. И есть люди, что шли за нами. Есть земли, которые бесконечно точат войны и междоусобицы. Мир не сахарная вата, милая ты дурочка. Наш отказ от власти не спасёт моего сына, но он погубит тысячи жизней.

– Если продолжим сражаться, разве это погубит меньше людей? Я уже не говорю о том, что ваше предложение... это же почти инцест! Я люблю Эвила! Мысль о любом другом мужчине сейчас, когда... нет, это просто невыносимо. Тем более – его родной брат.

– Ну так это и не для удовольствия, это – для дела. В жизни за право жить приходится порой платить самую высокую цену.

– А я думаю, что не любой ценой стоит выживать! Иногда правильной умереть с достоинством. Иногда выжить – это не выиграть, а проиграть!

– Можешь чувствовать и думать, что угодно. Я облегчу тебе задачу, Анжелика. Я не оставлю тебе выбора, как только пойму, что Эвил... – голос её снова дрогнул, но она тут же взяла себя в руки. – Как только пойму, что мой сын действительно мёртв.

Глава 30

Мне хотелось взорваться, хотелось наговорить в ответ много чего хорошего. Вцепиться этой наглой тетке с королевской мордой когтями в лицо и драть его в кровь. Или шарахнуть по ней чем-нибудь тяжёленьким, вроде тёмной плазмы.

Меня остановило не то, что особам королевский кровей так вести себя не полагается. Я не хотела показывать слабость, а крик и потеря самоконтроля удел слабых людей. Если эта проклятая стерва может стоять фактически над гробом любимого (ну, насколько ведьмы способны любить своих детей) и говорить мне все эти ужасно логичные и совершенно бессердечные вещи в лицо, я смогу их выслушать.

Нужно экономить энергию. Она мне пригодится. Впереди широкая река чёрного цвета, и мне предстоит её переплыть не только в одиночку, но и отбиваясь от крокодилов.

Не отвечая, я повернулась к Хатериман спиной и отошла в сторону. Омерзительно, когда в тебе видят белую овечку на заклятие. Я всё это время старалась соответствовать милому образу, я делала, что от меня требовалось, исполняя долг невесты и жены. Но если мой муж мёртв, я этим двум тварям ничего не должна.

Так, ладно! Вдох-выдох. Успокойся, Ангелина Владимировна, в этом миру Анжелика Олиера Ванхелия, в замужестве Санистор. Возьми себя в руки. И убедись, что Атайрон действительно враг, прежде чем действовать. Ну, или придумывать, как действовать. Возможно, идея матери и не придётся ему по вкусу.

Я решительно подошла к шурину, в мрачной задумчивости застывшего над костром. Он не мог не заметить, как я подошла, но игнорировал моё присутствие. Что не говори, плохой знак.

– Я только что говорила с Хатериман.

– Поздравить с этим? Или принести соболезнования?

– Когда я просила тебя поставить её в известность о случившемся, подразумевалось, что первым делом она озаботится спасением сына, а не тем, как любой ценой удержать власть в своих руках. Ты в курсе, что она задумала?

Атайрон, наконец, перевёл взгляд на меня. Лицо его в этот момент было бесстрастным, как у истукана-идола:

– У моей матери всегда есть несколько планов про запас. О каком из них ты сейчас ведёшь речь?

– О том, где я становлюсь матерью наследников Эвила даже в том случае, если... твоя мать намерена использовать меня в качестве матери наследника с Эвилом или без! Ты успел согласиться на роль отца?

Атайрон не сводил с меня глаз, но взгляд у него был пустым и потухшим.

– Не молчи! Ответь мне, скажи...

– Что я должен сказать?

– Ты говорил с матерью об этом? В случае, если твой брат на самом деле мёртв... неужели ты сможешь?...

– Смогу – что? – холодно спросил он. – Сделать женщине ребёнка? Не думаю, что с этим возникнут серьёзные сложности.

Я не нашла слов, чтобы описать своё возмущение, но Атайрон и сам прочитал переполнявшие меня эмоции по моему лицу.

– Анжелика, – покачал он головой, – ты, конечно, молода, но ты выросла на ступенях трона. Тебе ли не знать, на какие преступления и суровые сделки с совестью приходится идти, чтобы удержать власть? Будем честны, я не самый худший вариант. Молодых царевен, вроде тебя, порой подкладывали под мужей, что им не то, что в отцы – в деды годились, при этом имевших весьма специфичные сексуальные вкусы. Женщина часто становится разменной монетой в играх куда с меньшим размахом. Будем надеяться, что до этого не дойдёт, что Эвил вернётся, но если нет... сделаем то, что должны. Если вычеркнуть тот факт, что мой брат был твоим мужем, мы ведь не неприятны друг другу? Между нами даже в этих условиях была искра...

– Какая, к черту, искра?! – вспыхнула я, отступая от него на шаг. – И я не готова вычеркнуть Эвила.

«И уж тем более не готова стать пожизненной марионеткой твоей мамочки из преисподней», – но вслух я этого не сказала, оставив при себе.

Дальше говорить нам было не о чем. Я узнала, что хотела.

– Постарайся успокоиться и всё обдумать.

– Именно это и планирую сделать.

Успокоиться и всё обдумать. Вдох-выдох. Нужно заглушить голос сердца, чтобы не мешал действовать разуму. Мне не с кем советоваться, не на кого рассчитывать. Я одна, и я в ловушке. Хотелось паниковать, возмущаться, плакать – словом, истерить на все лады. Но я не в своём родном мире, где существуют службы спасения, пресса и в крайнем случае можно написать на сайт жалобу или пойти в суд.

Истерить, жаловаться, предъявлять претензии некому, дерзостей никто не потерпит, а если ошибусь, меня легко прикончат – свекровь продемонстрировала, что избавиться даже от жены короля никакая не проблема.

В этом мире я сама – власть и гарант чей-то безопасности, хотя местная знать, кажется, подобными мелочами не заморачивается. И если я, дочь короля и жена короля, так беспомощна... стоп! А беспомощна ли я? Ведь на самом деле я не Ангелина Владимировна, никому не известная и ненужная попаданка, я – Анжелика Ванхелия, дочь и законная наследница короля Олиера, Драконий Всадник, обладающий чёрной магией.

Хатериман видит во мне покорную жертву, но – не дождётся. У неё без меня прав на Десятицарствие нет, но у меня и без черных магов с далёких островов есть все права. Если я беременна, я могу стать королевой-матерью и регентом, если и не всей земли в окрест, то Олиера – точно. И теперь, когда у каждого из нас по дракону, наши силы равны. Если Атайрон решится напасть, конечно. Если он пожелает, может оставить за собой Чёрную Цитадель, возражать не буду.

Чтобы получить власть и силу мне нужен ребёнок. И здесь мы плавно подходим к тому моменту, когда, хочу я того или нет, мне придётся уступить и подчиниться. Сделать вид, что согласна. Притвориться мёртвой лисой, чтобы поймать двух жирных и наглых воронов.

Я очень старалась не думать об Эвиле. Одного воспоминания о нём было достаточным, чтобы заставить меня задыхаться от слёз и размякнуть, а мне сейчас нужно было собрать все силы в кулак, чтобы выстоять и выйти победительницей из этой схватки.

Я не хотела власти. Власть – это интриги и бесконечные сделки с дьяволом до полной атрофии совести. Но у меня сейчас было два пути. Либо я смиряюсь, отдаюсь Атайрону и позволяю ему дальше рулить

нашим семейным корабликом на пару с его великолепной маман. Либо, действуя обманом, интригуя, получу ребёнка, сбегу отсюда домой, к отцу. Это чревато войной и многими рисками, но в итоге, если всё получится, у меня, простой смертной, есть шанс управлять не только своей жизнью. Я смогу постепенно изменить жизни многих к лучшему. Если постараюсь – а я постараюсь. Чем мне ещё заниматься. Всё, что я хотела для себя, умерло вместе с Эвилом. На его месте я не желаю видеть другого мужчину, а власть? Будем надеяться, что мы с ней окажемся достойными друг друга.

Вернувшись в палатку, я увидела, как Хатериман, стоя перед зеркалом в человеческий рост, рисует на нём какие-то знаки.

– Чем вы занимаетесь? – вежливо поинтересовалась я.

Теперь, когда решение было принято, даже дышать в её присутствии сделалось легче.

– Хочу выйти на связь с лордами, предварительно захватившими моего сына.

– Или с его убийцами, – раздался из-за спины голос Атайрона, ступившего в палатку вслед за мной.

– Или с его убийцами, – согласилась Хатериман.

– Нам уйти? – спросила я.

– Зачем? Мы одна семья.

Надо же? Хотя в этом она права. Что касается Эвила, горе ещё способно объединить нас. Как и надежда. Если бы она была. Но в глубине сердца я чувствовала пустоту, там даже боли не было. Потому что болеть способно там, где живо, а когда чего-то нет – его нет.

Мне жутко было произносить это даже мысленно, но правда в том, что мы, все трое, знали – Эвила больше с нами нет. Ниточка, протянутая от одного любящего сердца к другому больше не висала и не тянулась, а лежала, черная, обуглившаяся.

– Тебе помочь? – поинтересовался Атайрон у матери.

Она отрицательно мотнула головой:

– Сама справлюсь.

Никто не сомневался – справится. И никто не удивился, когда мутная зеркальная поверхность словно загорелась изнутри пламенем. Когда пламя опало, вместо собственного отражения нашим взглядам предстала незнакомая комната.

Через мгновение с той стороны перед нами встал мужчина средних лет, в расцвете физических и нравственных сил, поджарый, как гончая и лысый, словно колено. С грубого, но далеко не глупого лица буравчиками глядели серые глаза.

– Леди Санистор? Признаться, не ожидал увидеть вас в своей почивальне.

– Не желаю тратить время на пустые разговоры, лорд Эппал.

– Лорд? Я владелец Розовый Песков и по праву считаюсь их королём!

– Так же, как и я не откликаюсь на титул «леди», милорд.

Боясь, что на выяснение титулов может уйти больше времени, чем у меня терпения, я встряла в разговор, игнорируя недобрый, возмущённый взгляд свекрови.

– Где мой муж и ваш король, милорд?

Мужчина перевёл на меня взгляд, колющий, как иней, когда к нему морозным утром прикасаешься голыми пальцами:

– Принцесса Анжелика, я полагаю? Ах, да, простите, не принцесса – вы же теперь королева? Или, если учитывать, что вы теперь вдова, всё же принцесса?

– Да какая разница? Где мой муж?!

– Там же, где и моя дочь, нужно полагать – в аду.

– Вы добрый отец, – с презрением протянул Атайрон.

– Я привык смотреть на вещи в их подлинном свете, даже если мне это и не по нутру, Черно книжник, – сурово отчеканил герцог Розовых Песков. – Моя дочь самоубийца, как не горько и не стыдно это признавать. А самоубийц ждёт ад. Так же, как колдунов, трусов и узурпаторов.

– Хватит играть словами. Мы задали вам вопрос.

– И я дал вам на него ответ.

– Ещё три дня назад я выдвинул своё требование и клянусь, я предаю огню каждую деревню, каждый лес, каждый замок в ваших владениях, если вы не вернёте нам моего брата.

– Если бы было что возвращать, идиот, неужели бы я не подчинился? Твой брат вместе с его крылатым монстром сгинули в самом пекле. Там им и место. Я даже тело его не могу вам вернуть – всё поглотила лава.

– Я не могу тебе верить на слово, – снова заговорила Хатериман.

Выглядела она спокойной, хоть и мрачной. Никогда не видела никого до такой степени бесчувственной или умеющей владеть собой.

– Ну так какие проблемы? – мрачно ухмыльнулся наш собеседник. – Приди и проверь всё на месте. Вы же, маги, это способны сделать? Читать информацию с камня, ветра, людского сознания? Приходите, если хотите. Я не стану чинить препятствий, – развёл он руками, широко ухмыльнувшись.

– Я свяжусь с тобой через четверть часа, – оповестила его свекровь. – Оставайся в зоне доступа.

Она взмахнула рукой, зеркало затянуло чёрным дымом и так и осталось, будто изнутри его задёрнули чёрной тканью.

Я думала, что готова к смерти Эвила, думала, что справлюсь, но я не справилась. Наверное, в глубине души я всё ещё надеялась на чудо, упрямо и вопреки логике и обстоятельствам. Как я не старалась, но слёзы брызнули из глаз.

В фильмах часто показывают, как в горе кричат. Может, кто-то и может. Но меня горе и боль всегда душат в прямом смысле слова, да так, что не то, что кричать, говорить почти не можешь. Хочется прислониться к чему-нибудь и поскорей уснуть, спрятаться, уйти от того, что кажется настолько больше тебя, что тебе это не вместить.

А сердце бьётся и ты, пусть с трудом, но дышишь. Боль не стихает и не убивает, она остаётся с тобой, как часть тебя. Как тень за твоей спиной, с которой вы отныне неразрывны.

– Что будем делать? – спросил Атайрон. – Мы не можем оставить всё, как есть. Если есть хотя бы малейший шанс, что Эвил жив и находится в руках наших врагов...

– Эта участь хуже смерти, – голос Хатериман звучал ровно.

Но в воображении воскрешал кружащийся над пепелищем пепел. Голос её был спокойным, чёрным, безнадежным.

– Я должен пойти и убедиться, что Эппал говорит правду.

– Не ты. Пойду я. Не перечь мне. Как маг я сильнее тебя, как человек – старше, к тому же я всего лишь женщина.

– Но...

– Я не рискну единственным оставшимся у меня сыном даже ради возможности узнать об участии второго моего ребёнка. Я пойду сама, Атайрон. И это не обсуждается.

Сказано это было таким тоном, что отметало все возражения.

В тот момент я не могла не сочувствовать Хатериман, сила её духа восхищала меня так же, как ужасала её жестокость, как возмущал ледяной ум.

Все мы всего лишь люди, и в каждом из нас намешено всего понемногу. Взять, например, меня? Даже сейчас, находясь в жесточайшем горе и потрясении, я не перестаю думать о возможном побеге, хотя понимаю, что это ударит в спину оставшейся парочке. Я жалею их в горе, но... у меня своя судьба. Второго шанса уйти у меня может и не быть. Ускользнуть отсюда, от одного Атайрона, подавленного событиями последних дней будет легче, чем из Чёрной Цитадели. Это не предательство. Я всего лишь хочу спасти себя. Возможно, в будущем мы договоримся, но тогда разговаривать со мной будут уже не как с пленницей.

Хатериман исчезла в выстроенном ею портале, чтобы узнать о судьбе младшего сына. Мы остались вчетвером, пара на пару: мы с Атайроном и наши драконы.

Последние в мире.

– После того, как твоя мать убедится в том, что Эвил... – мой голос дрогнул, я не смогла заставить себя сказать слово «умер» и перешла к сути вопроса. – Что будет дальше? Мы вернёмся в Тёмную Цитадель?

Атайрон перевёл на меня взгляд. В глубине зрачков отражались алые искры пламени, разделяющего нас.

– Просто так вернуться? – он произнёс это не повышая тона, но от его голоса мурашки бежали по коже. – Они убили моего брата, – медленно и весомо выговаривая каждое слово, проговорил он.

– Я не просто соболезную твоей потере – я разделяю её, но не могу игнорировать правду: это не правители Розовых Песков пришли в Чёрную Цитадель с войной – это мы к ним пришли.

– Они вероломно убили моего брата!

– Они защищались, Атайрон. Всякий на их месте сделал бы тоже самое.

– Сделал – что? – холодно процедил Чернокнижник. – Прикрываясь переговорами, устроил ловушку? Да, я понимаю, это война, но у войны есть свои правила и законы. Что бы ты не делал, нужно придерживаться чести, если хочешь, чтобы с тобой вели себя честно. Лорды Розовых Песков преступили черту. Я не Эвил, и я не

стану проявлять милосердия с риском для собственной жизни. Я спалю их замок дотла, устроив над могилой брата достойный его обелиск!

– Я не стала бы возражать против смерти лорда Эппала, но невинные женщины и дети, Атайрон?..

– Мне всё равно! Я не знаю их. Случайные жертвы будут всегда. Это не повод отказываться от цели. Ты не остановишь меня или мою мать, Анжелика. Твои уговоры ничего не изменят. Я не Эвил.

– Знаю, – с презрением протянула я.

Синим росчерком молнии, исходящей из земли, проступил портал и через мгновение Хатериман выпала из него с видимым усилием, как если бы боролась с чем-то.

На землю у её ног лёг свёрток, закутанный в белый саван. И мы оба с Атайроном застыли, в разной степени ужаса созерцая этот жуткий трофей.

С чёрным, суровым лицом, Хатериман возвышалась над костром, словно вырвавшийся из Преисподней дух мести.

Я отказывалась понимать, что это за свёрток, похожий на скатанный ковёр, но никуда было не деться от реальности. Мне так хотелось проснуться, как бывает, когда видишь слишком страшный сон – очнуться в спасительной, уютной тишине своей спальни... и понять, что всё от начала до конца было сном? Ну, уж нет! Я не хотела бы оказаться в той реальности, в которой Эвила не было вообще. Пусть мы были счастливы вместе совсем недолго, но это время самое дорогое, что было у меня в жизни, и я от него не откажусь.

– Он действительно мёртв? – голосом Атайрона можно было железо резать.

И всё же в этом спокойствии было столько боли... как и я, он надеялся, что всё обойдётся. До последнего надеялся.

– Действительно. И это хорошая новость, сын. Было бы хуже, оставь они его в живых и пытай.

Нет, не было бы хуже. Пока Эвил был жив, была надежда всё исправить! У смерти не бывает продолжения.

– Я хочу, чтобы вы сравняли этот замок с землёй, – тихо потребовала Хатериман. – Чтобы не осталось ничего, кроме камней. Пусть пепел и соль развеваются там, где посмели отнять жизнь моего дорогого мальчика. Пообещай мне.

– Но это безумие! – сорвалось с моих губ.

Мать и сын посмотрели на меня так, что на несколько секунд я поверила, что от меня сейчас тоже останутся только пепел и соль.

– Что ты сказала? – зарычала Хатериман и в моём воображении я увидела кобру, распускающую капюшон и открывающие ядовиты клыки. – Как ты посмела сказать это? Считаешь, что я могу уйти, не отомстив? Чтобы мой сын мучился?

– Сомневаюсь, что Эвила так сильно бы мучило отсутствие убиенных вами душ рядом с его душой. Но если вы так жаждите мести, убейте магов и лордов – простые крестьяне здесь не при чём. Они никого не убивали.

– Крестьяне меня не интересуют. Как и их скот.

– Однако, они люди, и они хотят жить! Они могли бы стать подданными вашего сына...

– У него больше никогда не будет подданных! Если бы не ты, соплячка, в твоими глупыми речами о милосердии и мире, ничего бы этого не было! – заорала на меня несчастная мать.

Я не обиделась. Правда. Я её понимала. Мне тоже ужасно, прямо до зуда в костях и хруста в зубах хотелось кого-нибудь винить во всё случившемся. Хотелось ненавидеть и кричать, и биться в истерике. Но убивать невинных людей, чтобы унять мою боль, я не была готова. Да и сильно сомневалась, что мне это бы помогло.

– Молния не будет участвовать в вашей карательной операции.

– Молния принадлежит мне, а не тебе! – с тихой яростью продолжила шипеть Хатериман.

– Ну, так скажите ей об этом сами, а то она, похоже, не в курсе.

– Хватит! Довольно. Уймись вы, обе, – оборвал нас Атайрон. – Брат не заслужил того, чтобы две равно любимые и уважаемые им женщины вцепились друг другу в глотки над его телом.

Он повернулся к матери:

– Я заставлю Эппалов заплатить за то, что они с нами сделали, клянусь тебе, но после того, как отдадим последние почести моему брату.

Не дожидаясь ответа, он двинулся к белому свёртку, лежащему на снегу. Словно под гипнозом, я двинулась за ним. Я не хотела этого, но... я должна была убедиться в том, что это действительно Эвил.

Чтобы не мучиться сомнениями или позволить жить надежде в моём сердце и дальше.

– Я хочу на него взглянуть, – прошептала я.

Атайрон бросил исподлобья хмурый взгляд:

– Ты уверена?

– Я должна быть уверена, что это он.

В чёрных глазах шурина промелькнуло сомнение:

– Тебе лучше этого не видеть, поверь. Сам не уверен, что смогу на это смотреть.

– Я должна...

– Ты не сумеешь его узнать. Тело обгорело.

– Сумею.

– Анжелика, поверь...

– Пожалуйста!

– Сделай, как она хочет, – приказала Хатериман мрачно.

Атайрон сделал шаг в сторону, словно уходя с моего пути, не пытаясь больше помешать мне, но и ничего не делая сам.

Дрожащей рукой я отвела край простыни.

Атайрон был прав. Мне лучше было этого не делать. То, что я увидела... не хочу это описывать. Узнать в обуглившему теле моего любимого не было возможности. Это мог быть он, мог быть, и кто угодно другой. Даже одежда сплавилась вместе с телом в одно целое – не разделить.

В нос ударил специфичный запах и это было больше, чем я смогла вынести. Сознание поплыло прочь, и я не возражала.

Даже если бы я открыла глаза в старом мире. Или в любом другом из миров. Только не в этом. В этом я жить больше не хочу.

Глава 31

Не могу сказать с уверенностью, был ли у меня бред, но я предпочла растолковать увиденное как видение.

Мне грезилось, будто я проваливаюсь куда-то, как в зыбучие пески – для трясины субстанция, в которую меня засасывало, как в воронку, были слишком сухой. При этом я не пыталась сопротивляться, будучи уверенной, что только так могу избавиться от боли или опасности – в полубессознательном состоянии я утратила память о реальности. Я воспринимала зыбучие пески как естественный барьер или портал, через который необходимо пройти.

В последний момент меня жёстко схватили за руку, то ли удерживая, то ли цепляясь за меня, как за спасательный канат.

Подняв глаза, я увидела Эвила, хотя в израненном и оборванном существе, с перепачканным лицом и окровавленными руками, не так-то легко было признать моего царственного прекрасного супруга.

– Помоги мне! – прошептал он разбитыми губами. – Не бросай меня...

Где-то в стороне дико взревел дракон. Я с силой рванулась навстречу мужу и... пришла в себя.

Вместо Эвила с разочарованием увидела склонившееся надо мной мрачное лицо Хатериман. Она казалось почерневшей от горя, но это словно сделало её ещё менее человеческой, чем прежде.

– Пришла в себя? Ты в порядке?

– Никто из нас не в порядке, – ответила я, приподнимаясь, чтобы сесть.

Никто не пытался мне воспрепятствовать, кроме сильнее накатившей дурноты.

Я по-прежнему находилась в палатке. Судя по всему, совсем стемнело. Сквозь ткань просачивался свет от разведённых костров.

– Вы верите, что это он? – обратилась я к свекрови.

Она молча смотрела на меня. И я не понимала, что означает этот неподвижный, замораживающий (или вымораживающий душу) взгляд.

– Вы хоть каким-то способом проверили?.. Существует магический ритуал, что помог бы убедиться, что это тело Эвила?

– Ты думаешь, Эппалы сожгли кого-то другого, чтобы оставить тело дымиться на пепелище?

Я не заметила Атайрона, но он сидел у входа, вытянув перед собой длинные ноги. Голос его звучал совершенно без эмоционально, но происходило это, скорее всего, не от бесчувственности, а от усталости.

– Я думаю о том, что так могла бы выглядеть даже деревяшка.

– Нельзя позволять ложным надеждам...

– Она права, – оборвала сына Хатериман. – В этом есть свой резон. Проклятый Эппал желал отомстить за свою дочь и быстрая смерть, пусть даже в огне, не могла его удовлетворить, – королева-мать на миг замолчала.

И пусть этого было мало, пусть мать Эвила, как и я, всего лишь хотела надеяться, мне достаточно было и такой малости, чтобы воспарить духом из той бездны отчаяния, куда я уже, было, погрузилась, как в пески из моих кошмарных видений.

– Он был бы рад заставить моего мальчика мучиться. Даже угрозы сравнять всё вокруг с землёй, предав города и сёла драконьему пламени, не могли бы образумить его жестокую душу.

Кто бы тут говорил о жестокости и милосердии? Ну, да не об этом речь.

– Мы можем понять наверняка, принадлежат ли останки Эвилу? – спросила я.

Мать и сын обменялись взглядами. Атайрон медленно, задумчиво кивнул. Мне-то представлялся магический ДНК-тест, но меня быстро вернули на землю.

– Я могу призвать душу, обитавшую в этом теле и спросить у неё земное имя. Но мне потребуется время и жертва.

– Жертва? – ужаснулась я. – Разве других вариантов нет?

– Ещё не прошло трёх дней, – прищурившись, размышляла вслух Хатериман. – Душа не могла отлететь далеко. Она ещё здесь, значит, можно оплатить призыв одной кровью, а не жизнью. Но стоит поторопиться.

– Ты не хуже меня знаешь, как опасно проявить спешность или неточность в некротических ритуалах.

– Да. Но цель оправдывает средства, сын. Если Эвил жив, мы должны об этом знать.

– Ты была там. Что ты видела? Какую информацию удалось считать?

– Я видела, как Злой Рок низвергнулся с небес на землю, объятую пламенем. Последнего было так много, что разобрать что-либо кроме отпечатков энергетический полей огня было очень сложно.

– То есть, ты практически ничего не смогла узнать?

– Это тело было единственным. Оно может быть Эвилом, потому что наши враги не пожелали позаботиться об останках, отчасти из презрения, отчасти потому, что знали – рано или поздно мы придём за ним. Но нельзя исключить вариант, что это может быть кто угодно. Этот мерзавец Эппал мог подсунуть первого встречного, в надежде выиграть время и подготовиться к следующей атаке. Или успеть всласть насладиться мучениями своего врага.

Атайрон передёрнулся при мыслях об участии Эвила. Мне снова стало страшно. И всё же, если бы я могла выбирать, я бы выбрала последний вариант. Каким бы мучениям не предавали человека, пока он дышит, есть шанс всё исправить к лучшему.

Мы вытащим тебя из любого ада на земле, только дыши, любовь моя! Если есть кто-то там, наверху, добрый, мудрый и сильный, пусть он хранит тебя, пусть спасёт. Я готова платить любую праведную цену, пройти через любой риск – рискнуть жизнью, здоровьем, отдать годы жизни, лишь бы снова увидеть тебя, обнять тебя.

– Хорошо, я сделаю, как ты просишь. Проведу Ритуал Призыва.

– Ты справишься? Ты слишком устал и вымотан.

– У меня есть выбор?

– Я проведу подготовку, а ты постарайся поспать хотя бы пару часов.

– Вряд ли получится заснуть.

– Ты должен.

И в который раз я восхитилась и одновременно удивилась тому, сколько силы и противоречивых качеств может заключаться в одном человеке? Хатериман была беспощадна к одним, расчётлива и холодна, и в то же время способна на самопожертвование.

Какой бы она не была, она была сильной. Хотя в силе ли тут дело? Ведь её, как и меня, поддерживала надежда на то, что Эвилу ещё можно помочь. А Атайрон тоже её ребёнок. Не сумеет он удержать силу

во время проведения магического обряда, всё может выйти из-под контроля.

Хорошо ещё, что я не знаю – что именно может пойти не так. Правду говорят – меньше знаешь, крепче спишь.

– Если Ритуал подтвердит, что Эвил действительно мёртв, ты обещаешь не сопротивляться и оставаться с нами? – обратилась она ко мне, укладывая в свёрток блестящие металлические инструменты, отдалённо напоминающие хирургические. – До конца?

– Нет, – не стала лгать я.

Она на мгновение замерла, с удивлением на меня взглянув.

– Если так, разумнее было бы солгать.

– Разумнее, – согласилась я. – Но я не хочу этого делать. Я с вами до конца, пока есть надежда. После – каждый сам по себе.

– Мы вернёмся к этому разговору позже. Если всё пойдёт плохо.

Забросив к инструментам ещё и свечи, Хатериман ловко оплела получившийся свёрток кожаным шнурком.

– А если Эвил жив. Если он всё ещё находится в плену у Эппалов, что мы будем делать? Если нападём на драконах, он может пострадать...

– Да, хороший вопрос: что мы будем делать? Плана нет. Может быть, займёшься его составлением? Тебе ведь всё равно нечем заняться?

Пружинистым уверенным шагом Хатериман вышла из палатки в глухую ночь.

Поразительная всё-таки женщина.

Пока Атайрон и его мать занимались каждый свои делом, я подседа ближе к огню и, глядя на его пляшущие языки, следуя совету Хатериман, постаралась мысленно представить возможные варианты событий при благоприятном стечении обстоятельств.

Если Эвил жив, драконов мы использовать не сможем – это факт. Стоит лорду Эппалу понять, что враждующая сторона в курсе и раскрыла его обман, он тут же сделает последнее реальностью. Действовать нужно очень осторожно и быстро.

В своей прежней жизни мне всегда казалось, что стратегические планы – это не моё, это удел очень умных людей, умеющих просчитывать каждый шаг на десять минут вперёд.

Как часто, наблюдая за действиями людей, вызывающих наше восхищение, мы в глубине души убеждены, что не сможем даже приблизиться к их подвигам. Но когда реальность ставит нас в безвыходное, казалось бы, положение, мы понимаем, что людьми чаще всего движет не жажда славы и подвигов, а банальная необходимость и жёсткий выбор между совершением поступка или возможной гибелью. Да, в действительности, как я теперь понимала, нет никаких многомудрых советов и учёных советников, способных направить в нужную сторону, ты вынужден действовать здесь и сейчас, незамедлительно и быстро, а остальные, как стадо овец, просто стоят и ждут твоего приказа, не делая ничего, но не дай бог твой шаг не принесёт ожидаемого результата – тебя распнут осуждениями и критикой.

Цена неправильного решения разная. Самая высокая, когда речь идёт о человеческой жизни. По крайней мере, для меня.

В этом случае на кону могла стоять жизнь Эвила, а это почти всё равно то же самое, как если бы речь шла о моём существовании.

Что же предпринять, если Эвил ещё жив? Использовать драконов – нельзя, магию – тоже. Остаются простые человеческие действия. Что можно сделать? Что?..

Упавшая рядом чёрная тень заставила меня вздрогнуть.

– Атайрон?.. Тебе удалось вздремнуть хоть немного?

– Не уверен, что это пошло мне на пользу. В нашем случае лучше вовсе не спать.

Не удивлюсь, если его, как и меня, мучали кошмары.

– Мне можно пойти с вами?

Скользнув по мне взглядом, Атайрон не ответил, предоставляя мне возможность действовать по собственному желанию или понимая, что я всё равно не послушаюсь.

Эта картина будет стоять у меня перед глазами вечно: тело в белом саване в центре огненной пентаграммы, огромные крылатые чудовища, чьи глаза отливали зелени в отблесках пламени, острые вершины гор, окружающих со всех сторон, белый снег на чёрной земле, редкие белые снежинки, летящие в сухом морозном воздухе, и небо, будто расколотое пополам. С одной его половины ярко светили звёзды, другую покрывали сизые клубящиеся тучи.

Небо было словно иллюстрацией моих чувств на тот момент: надежда и безнадежность.

Атайрон встал напротив Хатериман и они оба подняли руки вверх, будто призывая неведомое божество.

Стал подниматься ветер. Он налетал жестокими порывами и тучи над нашими головами всколыхнулись, будто тяжелые гардины. Заклубились, как взбаламученные упавшим в волны камнем, воды, выпуская из своих неведомых глубин чудовищ, представить которые человеческий разум бессилён.

Мы все надеемся на то, что с последним выдохом не прекратим своего существования. Страшно представить, что люди, которых мы знали и любили, перестали существовать *совсем*, навсегда и без возврата. Что когда придёт наш черёд, мы тоже канем в никуда.

Хотя – мне ли сомневаться. Ведь вполне возможно, что я уже раз умираю, но ведь живу? Если бы где-то кто-то, на земле, призвал мой дух – сомневаюсь, что смогла бы явиться. Так сможет ли тот, кого вызываем мы.

Драконы взволнованно хлопали крыльями, видимо, испытывая желание улететь отсюда. Ветер достиг ураганных порывов. Было такое чувство, что даже земля под ногами вибрировала.

Я раньше никогда не переживала землетрясения, но возможно это ощущения, будто «волна» идёт по суше, прямо под тобой, землетрясения и есть?

В какой-то момент всё стихло, будто нас накрыли плотным одеялом. Полный штиль и словно даже потеплело на добрый десяток градусов, как в сказке «Двенадцать месяцев» – в мгновение май наступил посреди декабря.

Вокруг горящих костров закружились светящиеся сферы. С виду они очень напоминали шаровые молнии. И так же плавно и невесомо плыли по воздуху. «Шарики» были разного цвета: жёлтые, почти белые, как платина, оранжевые, сине-фиолетовые, красно-чёрные. Их правда было много – несколько десятков.

Один из шариков, сине-чёрный, отделился от своих, танцующих вокруг пламени, собратьев и поплыл к обгоревшим останкам. Горящие линии пентаграммы не стали для него препятствием, он легко прошёл сквозь горящий огонь, на пару секунд замер над белым саваном.

Между шариком и останками протянулась тонкая светящаяся ниточка и его словно втянуло внутрь.

– Давай быстрее, – прошипел Атайрон, обращаясь к матери. – Вряд ли находиться внутри «этого» приятно и безболезненно. Нужно будет отпустить сущность до того, как она полностью осознает свою связь с телом.

Неприятный, леденящий, потусторонний звук прервал его слова. Это был вдох, громкий, хрипящий, сиплый – так земные твари не дышат.

У меня возникло ощущение, что я попала на съёмки фильма-ужасов.

Мертвец в саванне медленно сел. Глаза его светились тем самым светом, каким мерцал и «шарик», словно в черепашке включили два фонарика. Не было ни радужки, ни зрачков – одно это потустороннее свечение-сияние.

Уши почти раздирало свистящим дыханием, выходящим из сгоревшей мёртвой глотки.

Ещё до того, как прозвучал вопрос и был дан ответ, я твёрдо знала ответ. Всем сердцем его почувствовала.

– Назови своё имя, – потребовал Атайрон.

Но мертвец лишь свистел, с видимым усилием пропихивая воздух в обожжённые лёгкие.

– Имя! – возвысил голос Чернокнижник.

– Наиза Риан, – низким, утробным голосом прорычало призванное нами существо.

– Кем ты была в замке Эппалов?

– Магом из Белого Спектра.

Я услышала, как выругалась Хатериман, а потом почти истерично вскрикнула:

– Отпускай её, Атайрон! Отпускай, пока она не поняла, что происходит!

– Принц Эвил Санистор жив? Отвечай мне! Немедленно!

Наиза Риан рывком, как если бы к макушке её был прикреплен рычаг и за него дёрнули, встала ровно, как деревянный солдатик и, обнажив зубы, зарычала, как зверь.

– Атайрон!..

– Дай мне ответ! – заорал Атайрон на призванного им духа.

Снова стал подниматься ветер, он был не таким, как в прошлый раз – горячим, удушливым, пахнущим серой.

– Говори!

– Порочный Принц жив! Но ты умрёшь! – заверещав, тело в саване, разбрасывая синие отблески вокруг, как если бы кто-то светил фонариком, прыгнула в нашу сторону.

Прыгнула с резвостью, недоступной живым. И охранные линии из огня не стали для неё препятствием.

«Сожги её!», – только и успела подумать я, изо всех сил ударяя твари в грудь чёрной плазмой, успевшей сорваться с моих рук.

Прежде, чем Наиза поднялась на ноги, Молния извергла мощную струю пламени, в которой растворилось все: пентаграмма, камни, тело. Мощный драконий рёв Пламени угрожающе разнёсся по округе.

И в тот же момент мир стал прежним. Вернулся ветер, воздух, звуки, краски – «одеяла» больше не было.

Хатериман бросилась к сыну. Я только тут заметила, что Атайрон ранен. Он старался рукой зажать рану на плече, по пальцам струилась кровь.

– Ты в порядке?

– Буду в порядке, – отмахнулся он.

– Ты уверен? Раны мертвецов бывают опасны.

– Меня лишь слегка задело волной. Ты умница, – кивнул он мне. –

Вовремя призвала Молнию.

– Не думала раньше, что скажу это, но как же хорошо, что в мире существуют драконы!

Глава 32

– Что будем делать дальше? У нас есть план?

– Нет, – буркнул Атайрон. – Да и откуда бы ему взяться? Не прошло и часа, как отменились похороны.

– Нам нужен план, – упрямо сжала я губы. – У нас мало времени.

– Чем меньше времени, тем лучше нужно всё обдумать, – вмешалась Хатериман в наш разговор. – Мы не имеем право торопиться. Так проще совершить ошибку.

– Однако и медлить тоже не стоит, – подбросил хворост в прогорающий костёр Атайрон.

– Раз мы не можем наступить в открытую из страха, что Эппалы убьют Эвила, нам следует действовать не силой, а хитростью, – да, я сегодня Капитан Очевидность.

– У тебя есть предложение? – изящно приподнял бровь шурин.

Всегда хотела так научиться. Нужно будет порепетировать перед зеркалом, когда заняться будет нечем.

– Не то, чтобы предложение, но идея есть. Нужно пробраться в замок к неприятелю и попытаться найти Эвила. Когда (и если) это получится, построим портал, вытащим его в безопасное место, ну, а дальше – дальше уже дело техники. Я, правда, предпочла бы решить дело меньшей кровью, но тут меня уже мало кто спросит...

– Каким образом ты планируешь попасть в замок? Кого туда можно послать с гарантией, что в решающий момент нас не предадут?

– На самом деле – никого, кроме нас троих. Но любому из вас идти к Эппалам верная смерть, а значит не остаётся никого, кроме меня.

– Чем это лучше?

Хатериман, прислушивающаяся к моим словам с совершенно бесстрастным лицом, вдруг шевельнулась:

– На самом деле в этом есть смысл.

– Какой, матушка? – с лёгким сарказмом протянул Атайрон. – Что рисковать будем не мы с вами? Ну, если рассматривать дело под таким углом, то смысл есть.

– Ваша мать послала меня на верную смерть и, если бы не верность Молнии, я бы с вами не разговаривала.

– Что?! – свёл брови Атайрон, гневно глянув на мать. – Зачем? И ещё, это конечно, возмутительно, но какое отношение это имеет к плану, что мы пытаемся выработать?

– Самое прямое и непосредственное. У меня есть свидетели. Я была в ярости, когда отправилась, чтобы отыскать вас. Мне есть за что вас ненавидеть. Я нагрюну в земли Розовых Песков не как ваш союзник, а приду туда, как ваш враг, пытающийся найти соратников в новой войне.

– Думаешь, Эппалы на это купятся?

– Думаю, да. В намечающемся противостоянии каждый будет искать поддержки. И у меня есть что предложить им.

– Только не говори, что надеешься взять с собой Молнию! – Хатериман резко встала, гневно глядя на меня.

– Конечно, надеюсь, – невозмутимо откликнулась я. – Я приду к Розовому Замку во главе отряда лорда Дархмамира, готового свидетельствовать о серьёзности моих намерениях. Думаю, он сделает это вполне искренне, ведь у него всё основания верить в мою к вам ненависть. Как и Эденсун, меня отдали замуж за вашего сына против воли, как и её, принуждали к Ритуала Драконьих Всадников, как его дочь, меня использовали, а потом пытались умертвить.

– Никто не умерщвлял Эденсун, – возразил Атайрон.

– Вопрос спорный, – прервала я его. – Да и речь не о том. Наша цель – убедить Эппалов в том, что я на одной стороне. Ему захочется в это верить. Союз с Олиером, что я могу ему дать, дракон, который в бою стоит армии... уверена, он купится.

– Конечно, купится! – оскалилась в недоброй улыбке Хатериман. – Но я не позволю тебе взять с собой Молнию.

– Дракон вам дороже сына, маменька? – холодно глянул на мать Атайрон.

– Нет, конечно. Я готова хоть собственноручно умертвить обоих, лишь бы вы с твоим братом были в целости и сохранности, но Атайрон, дать этой девчонки в руки *такой* козырь?

– Вы мне не верите? – пожала плечами я.

– Нет, конечно! – засмеялась Хатериман. – Ты права, перечисляя все свои обиды. У тебя больше причин стать нам врагом, а не другом.

И такой козырь против себя, как Молния, я тебе не вручу, девчонка.

Я снова невозмутимо пожала плечами. Усталость придавала мне умиротворённость и такие мелочи, как дурное настроение моей любимой свекровушки, не могло это изменить:

– Как будто у вас есть выбор? На самом деле, пожелай я того прямо сейчас, Молния выступит против вас. За меня.

Атайрон устало покачал головой:

– Это не факт. Но даже если бы это было так, Пламя старше, крупнее и много сильнее молоденькой драконихи.

– Только он самец. А она – последняя в мире самка. Вы уверены, что он послушается вас, а не голоса инстинкта? Впрочем, я не вижу смысла тратить время на эти обсуждения. Пока Эвил жив, я не предаю ваших интересов. Мы на одной стороне.

Атайрон внимательно на меня уставился. Взгляд у него был тяжёлый:

– Пока Эвил жив?

– Да.

– А если он умрёт? Что тогда? Мне следует опасаться тебя, Анжелика?

– Только в том случае, если надеешься принуждать меня к тому, чего делать я не желаю. В любом случае я знаю своё место и, даю вам слово, что если вы не нападёте первыми, я не заставлю Молнию сражаться против вас.

– Не верю, что мы всерьёз это обсуждаем! – всплеснула руками Хатериман. – Ответ тут может быть только один: ни за что! Я не пойду на это!

– Вы здесь не одни всё решаете, – холодно одёрнул её шурин.

– Девчонка настолько задурела тебе голову, что ты готов прислушаться к ней? – возмущённо вскинулась женщина.

– Она предлагает дельный план, который должен держаться на хорошей легенде. Если вы хотите его запороть – что ж? Отлично! Но тогда у вас должны быть новые предложения. Они у вас есть?

– Мы возьмём драконов и...

Хатериман замолчала, тяжело дыша. Грудь её высоко и бурно вздымалась, словно волна.

– И – что? Сравняем всё с землёй? И как это поможет спасти брата?

Хатериман не ответила, отвернувшись от нас.

– Мне предложением Анжелики тоже не нравится, но, тут есть хотя бы призрачный, но шанс.

– Эппалы погубили одного нашего дракона. Если погибнет и Молния – драконам конец!

– Вас это волнует больше участи Эвила? – раздражённо отбросил волосы с влажного лба Атайрон.

– Простите, что вмешиваюсь, но вам не кажется, что мы ходим по кругу и этот вопрос, (кто кого дороже, драконы – сына или сын – драконов), оговорили, как минимум, дважды? Я тоже не хочу потерять Молнию. Я люблю её. И не стану рисковать. Я даже не возьму её с собой в замок. Лорд Дархамир видел, как я летала на ней, как я её призываю – он подтвердит, что Молния слушается меня.

– А если Эппалы потребуют доказательств?

– Они их не получат. Я даже врать им не стану – драконы слишком ценны, а мы будем лишь в стадии переговоров.

– Допустим, у тебя получится пройти в замок. Что дальше?

– Постараюсь отыскать Эвила. Как только удастся, нужен будет способ связаться с одним из вас и вытащить нас оттуда. А после... после уже ваше дело. Для меня главное – спасти Эвила.

Атайрон выдержал паузу, задумчиво глядя в огонь:

– Что ж? План не без нареканий, но раз другого нет, примем за рабочую версию.

– Ты теперь тут всё решаешь? – холодно глянула на сына Хатериман.

– Нас здесь трое, если двое «за» против одного – выбор очевиден, не так ли, матушка? Кроме того, вы и сами понимаете, что выбора особого у нас нет.

Он легко поднялся на ноги и отошёл, оставив нас наедине.

– Надеюсь, ты довольна тем, что смогла настроить против меня обоих моих сыновей.

– При чём здесь я? Вы сами справляетесь, без всякой помощи, просто на «отлично».

В её взгляде читалась откровенная ненависть.

– Я надеюсь, ненависть ко мне не настолько сильна, чтобы рискнуть помешать нам?

– Конечно же, – усмехнулась эта странная женщина. – Пока всё не завершится, можешь не опасаться – я не стану играть против тебя.

– Надеюсь, у вас хватит мудрости не играть и после. Вы можете и проиграть.

– Я никогда не проигрываю, – словно мяч, бросила она мне в лицо перед тем, как нам разойтись в разные стороны.

Я никогда не умела врать. У каждого свои таланты, но ложь и лицедейство – откровенно не моё. Но чего не сделаешь ради любви – как сказал один герой в одном известном сериале.

Было ли мне страшно? Нет, не было. После всего, через что пришлось пройти в последние месяцы, кажется, не осталось ничего, что могло меня напугать. Было страшно осознавать, что я больше никогда не увижусь с Эвилем, а теперь, когда появилась надежда всё исправить, у меня было чувство, будто я горы сверну, лишь бы достигнуть цели.

– Как только отыщешь брата, открывай портал, – попытался наставлять меня Атайрон.

– Не уверена, что у меня получится.

– Времени у нас немного, но, полагаю, успею тебя обучить парочке простейших приёмов.

– Это вряд ли.

– Не стоит себя недооценивать. Ты постоянно это делаешь, но ведь в результате всё получается.

– Не думаешь, что если бы портал мог открыть новичок, вроде меня, Эвил был бы уже с нами? Может быть, тебе как маг он и уступает, но он определённо сильнее меня.

Атайрон помрачнел:

– Ты права. Я тоже думал об этом. Либо брат слишком серьёзно ранен, либо Эппалы чем-то блокируют его магию. А это значит, что слишком рискованно тебе соваться туда.

– Конечно, рискованно. Но других вариантов нет.

– Это повод идти на верное самоубийство?

– Шанс выжить есть.

– Как же всё это мне не нравится, – сжал челюсть он. – Ненавижу ситуации, которые не контролирую.

– Легко могу тебя понять. Сидеть и ждать и у моря погоды – что может быть неприятнее?

– Добровольно лезь в осиное гнездо.

– Ну, при правильной экипировке последнее не такое уж безнадёжное мероприятие.

– Ту, что у нас есть, это не план и не стратегия. Это... я даже не знаю, как это назвать. Позволить тебе действовать дальше...

– Будет логично, в отличие от твоего, внезапно, из неоткуда, взявшего беспокойства. Со дня нашей встречи вы с Хатериман пытались угробить меня без причины и выгоды. Глупо сейчас разыгрывать беспокоящегося родственника.

– Я не разыгрываю. Я действительно о тебе беспокоюсь.

– Как о возможном шансе потерять всё?

Атайрон смерил меня долгим взглядом:

– Я не думал о такой возможности, но – да. Если ты потерпишь неудачу, план «В» станет невозможным.

– Горько рыдаю по этому поводу, не знаю, как утешиться, – съязвила я.

– Не смешно, – флегматично пожал он плечами. – Но, на самом деле я пока не думал о том, что с тобой теряется последняя надежда восстановить власть Санисторов. В отсутствии брата последнее вообще теряет смысл. Я хочу спасти брата, но... если говорить на чистоту, я не уверен, что это вообще возможно. То, что мы призвали дух, не значит, что Эвил жив. Это всего лишь значит, что мать принесла сюда не то тело.

– Не говори так! – горячо возразила я. – Не лишай меня надежды.

– Я всего лишь пытаюсь быть честным! Хотелось бы избежать напрасного риска, но это невозможно. Если мы сделаем это, ты можешь погибнуть. Или предать нас в итоге. Если не сделаем – всю оставшуюся жизнь будем корить себя за бездействие.

– Не будем. Потому что я пойду, чтобы во всём убедиться наверняка.

– А если ты погибнешь?

– Люди смертны, Атайрон. Из жизни ещё никто не уходил живым. Если и стоит умирать за что-то не колеблясь, так это за что, ради чего готов жить. Для меня это твой брат. И пойти туда для меня вовсе не жертва и не подвиг. Я хочу этого.

– Я знаю. А ещё ты ослеплена эмоциями и потому уязвима. Я должен найти способ пойти с тобой.

Я с изумлением на него воззрилась:

– Тебе прекрасно известно, что такого способа нет!

– Придётся его найти, изобрести, придумать.

– Как, по-твоему, ты сможешь пройти в замок? Тебя же сразу узнают?

– Не узнают, – упрямо мотнул головой он. – Если подобрать правильную личину.

– Подобрать – что?.. Личину? – я нервно засмеялась. – Предлагаешь сменить костюмчик и натянуть маску?

– У хорошего мага есть в арсенале средства посильнее. Я могу сменить лик полностью. Обернуться... в твоего отца, например?

– С ума сошёл? – ужаснулась я.

– Нет, почему же?

– Мой отец – совсем не вариант. Даже я, даже на драконе, не смогла бы незаметно пробраться в королевский дворец и вернуться в такие короткие сроки. Дракон – не ракета, да и проверить отсутствие или присутствие такой заметной фигуры, как сюзерен...

– Дракон – не кто?... – перебил он, с явным удивлением.

– Это... не важно. Механизм, который существует в других мирах. Разрушительный, между прочим, но разговор сейчас не об этом.

– Ладно, ты права. Может быть стоит выбрать кого-то попроще. Я могу разыграть верного телохранителя. Или даже твою любимую горничную.

– Ты, должно быть, шутишь?

– Ну, конечно, шучу. Чем ещё можно заняться после такой ночи, что мы пережили? Вариант кажется вполне возможным...

– У Дархана Турхан, моя личная горничная, прислуживающая мне последние десять лет! Я в курсе, что она ждёт меня. Зачем мне брать с собой ещё одну?

– Ладно, значит, всё-таки – телохранитель.

– Значит, ты останешься здесь, ждать сигнала. И это не обсуждается, Атайрон! Там есть и другие маги, и хватит малейшего подозрения, чтобы свести весь план на нет.

– По-твоему, у меня не хватит сил отбиться? От примитивных вояк?!

– Их будем много.

– Тем лучше – больше мертвецов на нашей стороне!

– Да, конечно! Только пока мы будем сражаться в одном месте, кто помешает им расправиться с Эвилем. План таков. Я сначала должна его отыскать, а потом уже творите, что хотите!

– Да, ты говорила.

– И настаиваю.

– Хорошо. Что ты предлагаешь делать в это время мне?

– Тебе предстоит самое сложно. Ждать, Атайрон. И дай мне что-то, через что я смогу с вами связаться.

Он кивнул и молча снял с груди цепочку.

– Что это? Как оно работает?

– Для того, чтобы я почувствовал твой призыв и смог отследить, достаточно зажать его в руке, смочив несколькими каплями крови.

– Кровь? Ну, конечно. Куда же в тёмной магии без неё?

– Ты права. Без неё – никак. Если бросишь его перед собой и активизируешь...

– Я не умею ничего активизировать, – напомнила я об очевидном.

– примени магию, как умеешь – портал активизируется сам. Только шагайте в него немедленно, он быстро закроется. У вас будет не дольше минуты.

– Куда нас перебросит.

– Постараюсь сделать так, чтобы поближе к нам.

Мы обменялись взглядами, и я вдруг ощутила странный укол горечи. Меня, как волной, окатило печалью, и я с тревогой взглянула на брата моего мужа.

– Это ведь сложно – спонтанная активизация требует больших энергетических затрат, да ещё на расстоянии? Как это работает?

– Я не стану объяснять. Ты всё равно не поймёшь.

– Скажи только одно – это для тебя опасно?

– Не опаснее того, во что суёшься ты.

– Обещай не рисковать понапрасну? Я точно не стану. И ты будь осторожен.

– Какая тебе разница, стану я рисковать или нет? Для тебя ведь главное вытащить Эвила. Цена тебя не интересует?

По выражению его лица я попыталась понять, что стоит за этим вопросом? Отчего-то я почувствовала себя словно не в своей тарелке. До этого Атайрон никогда, ни словом, ни взглядом, ни делом не намекал, что я значу для него что-то большее, чем жена брата, причём

жена не слишком-то и желанная. Я всегда чувствовала себя так, будто он жирной линией подчёркивал – мы с Эвилем не пара, я брата Атайрона не стою.

– Я этого не говорила, Атайрон. Цена важна.

– Моя жизнь вряд ли стоит дороже твоей. Не беспокойся, Анжелика, я не стану рисковать без нужды. Я же не романтический мальчишка, играющий в героя, – скупое улыбнулся он.

Я кивнула, соглашаясь и принимая артефакт из его рук:

– Спасибо.

– Анжелика?

Я уже собиралась идти, но его голос заставил меня обернуться:

– Что, Атайрон?

– Я знаю, мой вопрос прозвучит странно, он не ко времени, ни к месту, и всё же? Скажи, если бы случилось так, что Эвил не был бы твоим мужем... у меня был бы шанс понравиться тебе? У нас вообще мог бы быть шанс?

В первый момент я растерялась, молча глядя на брата Эвила. Не то, что для меня было полной неожиданностью наличие его интереса в мою сторону. Я бы солгала самой себе, сказав, что не видела случайных взглядов, бросаемых Атайроном в мою сторону. Особенно в последнее время, но...

– Эвил мой муж, Атайрон. Ты его брат. И других вариантов в этом уравнении нет. Каждая цифра на своём месте.

– Я знаю. И всё же, думаю, что между нами есть то, что у тебя с Эвилем отсутствует.

Я изобразила вопросительный взгляд.

– Понимание. Рядом со мной тебе не приходится разыгрывать из себя заоблачную принцессу. Рядом со мной ты живая женщина. Просто – женщина.

– Нет, не просто – я женщина твоего брата. Я люблю его. И я его жена. Мы спасём Эвила, всё встанет на свои места.

– Ты права. Мне не стоило говорить об этом, – улыбнулся он. – Извини. Бессонная ночь, волнения и всё такое... Забудь.

– Не извиняйся. Ничего страшного.

Мы оба кивнули друг другу, обменявшись улыбками вместо слов на прощание.

Я пошла к Молнии. На сердце была непонятная тяжесть, словно дурное предчувствие.

Помоги нам, Господи. Помоги выбраться живыми. Сохрани нас от того, чтобы запятнать свои совести убийствами больше, чем это необходимо для спасения собственных жизней.

Храни Эвила и Атайрона.

Ведь в сказках всегда всё заканчивается хорошо?

Глава 33

Утро выдалось пасмурным и хмурым, словно наше настроение каким-то волшебным образом повлияло на погоду. И если внизу, на земле, было обыкновенно-пасмурно, то наверху, куда подняла меня Молния, сгустился плотный туман.

Если бы Молния была самолётом, мы бы уже куда-нибудь с нею врезались, потому что я не ориентировалась совершенно не только по сторонам света, но даже вверх и низ угадывала весьма интуитивно.

Кругом лишь туман, туман и туман. Ничего, кроме тумана. Туман гасил звуки, проникал в сердце, делал его странно бесчувственным, словно наполняя это жизнеобеспечивающий орган собой, вытеснял оттуда дорогие образы, стирая память о лицах.

Мне кажется, что, если призраки на самом деле существуют, они блуждают вот в таком тумане, пока сами не обернутся им же. Неуспокоенные души превращаются в клочья тумана.

Хорошо, что у меня есть Молния. На неё вся эта фигня с серой меланхолией не действуют. Она уверено бьёт крыльями по воздуху, ориентируясь каким-то своим особенным способом. Может быть так же, как птица, по магнитным полям, невидимым и не улавливаемым человеческими органами чувств? Или вперёд её ведёт магия её вида.

Управлять драконом проще, чем самолётом. Тебе достаточно лишь подумать о месте прибытия – остальное волшебный ящер сделает сам.

Тяжело и опасно пытаться стать Драконьим Всадником, но уж если ты преуспел, у тебя всегда будет друг и защитник, твой талисман-фамильяр, преданный тебе до того, как кто-то другой не сумеет приручить его. Как это было в моём случае с Хатериман.

Молния сложила крылья, и мы стали стремительно опускаться вниз. У меня сильно зашумело в ушах из-за перепада давления и я, боясь свалиться, судорожно схватилась за один из шипов, выступающих из костяных наростов.

Земля приближалась. Несколько коротких минут и вот уже вместо разрозненных лоскутов, похожих на разноцветные коврики, выступила пустошь, покрытая лилово-сиреневым вереском; крестьянские дома-избы.

Небольшое стадо овец испуганно шарахнуло в сторону, когда над ними пролетела тень Молнии, чёрная и угрожающая на фоне мирных пейзажей.

Я ожидала, что Молния отнесёт меня к тому месту, где мы распрощались с Дархомиром, но драконица невозмутимо миновала деревню и мы оказались на широком тракте, по которому маршировал отряд лорда Северных Долин Оруэла.

Молния издала гортанный крик, угрожающий, от которого раньше у меня кровь стыла в жилах.

Я видела, что всадники с трудом удерживают обезумевших от ужаса лошадей. Кстати, откуда они их взяли? Я же строго на строго приказала Дархомиру не мародёрствовать, а ведь когда мы выбрались из лодок, лошадей не было ни у кого. Сомневаюсь, что крестьяне Розовых Песков радостно расстались со своими коняшками. Да и на тягловых кони не тянули.

Молния опустила впереди отряда, и, хлестанув мощными крыльями, каждое из которых было не меньше десяти метров в размахе, вытянула шею, обнажила зубы издавая очередной крик, заставляющий землю содрогаться, а всё вокруг мертветь от парализующего ужаса.

Этим она ясно и недвусмысленно давала понять, что сделает со всяким, кто осмелится ослушаться, не говоря уже о том, что покуситься на жизнь своей хозяйки.

Непередаваемое чувство, обманчивое и опасное, когда ты осознаёшь собственную мощь и безнаказанность делать всё, что угодно. Повезло лорду Дархомиру и многим другим, что существо я мирное даже в депрессии.

Северьян выступил вперёд, гарцуя на сером, в яблоках, коне, с роскошной гривой. Он спешил сразу же, как только на землю сошла и я.

– Ваше величество, – начал он.

– Высочество, – перебила я его.

Лорд бросил на меня вопросительный взгляд, челюсть его сжалась, выдавая, что он не согласен с моим утверждением.

– Ваш батюшка, дай бог ему долгих лет, в полном здравии, принцесса.

– А мой муж-король, стараниями моих врагов – мёртв. А значит, я теперь полновластная королева Десятицарствия.

Лорду Северных Пределов Оруэла мои амбиции явно не пришлись по вкусу. Но то ли потому, что он не хотел со мной спорить из верноподданнических (или иных) чувств, то ли потому, что за спиной моей маячил свирепый и сильный дракон, перечить он не стал.

– Я счастлив видеть вас живой, Анжелика. И не важно, именуете вы себя при этом принцессой или королевой.

– Очень мило, – с недоброй улыбкой кивнула я. – Могу я поинтересоваться, куда направляется ваш отряд, милорд?

– Конечно, ваше высочество, – с подчёркнутой вежливостью ответили мне, и за этой вежливостью читалось нечто вроде горькой насмешки. – После того, как вчера утром вы покинули нас и не давали знать о себе целые сутки, я, ваш верный слуга, начал беспокоиться о вашем благополучии. Как известно, при неблагоприятно складывающихся обстоятельствах, чем раньше начинаешь действовать, тем больше шансов на успех.

– Не могли бы вы выразаться яснее? С какой целью вы оказались на этой дороге? В трёх словах, если можно?

– С целью отыскать Ваше Величество, простите – Высочество. Я беспокоился о вас и пытался напасть на ваш след.

– Когда драконы летят, они не оставляют следов.

– Ну что вы, Анжелика? – с мягким ехидством возразили мне. – Оставляют, конечно же. И довольно запоминающиеся. Их ни с чем не спутаешь.

Мне немного покорило от такой фамильярности, но вспомнив, что моя предшественница собиралась за этого человека замуж и, возможно, подпускала к себе своего поклонника довольно близко... он ещё держится в рамках приличия, на моё счастье.

– Могу я, в свой черёд, полюбопытствовать, где вы пропадали целые сутки, ваша милость?

– Это будет дерзостью с вашей стороны.

– И всё же я рискну, – воинственно вздёрнул он подбородок.

– Я пыталась понять, что происходит и почему драконы нападают на мирное население.

– Очевидно, потому, что таковы приказы и желания их Всадников? – сарказма в голосе светлого лорда только прибывало.

– Но желания истреблять чужие мирные народы ни у одного здравомыслящего правителя просто так не появляется!

– Вот именно – у здравомыслящего. Но Санисторов потому и скинули с трона, что здравомыслящими, рискну напомнить, они никогда не были. Они истребляли знать целыми кланами, едва лишь усматривали для себя в чём-то угрозу, не боясь прибегать к самой чёрной магии, от которых у знати, не обладающей магическими секретами, не было защиты.

Я ощутила не просто укол раздражения, а прилив самой настоящей злости. Лорд Дархомир не считал жизни простых крестьян от слова «вообще». Считалась только знать и та челядь, что прислуживала близко. Последние, конечно, не то, чтобы представляли собой большую ценность, но хотя бы взгляда стоили.

– Мне удалось кое-что узнать. Кажется, мой муж мёртв.

Лорд Дархомир от такой неожиданной новости замер с полуоткрытым ртом, поскольку собирался в этот момент что-то сказать:

– Мёртв, выше величество? Как это может быть? Эвил Санистор отличнейший воин и сильный маг, к тому же с ним был его жуткий дракон.

– Драконы – мощные союзники.

– Порождение ада, – с ненавистью прошипел лорд Северьян.

– Да, но даже порождения ада зачастую оказываются бессильной перед серой человеческой подлостью, – с грустью возразила я. – Она, как туман, окутывает всё и вся, изъедает коррозией любой металл, нет против неё оружия.

– Эванеску Эппалу удалось найти способ повергнуть Санистора?

От радости и восхищения, прозвучавших в голосе Дархомира, я его возненавидела.

– И эта информация точная?

– Нет. Именно поэтому я хочу, чтобы мы отправились в замок Эппалов. И получили информацию из первых рук.

– И это значит, ваша милость, что вы хотите продолжить путь?

– Именно, – я доверительно взяла лорда Северьяна Дархомира за руку, и потянула его за собой, будто желая немного пройтись по дороге. – Скажите, я могу вам доверять?

Мужчина сжал губы, словно мои слова его оскорбили (возможно, так оно и было):

– Решать только вам, ваша милость.

– Я хочу быть уверенной в том, что я свободна. По-настоящему – свободна, – лгала я, пытаюсь убедить предмет бывшего воздыхания моей предшественницы в моей текущей мотивации. – Ты знаешь, как я была против этого брака и скинуть с себя эти, навязанные судьбой, путы – вот это был бы настоящий подарок! Я могла бы вернуться к отцу, могла бы начать всё сначала – претендовать на трон Оруэла или даже на трон Десятицарствия, как наследница Санисторов.

– Только в том случае, если успела понести от своего царственного супруга.

– Да, но это сейчас не так важно – важно, что я была бы свободна! Знать, что завтра Эвил или его жуткий брат не нагрянут вновь в отцовский дворец с новыми претензиями и страшной мезьтью! Отсюда до Замка Розовых Песков полдня пути. Мы легко сможем туда добраться.

– Вне всякого сомнения, ваше величество, это будет совсем не сложно.

– Но появляться там под своим именем я не хочу. Это может быть опасным и неразумным.

– Согласен с вашим величеством. Я мог бы под белым флагом парламентаря от Оруэла навестить лорда Эппала и всё узнать из первых рук.

– Это будет чудесно. Но я хотела бы поехать с вами.

– Не понимаю, – вновь свёл он брови на переносице. – Вы только что сказали, что это неразумно.

– Ехать туда как принцессе – да! Но под другим именем?..

– Вы хотите появиться в замке инкогнито?

– Да. Под чужим именем и легендой. Так будет лучше всего.

Породистые и выразительные брови лорда Дархомира манерно приподнялись:

– Если я представлю вас баронам как мою фаворитку, это не оскорбит ваше величество?

Судя по тону, оскорбить меня лорд Дархомир был не прочь. Ну, и ладно! Лишь бы оставался на моей стороне.

– Нет, ведь вы сделаете это не из желания лишить дочь вашего короля доброго имени? Напротив, вы беспокоитесь обо мне, так что о каком оскорблении может идти речь?

Мы улыбнулись друг другу натянутыми улыбками. Не думаю, что, хотя бы один из нас верил в искренность другого, но каждый предпочёл играть свою роль, искренно надеясь, что в итоге достигнет своей цели.

Я не хотела отпускать Молнию, одно её присутствие придавало мне сил и успокаивало, но выбора не было.

Двигаться верхом на лошади было немногим легче, чем лететь на драконе. Основная разница заключалась в том, что все тянулось гораздо – гораздо медленнее.

Удивительное дело – человеческая психика. За месяцы, прожитые мной в новом мире, я успела начисто отвыкнуть от старого мира, с его технологиями и лёгкой коммуникацией. Я помнила всё, но как помнишь сон поутру – многое уже забылось.

А эти странные каменные тропы, долины, покрытые травами и цветами, горы на горизонте и безлюдье, невозможное в 21 веке – всё это стало восприниматься как норма. И многие вопросы по гигиене и быту, издавна нашего времени казавшиеся такими загадочными – всё было проще и естественнее. Люди всё так же ели, спали, купались, ходили на работу и в кабаки, влюблялись и ссорились, делились на хороших и плохих, жили и умирали. А все временные и исторические различия всего лишь декорация к одной и той же пьесе, под названием «Жизнь человека с его страстями».

После полудня облака разошлись и воздух сделался свежим и лёгким. Мы двигались вперёд, делая лишь небольшие остановки. Средневековье – есть средневековье и хотя дорога считалась проезжей, на ней случались такие места, где копыта наших коней утопали по самые баки и вскоре мышцы снова заныли.

Ближе к вечеру тучи вновь наплыли со всех сторон. Заморосил дождь, холодный и колючий, грозящий перейти в снег. Ближайшие поля и рощи затянуло белой пеленой. Всё вокруг было унылым, серым и сырым, с долин, покрытых диким вереском, тянуло ледяным ветром.

Наши путники зябко кутались в плащи.

Если днём люди переговаривались, то сейчас, в полумраке было слышно лишь фырканье коней да зловещий звон доспехов. Даже конского топота было не услышать – земля раскисла.

Непогода заставляла думать о весело потрескивающих дровишках, тёплом комельке, подогретом вине. Но вокруг не было

ничего, кроме пустынных полей и лугов. Даже скота не видно. Кое-где попадались тёмные хижины, над которыми вился дымок. Ещё реже встречались редкие прохожие: подмастерье с котомкой за плечами, крестьянин, верхом на лошадке с раздутым брюхом и короткими ногами.

Хуже всего и неприятнее встречать нищих. Они были чёрные, тощие, промокшие до нитки, а глаза, обведённые тенями, горели так, словно перед тобой был сам злой дух во плоти.

Если когда-нибудь обрету настоящую власть, нужно будет не забыть об этом – длинной серой дороге с людьми-тенями, что словно заблудшие души пытаются выбраться из тумана.

– Боже всемогущий! Спаси и сохрани! – послышался возглас одного из спутников.

Я посмотрела в ту же сторону, куда направили взгляды большинство и очень пожалела об этом. Чуть в стороне от дороги, в серых сумерках что-то шевелилось.

Лорд Дархомир пронзительно свистнул, и я увидела, что это шевеление представляет собой стаю воронья, сгрудившейся над добычей. Свист заставил их взлететь, и мы увидели несколько тел с пустыми глазницами и выклеванным лицом.

Ужас! Не желая смотреть дальше, я отвернулась.

Говорят, после смерти душа какое-то время находится в раю, а потом попадает в ад. Я умерла, сначала жила во Дворце Ночи, а вот теперь блуждаю по этой дороге, где кони под нами разбрызгивают мутные лужи, а из мглы навстречу то и дело выплывают, как призраки, то сухая ива при дороге, то виселица. И тишина такая запредельная, что даже упади капля воды – кажется, услышишь.

– Долго нам ещё добираться? – поравнявшись с лордом Северьяном, встревоженным шёпотом спросила я.

– Потерпите совсем немного, принцесса. Скоро будем на месте.

Я так устала, что уже не думала ни об Эвиле, ни об опасности – только о возможности укрыться от непогоды, попасть в тепло и слезть, наконец, с этой лошади.

В голове крутились и крутились стихи Цветаевой:

«Когда обидой опилась

Душа разгневанная

Когда семижды зареклась

Сражаться с демонами

*Не с теми, ливнями огней
В бездну нисхлѣстнутыми
С земными низостями дней,
С людскими костностями»...*

Странное дело, я не помнила строчек до, забыла после, а эти, словно заезжанная пластинка, крутились и крутились в голове раз за разом.

*«С земными низостями дней,
С людскими костностями».*

Это будет пострашнее драконов – голод, холод и нескончаемое болото человеческой души, где из малодушия, лени и похоти произрастает всё многообразие наших пороков.

– Держитесь, ваше величество! – подбадривал меня Северьян. – Мы уже на землях Эппалов.

Но вокруг по-прежнему не было ни огонька, лишь дождь всё усиливался, да поднимался ветер, достигая ураганной силы. Дорога петляла между холмов и создавалось впечатление, что мы двигаемся наугад.

Лошади брели, поминутно оскальзываясь, испуганно шарахаясь при особенно резком ураганном порыве. Лошади – не дракона, сами дорогу не найдут. Ими нужно править. Они, как и мы, простые смертные. Думаю, кое в чём мои мысли роднили меня с лошадьми – всё, о чём получалось думать, так это как не свалиться с седла от усталости, оказаться под крышей, обогреться и перекусить. Ничего высокого всё обыденно.

Плащ, так долго предохраняющий меня от дождя, успел вымокнуть до нитки и больше не защищал ни от холода, ни от дождя. Ледяные струи стекали прямо за шиворот. Я так озябла, что не чувствовала собственных ног в стремях.

И всё же, когда взгляд различили на фоне чернеющего неба ещё более тёмные очертания зубчатых стен, облегчения испытать не

получилось. В этот замок, так обманчиво поименованный «Розовым» мало было выйти – нужно суметь из него выйти.

И вытащить Эвила. И людей, что сейчас следуют за ней и своим лордом.

Под сумрачной тенью подводного моста притаился ров, преградивший нам дорогу. Безлюдные башни и кровли сливались в бесформенную громаду, но кое-где в окнах мерцал свет, выдавая присутствие людей.

Лорд Дархомир велел протрубить в рог. В ответ на это раздалось лязганье решётчатого окошка надвратной башни и грубый голос спросил:

– Кого это в такую бурю чёрт принёс?

– Я, Северьян Дархомир, лорд Северных Земель королевства Оруэл со своими людьми. Прибыл по приказу моего короля.

Послышался скрежет опускаемой решётки.

– Входите, милорд. Мы доложим Его Светлости о вашем визите.

Мост, гремя и бряцая железом, стал опускаться.

Дождь продолжал лить как из ведра. Мне хотелось, чтобы эта допотопная железяка встала, уже, наконец, на место! Но всё словно застревало в этом густом, как мясной бульон, мареве.

Наконец ворота отворились, пропуская нас через тёмную арку, где ожидали слуги с факелами, во внутренний двор замка.

Ветер, прорываясь следом за нами в узкие проходы, завывал, точно шотландские банши.

Я шла вперёд, переполняемая противоречивыми чувствами. Моя душа металась между переполняющими её недобрыми предчувствиями и горячей, как свеча, надеждой.

Следуя за провожатыми, мы поднялись на второй этаж и, распахнув массивную двустворчатую дверь, оказались в просторном сводчатом зале. Пламя камина освещало всё вокруг красноватым светом. Возле огня, в широком кресле, сидел хозяин замка.

Когда мы вошли, он повернул голову в нашу сторону, какое-то время молча созерцал нашу вымокшую и продрогшую до костей, компанию, потом поднялся и шагнул навстречу.

– Приветствую вас, лорд Дархомир. Наслышан о вас, как о человеке чести и рад личной встречи.

Одет наш хозяин был весьма затейливо, в длинный, тёмно-синего бархата, камзол, расшитый серебрянными лилиями. Или нечто, близко напоминающее этот знак французской монархии. Широкий кожаный пояс перетягивал его талию, длинный кинжал свисал в пояса. Даже находясь в домашней обстановке этот человек не привык расслабляться.

Или имел все основания этого не делать.

– Взаимно, сударь, взаимно. Мне ради этой встречи пришлось преодолеть множество лиг и прорваться сквозь непогоду, тысячу чертей.

Эванеск Эппал вдруг скривился в хищной улыбке:

– Что заставило вас примчаться в мой замок? Никогда не поверю, что шпионы короля Ванхелия столь расторопны, что за три дня успели донести ему столь ценные сведения.

– Вы о гибели Порочного Принца?

– А вы?

– Именно. И слухи распространяются со скоростью ветра, но со мной случилось несчастье. Я находился на своих кораблях, торгующих с Закирскими Хребтами и Виороном, и подвергся нападению пиратов. Мой флот, к несчастью, был разбит, мне пришлось спасаться бегством.

– Торговля? Вот как? – протянул Эванеск, поглаживая чисто выбритый подбородок. – Кто это леди?

– Турхан Бэш.

– Любимая прислужница принцессы Анжелики?

– Скорее её компаньонка.

– И каким образом она оказалась в вашей компании, мой друг?

– С тех пор, как принцесса Анжелика вынуждено покинула нас, мы находим утешение от нашей потери в обществе друг друга, – спокойно и уверенно говорил Дархомир.

По губам лорда Эппала скользнула понимающая, насмешливая и циничная улыбка:

– Вот как значите – утешение? Что ж, надеюсь, вам удалось утешить плачущую девицу. Прошу прощения, что, устраивая вам допрос, но в наше время незваные гости вызывают подозрение.

– Как и во все времена, – с вежливым поклоном отозвался лорд Дархомир. – После того, как мы, потерпев бедствие, высадились на землю и увидели, как горят вокруг деревни...

– Проклятый выродок этой самки-кайота – шлюха старого короля! Он регулярно уничтожает моих людей и скот.

– Чернокнижник – человек без сердца, – вежливо поддержал беседу Северьян Дархомир.

– Вы должны понимать, что, находясь под моим кровом вы можете разделить мою невесёлую судьбу. После недавнего визита этих выроdkов сейчас временное затишье, но никто не знает, что они предпримут в следующее мгновение.

– В такую ночь, как эта, крыша над головой стоит любого риска.

– Возможно, вы правы. Возможно, что нет – время покажет. Вас отведут в круглую башню, где вы сможете высушить одежду и отдохнуть перед трапезой. В Розовом Замке принято ужинать поздно, так что я ещё надеюсь иметь удовольствие видеть моих гостей.

– Могу я попросить об отдельной комнате для моей протеже?

Презрительный взгляд острых, как бритва, глаз, скользнул по мне и тут же ушёл в сторону – словно даже смотреть на меня было для лорда Эппала равносильно унижению.

– Конечно. Под крышей моего дома законы гостеприимства чтят свято и желание гостя – закон для хозяина.

Сладко стелил. Наверняка ему показалось несуразной просьба об отдельных апартаментах для обыкновенной служанки? Ну, пусть необыкновенной, пусть королевской. Но можно не сомневаться – ко мне приставят невидимых соглядатаев, впрочем, как и ко всем.

Расслабляться нельзя. Нужно держать ухо востро.

– Не прощаюсь. Жду встречи с вашей весёлой компанией, – улыбнулся Эванеск Эппал своей жуткой хищной улыбкой.

Сопровождаемые слугами с факелами мы снова прошли через узкий коридор. В толстых стенах тут повсюду были выдолблены бойницы. Кроме закованных с латы стражников не было видно никакой челяди.

Ни суеты слуг, ни женских голосов, ни смеха. Лишь ветер завывал во всех щелях, которые находил.

Глава 34

Итак, я была на месте. Первая задача выполнена и, как ни странно даже легче и успешнее, чем я рассчитывала. Оказаться в замке удалось без особых проблем.

Вопрос в том, что мне делать дальше?

Лорда Дархомира и его людей отвели в одни апартаменты, меня же проводили до окованной железом двери, за которой оказалось круглое помещение, столь скудно меблированное, что его вполне можно было бы назвать полупустым.

Я обежала помещение взглядом. То ещё местечко! На каменных стенах никто и не потрудился развесить для меня гобелены, на узких окнах, прячущихся в толстых стенах, вполне ожидаемо ни гардин, ни занавесок. Из комфорта и удобств только крытая циновкой лежанка.

– Огонь разведёшь сама, чай, не графиня, – буркнул мне латник.

Проследив за его взглядом, я увидела сухие дрова, растопку и бересту.

Вы умеете добывать огонь трением, даже если к вашим услугам огниво? Я тоже нет. Пару раз мне удавалось увидеть, как в Тёмной Цитадели служанка высекала искру, зажав трут и кремень в коленях, а затем старательно раздувая огонь мехами. Сомневаясь, что даже под страхом смертной казни сумела бы повторить сей подвиг. Хоть я была и не против просушить одежду у огня, не говоря уже о том, чтобы погреться, но – труд и кремень?..

Я, конечно, не принцесса, а самозванка, но кое-что меня с Анжеликой роднит – я понятия не имею о том, как вести быт в сером средневековье.

Что ж? Нет огня и не надо. Некогда мне прохладиться. Нужно найти мужа, дать знать об этом Атайрону, чтобы Чернокнижник, которого все тут именуют проклятым, вытащил нас отсюда. Из этой западни.

В который раз я почувствовала себя ненужной, беспомощной и бесполезной. Я никак не могла придумать, что мне делать. Вернее, я понимала, что нужно искать Эвила, но – как? Отчего-то, пока я была

рядом со свекровью и шурином, самым сложным казалось пробраться в замок, а уж там разобраться – плёвое дело.

Ага. Сейчас. Плёвое. Мне нужен план. Хотя бы один. А желательнее бы и запасной на всякий случай иметь.

Вот она я, здесь. А Розовый Замок вовсе не спешит раскрывать передо мной свои тайны.

Всего-то и нужно – открыть дверь и пойти. Но когда ты не в толерантно настроенном демократичном мире, пусть и насквозь лживом, такое простое действие, как прогулка по тёмному коридору может стоить тебе жизни. Хотя, если уж на чистоту, зайти в замок к олигарху без разрешения, начни всё вынюхивать да выслеживать, результат может быть тоже плачевным. Какому полноправному хозяину понравится празднично шатающийся по замку гость, что-то вынюхивающий да выслеживающий? Особенно когда хозяину есть, что скрывать?

Но отсиживаться за дверью нет смысла. Как и тянуть время, как резину. Так, Ангелина Владимировна, Анжелика Олиера Ванхелия, королева Тёмной Цидатели и чёрт его ещё знает, как именуемая... короче, хватит праздновать труса. Вперёд. Только песен не надо. Заметут сразу же.

Это всё нервы. Конечно, нервы. Но, по правде сказать, замок, погружённый во мрак, внушал мне не просто страх – тёмные переходы, похожие на лабиринты, внушали откровенный ужас. Но отступить было некуда.

Конечно, дверь заперли. И, естественно, меня это не удержало. Как с краю постоявшая, я причастилась тёмным магическим искусствам, и плазменные щупальца, стекающие с моих рук, как их естественное продолжение (вроде человеческой тени) легко решили проблему.

Тьма стояла, хоть глаз коли. Щёки обдувало прохладными сквозняками. Но самым мерзким было тихое попискивание мышей. Боже! Я драконов с недавних пор не так боюсь, как этих вёртких пушистых тварей. Будем надеяться, что хоть крыс не встречу.

«Речь о жизни и смерти, а ты крыс боишься?», – хмыкнул в голове насмешливый голос, отчего-то с интонациями Атайрона.

Это был его голос. Почему моё собственное подсознание говорит со мной голосом шурина? Логичнее было бы слышать Эвила? Разве

нет?

Как же холодно и жутко! И ведь даже свечу зажечь нельзя. Во-первых, потому что свечей тут нет, а чтобы зажечь факел, нужно вернуться, взять трут и кремень... и не стоит забывать, что в темноте проще прятаться от врага. Так, что сама фиг найдёшься.

Ощупью двигаясь вперёд, я зорко вглядывалась в плотный мрак впереди. И моё метофизическое продолжение словно давало мне дополнительные органы осязания и зрения. Не знаю, как, но я чувствовала, что двигаюсь в нужном направлении. Чувствовала каким-то звериным чутьём.

Никогда не верила в экстрасенсорные способности. Но при этом всегда верила своей интуиции. Просто наш мозг сложнее, чем мы сами и в бессознательно хранится информация, часто не поступающая в сознание. Но она есть вместе с материалом, который в мозг поступил тем или иным образом.

Мысли всегда успокаивали меня, помогали сосредоточиться. Глаза свыклись с темнотой, и я различила впереди сумрачный свод.

Отовсюду неслись непонятные шорохи, и я сама для себя не могла толком решить, чего боюсь сильнее – встречи с человеком или каким-нибудь невероятным чудовищем, напоминающих о существовании Змеиного Острова или самого Ада.

В проёме бокового прохода мелькнул слабый свет. Слух уловил осторожные, шаркающие шаги. Пламя приближалось, заставляя меня вжиматься в стену, судорожно стискивая в руках кинжал и размышлять при этом – хватит ли у меня сил, умения или хотя бы духу прибегнуть к столь радикальному средству, если к тому будет необходимость? Сердце моё колотилось так сильно, что я боялась, этот грохот выдаст меня.

Свет приблизился вплотную, настолько, что из своего укрытия я могла видеть крепкую фигуру и бородатое лицо одного из прислужников, крадущимися шагамидвигающегося вперёд. Пламя в масляной лампе, что он держал в одной руке, трепетало. На второй стоял примитивный поднос с ломтём сухого хлеба, которого в пору назвать сухарём и маленьким глиняным кувшином воды.

Дойдя до следующего поворота, прислужник помедлил минуту, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли колеблясь. Пламя фонаря, должно

быть, слепило его. Только этим можно объяснить то, что он до сих пор меня не заметил.

Зачем прислужнику шастать в одиночестве в темноте, с подносом, на котором рацион и привередливую крысу не порадует? Я тут же решила про себя, что он идёт к узнику. И почти не сомневалась, что узник этот – Эвил.

Сердце моё по-прежнему колотилось, но теперь страх сменился волнением и каким-то диким возбуждением. Если бы могла я, наверное, руками бы подталкивала неторопливого в спину – скорее! Быстрее! Эвил, неужели же я сейчас увижу тебя?! Мне и не терпелось, и не верилось в грядущее счастье.

Я так хотела увидеть мужа, что в тот момент даже не боялась того, что могу найти его искалеченным или израненным. Да и что поменяли бы мои страхи? Если он ранен, то, что я его не вижу, лучше ему не сделает.

Увидеть, помочь, спасти – вот всё, что занимало меня в тот момент.

Мы продолжали двигаться вперёд. Коридор сменился ступенями за потайной дверью в башне.

Тишина была абсолютной и ужасно действовала на нервы. Я боялась каждый раз, как делала новый шаг – вдруг впереди идущий меня невольный проводник меня услышит. Но он уверенно продолжал свой извилистый путь. Я следовала за ним, стараясь зорко вглядываться в окружающий меня сумрак.

Я понимала, какой опасности подвергаюсь, если меня раскроют. Без крови не обойдётся.

Впрочем, без неё не обойдётся в любом случае.

Мой проводник остановился перед глубокой дверной нишей. Единственной в конце этой бесконечной лестницы. Чтобы не было за ней, я готова увидеть это без свидетелей.

Щупальца-плазма, легко теперь возникающая по моему желанию, обвилась вокруг шеи и через несколько секунд моя жертва потеряла сознание. Всё-таки магия – иногда это здорово. Хоть и ужасно. Ладно, сойдёмся на той, что порой это удобно.

Лентами плазмы, как гигантским скотчем, я приклеила несчастное тело прислужника к стенке, где он смотрелся совсем как муха, угодившая в паутину. Жалко беднягу, а что делать?

Преодолевая брезгливый страх, я пошарила по карманам моего пленника, но ключей так и не нашла, без ключей даже при помощи магии тут возиться и возиться. Дверь казалась толстенной, доски были сантиметром пять в толщину, не меньше, к тому же обиты кованными железными полосами.

Но тут я с облегчением заметила, что никаких замков на двери и нет. Она запиралась на три огромных тяжелых засова, что выдвигались из стены, входя в специально выдолбленные гнёзда.

«За такой дверью можно держать не только Всадника, но и самого дракона», – с горькой усмешкой подумала я.

Промелькнула мысль о том, что, войдя в камеру, могу оказаться в ловушке. Потом поняла, что не страшно – выстроить портал можно и за закрытой дверью. Если только впереди, конечно, нет специальных антимагических артефактов. Но какой смысл теперь колебаться или раздумывать? Я прошла слишком долгий путь.

Когда я ухватилась за засовы, с огромным трудом сдвигая их с места, петли пронзительно визгнули и этот звук показался мне оглушительным.

Сейчас я встречу Эвила – или не встречу.

Приподняв лампу над головой, я осветила узкую сырую келью, где царил пронизывающий холод.

Посреди кельи на полу лежало распостёртое тело с разметавшимися по каменным плитам волосами.

Против воли я рванулась вперёд:

– Эвил? О, господи, Эвил! Ты жив? Только дыши, любовь моя! Только дыши!

Я приподняла голову несчастного пленника и положила её к себе на колени. При этом раздался негромкий металлический лязг. Повернув голову, я увидела, что от кольца на лодыжке моего короля к стене висит цепь. Железный, отполированный до блеска широкий металлический браслет натёр кожу, под ним виднелась багровая, кровоточащая полоса.

– Эвил, прошу тебя, приди в себя!

Метнувшись к выходу и прихватив с собой кувшинчик с водой, я осторожно разомкнула губы несчастного царственного узника и по капле стала вливать в них воду.

Поначалу Эвил не подавал никаких признаков жизни, но затем стон сорвался с его губ и он, с жадностью припав к горлышку, стал глотать воду. Я бережно придерживала его голову.

Оставалось только удивляться, что мучения и лишения последних дней не смогли наложить отпечаток на прекрасную внешность моего короля. Он выглядел истощённым, но высокий лоб и мертвенно-бледный профиль словно светились, будто изваяние из мрамора, что придавало Эвилу одухотворённость святого.

Мой муж глубоко вздохнул и открыл глаза. Наши взгляды встретились.

– Анжелика? – он вздрогнул. – Я, должно быть, брежу?

– Нет, любимый, это правда я.

– Ты? – повторил он, словно пробуя каждую букву на вкус. – Но тебя не должно тут быть! Это не правда! Ты не можешь...

– Пробраться сюда было не так уж сложно...

– Это да! Гораздо сложнее выбраться. Я бы сказал – невозможно! Анжелика, что за безумие вселилось в твою светлую голову?! Ты должна быть в своей светлице, в безопасности, под присмотром верных слуг, а не в этом аду!

– Поздно сетовать о том, что сам разрушил. Когда ты сделал меня Драконьим Всадником, пусть в девичий уют мне был заказан. Кто однажды познал бурю, всегда будет искать новой встречи. Но здесь я не за приключениями, а из-за тебя. Боже, Эвил, мы думали, ты погиб! Не представляешь, что я пережила.

– Представляю. Глядя на тебя сейчас, я осознаю, что мы можем погибнуть вместе. Нельзя сказать, что эта мысль придаёт мне сил.

– Мы выберемся!

– Думаешь, это так просто?! Анжелика, я бы был уже на свободе. Но цепь тяжёлая и зачарована специально против магии. Я связан заклятьями.

– А я – нет! Обещаю, мы выберемся.

– Не спешил бы я на твоём месте разбрасываться обещаниями.

– Дорогой, не хочу быть занудой, но твоё ворчание не помогает.

– Это не ворчание. Я просто беспокоюсь за тебя.

– Беспокоиться уже поздно. Я здесь, рядом с тобой. И у нас есть два пути: мы либо выберемся отсюда, либо – нет.

Эвил потянулся ко мне, и я с радостью заключила его в объятия.

– Если бы у меня только были силы заставить тебя уйти. Я не могу идти, буду балластом. А если наш негостеприимный хозяин застанет тебя рядом со мной, поверь, он не станет церемониться и даже разбираться, кто ты на самом деле такая. А этот замок умеет хранить свои мрачные тайны.

– Тогда не будет терять времени.

– Что ты хочешь делать? – забеспокоился принц.

Я сняла с шеи медальон и поделилась планом:

– Собираюсь дать знать Атайрону, что нашла тебя. Надеюсь, он найдёт способ вытащить нас отсюда.

Эвил покачал головой:

– Ещё и брата сюда втянуть? Это уж слишком.

Не слушая его, я сжала кулон в руке и, раскрыв створки, бросила его вперёд. Прочертив в воздухе серебристую дугу, он словно растворился в воздухе.

Я в немом ожидании ждала, но ничего не происходило.

– Анжелика, ты должна уйти. Возможно, ты вернёшься позже, но сейчас слишком опасно...

– Без тебя я никуда не пойду, – отрезала я.

Больше сказать я ничего не успела. Дверь широко распахнулась – на пороге стоял лорд Эппал. В его руке, потрескивая, горел факел, за ним толпились вооруженные до зубов стражники, среди которых я различила бледное лицо лорда Дархомира.

– Клянусь преисподней, приткая у вас служанка. Похоже, она нашла себе покровителя повыше рангом. Боюсь, нам придётся объяснить красотке, что она просчиталась.

– Это... – кашлянул, чтобы прочистить горло, лорд Дархомир. – Это то, что я думаю?

– Полагаю, вы столь изящно уточняете, не сам ли Порочный Принц перед вами. Да, это действительно он.

– Значит, он не умер?

– Всё равно что мёртв. Я просто решил не торопиться с этим. Смерть делает врага неуязвимым для нас, в то время, пока противник дышит, мы можем торжествовать над ним столько раз, сколько пожелаем!

– Однако, когда противник действительно мёртв, вам больше не приходится ничего опасаться с его стороны, – рассудительно заметил

Северьян.

– Я и сейчас ничего не опасаясь.

– Возможно, зря?

Но предупреждения пропали даром.

– Я так не считаю, – усмехнулся наш негостеприимный хозяин. –

В этом замке непрощенные гости пропадают без следа. Так уже было раньше, может случиться и впредь.

– Что вы имеете ввиду? – нахмурился лорд Дархомир.

Видимо, приказу хозяина, стражники схватили его за руки и, в мгновение обезоружив, скрутив руки за спиной, толкнули к нам.

– Я так полагаю, вы будете не против составить компанию вашей любимой принцессе Олиера и её полудохлому муженьку? Удивлены? За глупца меня держали, господа? На ваше несчастье, всё совсем не так. И у вас будет время подумать о неправильном поведении. Время, честно говоря, это всё, что у вас останется.

– О чём это вы? – рыкнул Северьян, поднимаясь с колен, на которые упал, когда его толкнули вперёд.

Лорд усмехнулся.

– Я велю замуровать эту дверь. Никто из вас отсюда не выйдет. И ни одна живая душа не будет знать, где вам искать. Это особое место – зачарованное. Я дорого заплатил магам, и они хорошо постарались. Из этой могилы ни один из вас живым не выберется. Вы будете мертвы – мертвы так же, как моя дочь. И счёт будет закрыт.

Полная пламенного запала речь резко прервалась. Прямо из пустоты вылетевший кинжал ровно, как в масло, вошёл в горло телохранителя, стоявшего рядом с хозяином замка. Несчастный ничком рухнул на пол.

Прежде, чем мы успели опомниться или охнуть, из ниоткуда шагнул Атайрон, словно по волшебству оказавшись рядом с нашим противником, неуловимо точным движением заломил ему руку за спину, приставляя к его шее острый кинжал. Эппал оказался живым щитом между нами и его людьми. Всё это произошло в мгновение ока.

Люди герцога рванулись было на помощь к своему хозяину, но застыли под тихим, хлестким окриком:

– Стоять. Или я отрежу вашему господину голову.

Эппал замер с перекошенным от бессильной ярости лицом:

– Будьте вы прокляты, выродки! – прошипел он.

Атайрон коротко кивнул в ответ, словно соглашаясь с озвученным предложением.

Все замерли. Никто не решался пошевелиться.

Атайрон нагнулся к уху своего заложника:

– Вам пойдёт на пользу, если вы по доброй воли и без лишнего насилия с моей стороны сможете снять с моего брата оковы.

– Не дождётесь! – прошипел герцог.

– Дождусь. Но так будет длиннее и, боюсь, больнее, однако, выбирать вам.

Надменность Эппала никуда не делась. Он не был трусом, на наше несчастье и, на своё собственное, оказался жутким упрямым.

– Иди к чёрту! – процедил он сквозь зубы.

Атайрон в раздумьях взглянул на меня.

– Если ты думаешь о магии – забудь, – слабо шевельнувшись, проговорил Эвил. – Цепь зачарована и отдача может быть опасна. Как для меня, так и для мага.

– Можно попробовать перерубить цепь, – неожиданно выступил с предложением Дархомир.

– Попробуй, – кивнул Атайрон, ни на секунду не ослабляя бдительности.

Я старалась держаться так, чтобы в любой момент оказаться рядом с Эвилом или вместе с Атайроном, при необходимости, вступить в бой. Воин из меня, конечно, был так себе (и это мягкой сказано), но магию применять нельзя было только в отношении цепи. Убивать её никто не запрещал.

– Никаких лишних движений, – снова предупредил Атайрон. – В противном случае мы никого из вас не пощадим.

– Я знаю Санисторов. Пощады не будет в любом случае, – презрительно фыркнул герцог Эппал.

Стук собственного сердца отдавался от волнения в ушах. Всё висело на волоске, и так хотелось побыстрее оказаться в безопасности, что эта поспешность могла помочь наломать дров. Нужно держать себя в руках и не терять головы.

Дархомир склонился над цепью. Какое-то время он рассматривал её, а затем, вместо того, чтобы широко размахнуться и ударить (как я себе это представляла), просто вставил меч между звеньями цепи и почти играючи разомкнул её. Мне почему-то вспомнилась детская

байка о ларчике, замочек которого никто не мог отомкнуть, а он «просто открывался».

– Готово.

Эвил, сумрачный и бледный, казался ко всему странно безучастным и это тревожило меня всё сильнее. Он сидел, прислонившись головой к стене, и его чёрные волосы, обильно смоченные потом, придавали и без того обычно бледной коже матовой оттенок слоновой кости.

Я снова бросилась к нему, предоставив мужчинам беспокоиться о врагах.

– Идём, дорогой! – обняв его, я попыталась помочь ему подняться, но добилась лишь того, что с губ его сорвался хриплый вскрик. – Боже! Что случилось? Что они с тобой сделали? – в ужасе на миг отшатнулась я.

Эвил вновь застонал, отворачивая от меня лицо так, словно не желал видеть.

– Ваше Величество, видимо, ничего хорошего с вашим мужем не произошло, – с лёгким налётом иронии проговорил Дархомир. – Слишком много крови вокруг.

– Вы за это ответите! – гневно обернулась я к Эппалу, в ответ он хищно ощерился.

– Как пожелаете, миледи.

– Быстрее! Время не резиновое, – недовольно буркнул Атайрон. – Помогите брату подняться на ноги, – велел он мне.

– Но он ранен, – пыталась я возразить.

– Тогда оставьте его здесь, – хмыкнул Эппал.

Его люди изображали собой статуи по краям этой, через чур живописной, сцены.

Эвил улыбнулся, явно через силу:

– Дорогой мой брат, я вряд ли смогу подняться. Если бы я мог это сделать, поверь, не стал бы дожидаться твоего появления. Но у меня раздроблена большая часть костей, моё тело – сплошная рана.

– Ладно, я понесу тебя, – судя по выражению лица, такая перспектива явно не казалась Северьяну Дархомиру вдохновляющей, тем больше благодарно во мне вызывал его порыв.

– Вас отблагодарят, – кивнул ему Атайрон. – И вам не придётся идти долго, обещаю.

Эвил сжал челюсть, когда Дархомир взял его под мышки и поставил на ноги. Из его горла исходило какое-то глухое рычание. Я видела, что несмотря на все усилия, если бы с двух сторон не поддерживали его с Дархомиром, он бы рухнул.

– Идите вперёд, – скомандовал Атайрон и в пространстве вновь словно образовалась прореха, будто кто-то изнутри, с другой стороны, вспорол его синей молнией-лезвием.

Лорд Дархомир нахмурился, недоверчиво взирая на синий сверкающих портал.

– Идите! – прикрикнул на нас Атайрон.

Но Дархомир в трёх шагах от спасительного входа заупрямился:

– Мы не можем взять и просто уйти отсюда. Что будет с моим людьми? Они пришли сюда со мной, и я не позволю...

– Дьявол тебя подери! Я выменяю твоих людей на эту шкуру! – Атайрон толкнул своего пленника в спину. – И если хоть одна волосинка упадёт с ваших гостей, вместо господина вы получите набитое соломой чучело. А теперь пошли уже! Ведь ничьи силы не безграничны.

К счастью, Северьян больше не задавал вопросов. Поддерживая под руку Эвила с двух сторон, мы шагнули в пространственную прореху и нас закрутило с такой скоростью, будто затянуло в стиральную машину в режиме отжима.

Когда этот магический пылесос выплюнул нас в другом месте, я чувствовала себя так, будто меня сейчас вывернет наизнанку. А лорд Дархомир всё-таки не удержался и расстался с недавним ужином.

Эвил рухнул безвольной массой на землю, не сумев сдержать душераздирающего крика. Зловещее эхо гор лишь усиливало его.

Вокруг нас пылал высокий костёр, я не сразу сообразило, что пламя складывается в фигуру. Огонь быстро опадал. А вместе с ним на колени опустилась и Хатериман. Вот кто на самом деле всё это время держал портал открытым, и именно потому она не появилась в Розовом Замке лично! Видимо, силы у неё был на исходе. Потому что как только Атайрон и его пленник материализовались рядом с нами, она, вместо того, чтобы броситься к сыновьям, почти бессильно осела на землю.

Прежде, чем лорд Эппал успел что-либо сказать или сделать, Атайрон хладнокровно перерезал ему шею. Кровь алым фонтаном

брызнула во все стороны, а потом горячим тёмным ручьём пролилась на землю.

Глава 35

– Какого чёрта?! – заорал Дархомир, агрессивно шагнув в сторону оставшегося совершенно невозмутимым Атайрона. – Зачем ты это сделал?

Я бросилась к Эвилу, стараясь поддержать его в первую очередь. Но и тревога, и возмущение лорда Северьяна мне тоже была вполне понятна – его люди остались в заложниках.

– Простите, мы не представлены, – с грубоватой надменностью, смешивающей человека с грязью, взглянул на Дархомира Атайрон. – От кого имею честь получить столь ценное замечания?

– Я рисковал ради ваших задниц жизнью, а вы ни секунды не посчитались с интересами моих людей.

– Успокойтесь, сударь, – Эвил говорил тихо, но всё же достаточно чётко внятно, чтобы его слышали. – Мой брат всего лишь устранил врага.

– Всего лишь «устранил врага»?

– Вы забываете о способностях того, кого прозвали Чернокнижником. Живым лорд Эппал был слишком жестоким и своевольным, но мёртвый будет предсказуем и покладист. Уверен, он выполнил свою роль и больше не будет досадной помехой. А мы, в свой черёд, не забудем, что вы помогли нам. Вы будете вознаграждены, даю вас слово.

Видимо, речь были слишком длинной для ослабшего раненого. Под конец его слова звучали почти шёпотом.

Моя измученная бесконечными испытания психика давала сбой. Ужасно хотелось разрыдаться, раскричаться, устроить истерику – хоть как-то сбросить накопившееся напряжение. Хотелось наконец-то расслабиться. Даже хотелось – неправильное слово. Это было не желание, а потребность. Всё время в напряжении даже металл не может находиться. Сначала я переживала, как бы меня не прикончили по наущению Хатериман, потом боялась, как бы братья-принцы-колдуны не сошли с ума, и не принялись на своих драконах уничтожать всех встречных и поперечных, позже и вовсе пережила полное отчаяние – почти сутки я прибывала в уверенности, что Эвил

мёртв. Необходимость спасти ему жизнь, заставила меня мобилизоваться, потом вся эта борьба, и вот сейчас бы выдохнуть, но... не выдыхалось.

Эвил был так бледен. Его красота приобретала какое-то нечеловеческое свечение, как у догорающей свечи. Ему срочно требовалась помощь, но вместо докторов – лишь снежная пустыня, грозные драконы, воины и колдуны, почти исчерпавшие весь магический потенциал.

Судя по всему, скоро к нашей компании присоединится ещё и зомби.

Хатериман села рядом с сыном напротив меня. Теперь он разделял нас с ней, как рубеж. Эвил был единственным, что нас связывало с этой женщиной и, одновременно с тем, разъединяло.

Лицо колдуньи словно истончилось. Волосы, выбившиеся из причёски, плыли тонкими прядями вокруг её худого лица с горящими глазами подобно водорослям в сильном течении.

Именно такими я всегда представляла их себе – злых духов и тёмных ведьм. С худыми лицами и горящими глазами.

– Прости меня, сын, – низким, хриплым голосом проговорила она.

– За что?

– За всё. За то, что мои безумные идеи привели нас всех – вот к этому.

Мне хотелось одёрнуть её, хотелось прикрикнуть, заставить замолчать. Ворон – недобрая птица, несущая дурную весть, а её речи были полны печали и заставляли меня трепетать от ужаса.

– Я никогда ни в чём не винил вас, матушка.

Атайрон вырос за спиной матери, печально глядя на брата. Эвил перевёл взгляд на него и слабо улыбнулся:

– Нужно было послушаться тебя. Сделай я это, всё было бы иначе. Теперь Злой Рок погиб...

– Не думай об этом. Жизнь людей ценнее.

– Но наши жизни связаны... и я говорил не только о Розовых Островах. Ты всегда был мудрее, старший брат.

Всё это звучало очень, очень неправильно. Тоскливо.

– Эвил! – горячо сжала я его сухую, горячую от лихорадки руку. – Не говори так! Это похоже на прощание, а ты не должен сдаваться! Всё ведь уже позади! Мы выбрались, и теперь всё будет хорошо.

Он перевёл на меня словно обведённые чёрной тушью глаза. Поднёс мои пальца к пылающим от внутреннего жара губам и нежно поцеловал их.

– Дорогая моя... ты единственная, у кого мне хотелось бы просить прощения самому. Я поступил с тобой... неправильно.

– Не думай об этой! Это всё ерунда.

– Мне жаль, что подвергал твою жизнь опасности. И в тоже время я не могу жалеть о нашей встрече. Ты подарила мне то, о чём я не смел и помышлять в этой грубой, слишком простой жизни – ты подарила мне чудо любви. Я люблю тебя.

– И я – тебя! Эвил, пожалуйста, держись! Ведь у нас всё только начинается – перед нами весь мир!

– Правда в том, что миру будет без меня лучше. Ему не придётся подчиняться тирану.

– Что ты такое говоришь!? Ты не тиран и никогда им не был! Я не знала никого благороднее, смелее и честнее тебя!

– Ты всё это себе придумала, Анжелика. Мечтательные девушки вроде тебя всегда себе придумывают героев. Меня настоящего ты никогда не знала. Будем честны – вся наша любовь была слишком похожа на сказку, а грешный мир не терпит сказок. На самом деле смерть – лучшее, что может приключиться с влюблёнными, потому что она трусливо даёт избежать самого печального: осознания, что весь этот романтический флёр не более, чем пустые мечты.

– Эвил, – тихо окликнул его Атайрон, – наверное, тебе не стоит так говорить?

Мой прекрасный принц взглянул на брата и улыбнулся светло, и в тоже время грустно.

– Может быть. Но я ясно вижу сейчас, что, несмотря на то, что мы влюбились в друг друга горячо и пылко, милая моя, от нашей страсти мало что осталось бы, прожили мы друг с другом чуть дольше. Я люблю вас всех, я рад, что вы сейчас рядом, но уходить мне не страшно. На самом деле – ничуть. Я никогда... не чувствовал себя... так свободно...

Глаза его на миг расширились, он тихо вдохнул и... выдоха не было.

Я всё поняла сразу. И я была к этому совершенно не готова. Это несправедливо! Так не может быть! Я столько прошла ради того,

чтобы мы были вместе, я оседлала дракона, я пробралась во вражеский замок и сумела выйти оттуда, я вытащила его не за тем, чтобы он просто взял и умер у меня на руках!

Нет! Нет, нет и нет! Я категорический отрицала всё, что только что произошло. Со мной приключилась самая настоящая истерика. Я кричала, плакала, проклинала и снова кричала, прося Эвила вернуться ко мне.

Будто он мог слышать? Будто мог передумать уходить? Будто кто-то сверху готов был посчитаться с нашими желаниями.

Меня держали, и лишь позже, оглядываясь в памяти назад, я осознала, что держал меня лорд Дархомир, не давая упасть на стылую, покрытую льдом землю.

Пройти такой долгий путь – и остаться одной. Потерять всё, что заставляло двигаться тебя дальше? Я не знала, как мне дышать дальше и зачем это делать? Если бы в тот момент я могла лечь рядом и не просыпаться. Но... на самом деле боль не убивает. И не делает нас сильнее. Боль – это то, что, раз поселившись в твоём теле или душе уже никогда тебя не оставляет, она твой вечный враг, с которым приходится существовать дальше. Каждый день.

Усталость в какой-то момент взяла своё. Перестав кричать, я села на землю. Ветер колотил лицо крупинками снега, подхваченного им с земли. Мороз забирался под плащ, обнимая за плечи ледяными пальцами.

Зачем всё было? Зачем? Мы думаем, о судьбы есть план на наш счёт. Мы считаем себя бессмертными. А я, пережив одну смерть, в глубине души верила в собственную неуязвимость и неуязвимость тех, кого люблю. Верила в то, что меня перенесло сюда с какой-то целью и смыслом. Но смысла не была. Или я его не видела.

Даже в первый раз узнать о смерти мужа было не так больно.

Меня вдруг резко потянули вверх, заставляя подняться:

– Вставай, – довольно грубо проговорил Атайрон.

Я посмотрела на него с тенью обиды, на настоящую не хватило сил.

– Вставать? Зачем?

– Ты собираешься вмёрзнуть в камни и остаться здесь вечным изваянием?

– Была бы не против.

– Анжелика, – его руки на моих плечах были тяжёлыми. И в то же время тёплыми. Живительно тёплыми, как неожиданный кусочек суши под ногами, после того, как слишком долго плыл и выбился из сил. – Я понимаю, что ты чувствуешь. Поверь, я чувствую то же самое.

– Всё было зря? Всё, что мы сделали?

– Нет, не было! Он умер не в одиночестве, а среди тех, кто его любил. Он знал, что мы его не бросили, а боролись за него до последнего.

– Но Эвил умер, – сказала я голосом, который мне показался принадлежащим не мне, а кому-то другому. – Он умер, и ему теперь уже всё равно.

– Зато пока жил, всё равно не было! Мы сделали всё, что могли. Но это ещё не всё.

Я непонимающе посмотрела в его острое, жёсткое, сосредоточенное лицо.

– Ещё ничего не закончено.

– Только не говори мне о том, чтобы снова бороться за престол! Иначе я... я даже не знаю, что сделаю.

– В данный момент мои планы куда проще – мы должны вернуть тело брата в Тёмную Цитадель и предать его тело земле со всеми полагающимися почестями. Мы должны держаться, Анжелика. Особенно – ты.

– Почему я?

– Потому что король умер, но осталась жить королева.

– Никакая я не королева! Я жалкая самозванка! Ты всё это время называешь меня не моим именем. Боже! Я хочу вернуться! Я устала. Я так устала!

– А я?! По-твоему я не устал? Я, как и ты, из плоти и крови. Я тоже потерял близкого человека в тот момент, когда думал, что обрёл его. Что теперь – сдать? Позволить себе раскинуть? Думаешь мне этого не хочется? Но я не имею на это право, потому что есть ты, есть моя мать, есть народ, которому нужна власть – даже плохая, она лучше, чем никакая. Мы не можем вот так просто всё бросить, лечь на землю и умереть. Нужно собраться, Анжелика, сжать руки в кулак, зубы до хруста, встряхнуть себя за шкуру и двигаться дальше. У Эвила не было выбора, но у нас с тобой он есть.

– Я не знаю... я не справлюсь... я просто не понимаю, зачем и куда двигаться?

– Плачь, Анжелика. Плачь. Плакать – это естественно. Скорбеть – тоже нормально. Невыплаканные слёзы обескровливают душу, превращая её в пустыню.

И в этот момент я сдалась. Уткнувшись в грудь Атайрона я плакала – не рыдала. Не могу сказать, что слёзы приносили облегчения. И смирения я в тот момент не чувствовала.

Но в тот момент я поняла, что как бы не было больно, нужно двигаться дальше. Не ради себя – ради того, кто рядом.

Я отстранилась, поднимая на Атайрона потухший взгляд:

– Что нужно делать?

– Нас четверо, драконов – двое. Нужно возвращаться домой. Молния понесёт тебя и мать, Пламя – меня и Эвила.

– А как же Северьян?

– Пока ты пребывала в тихой прострации, я решил эту проблему.

– Как?

– Отправил его в обществе поднятого Эппала назад, в Розовые Пески. В том состоянии, в котором находится господин Розового Замка, он будет беспрекословно подчиняться всем приказам лорда Дархомира.

– А что будем потом?

– Полагаю, забрав своих людей, твой вассал отбудет в Оруэл. Как только магия перестанет соединять его с лордом Эппалом, тот снова станет тем, кем есть – трупом. И в Розовом Замке, так же, как и Тёмной Цитадели, поднимутся высокие костры Тризны.

Я смутно помню путь домой.